

Философия сознания

Д. Б. Волков

Бостонский зомби

Д. ДЕННЕТ И ЕГО ТЕОРИЯ СОЗНАНИЯ

Д. Б. Волков

Бостонский зомби

Д. ДЕННЕТ И ЕГО ТЕОРИЯ СОЗНАНИЯ

URSS
МОСКВА

Волков Дмитрий Борисович

Бостонский зомби: Д. Деннет и его теория сознания. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. — 320 с. (Философия сознания.)

Сознание — одно из самых загадочных явлений в природе; уже сотни лет оно занимает умы философов. Но среди их умозаключений до сих пор не было ни одного полностью удовлетворительного. Только в последние десятилетия намечился значимый прогресс в вопросе изучения природы сознания. В связи с открытиями в нейрофизиологии, когнитивистике, конструировании искусственного интеллекта появилась надежда объяснить этот удивительный феномен.

Один из самых известных современных мыслителей Дэниел Деннет убежден, что его подход в исследовании сознания гарантирует успех. Об этом подходе, о теории сознания Деннета написана данная книга. Но ее вряд ли можно причислить к апологетической литературе; автор книги, несмотря на общую симпатию к американскому философу, попытался объективно оценить аргументы Деннета.

Действительно ли они могут объяснить субъективный внутренний опыт?

Дают ли они исчерпывающие ответы?

Так ли успешны мысленные эксперименты Деннета, и нет ли в них внутренних противоречий?

Смог ли американский философ адекватно ответить на критику со стороны своих главных оппонентов, Дж. Сёрла и Д. Чалмерса, и убедить других философов в собственной правоте?

На страницах этой книги развернулась живая дискуссия между лучшими философами англоязычного мира и нашими соотечественниками. Едва ли выводы читателей книги будут одинаковыми; но никто из них, отправившись в интеллектуальное путешествие по современной теории сознания, не вернется туда же, откуда начинал путь. Изменится мировоззрение, изменятся представления о принципиальном внутреннем единстве личности, о том, что знание собственного внутреннего мира полно и безошибочно, что субъект имеет непосредственный доступ к значениям и смыслам. Очевидные факты могут показаться иллюзией; ведь неслучайно Деннета называли дьяволом материализма и отрицающим сознание философ-зомби.

Для философов, психологов и всех заинтересованных читателей.

Издательство «Книжный дом «ЛИБРОКОМ»».

117335, Москва, Нахимовский пр-т, 56.

Формат 60×90/16. Печ. л. 20. Зак. № 996

Отпечатано в ООО «Чебоксарская типография №1».

428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 15.

ISBN 978-5-397-02263-7

© Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА	
	E-mail: URSS@URSS.ru
	Каталог изданий в Интернете:
	http://URSS.ru
	Тел./факс (многоканальный):
	+ 7 (499) 724-25-45
URSS	

10451 ID 124076

9 785397 022637

Содержание

Предисловие	7
Введение	11
1. Психофизическая проблема	11
2. Дуалистическое решение Декарта	13
3. Теория предустановленной гармонии Лейбница	15
4. Материалистические решения Гоббса и Ламетри	16
5. Сознание в теориях XX века. Бихевиоризм	19
6. Когнитивная революция	20
7. Современные подходы к решению проблемы сознания. Научный или философский вопрос?	23
8. Наука и философия в решении проблемы сознания	24
9. Д. Деннет и его подход к психофизической проблеме	30
10. Три кампании Деннета по разрешению проблемы сознания	34
11. Структура книги	41
 Глава 1	
Интенциональная установка	45
1. Трудная и легкие проблемы. С чего начинать?	47
2. Интенциональность как отличительная черта психического. Тезис о нередуцируемости	48
3. Феноменология. Автономная наука о сознании	51

4. Бихевиоризм. Сознание несущественно	53
5. Логический бихевиоризм	56
6. Резюме. Отправные точки	64
7. Альтернативное решение Деннета. Теория интенциональных систем	65
8. Аргумент Китайская комната. Исходная и производная интенциональность	78
9. Критика семантического реализма Сёрла	93
10. Недостатки инструментализма	100
11. Тропический реализм Деннета	104

Глава 2

Модель множественных набросков 109

1. От Мистерианцев к объясненному сознанию. Интроспекция и гетерофеноменология	111
2. Картезианский театр и картезианский материализм	118
3. Модель множественных набросков	120
4. ММН и метафора «славы в мозге»	139

Глава 3

Дисквалификация квалиа 167

1. Нерешенная трудная проблема	169
2. Квалиа как водораздел. Оптимистические и пессимистические теории	170
3. Деннет о квалиа	172
4. Цвет — это квалиа?	173
5. Цвет как реляционное качество	174
6. Аргумент Инвертированный спектр	180
7. Аргумент Знания. Что не знает Мэри?	195
8. Аргумент Зомби	199
9. Критика эпифеноменализма	202

Глава 4

Центр нарративной гравитации	205
1. Игра «Психоанализ».	
Автобиографии без автора	207
2. Лабиринт философских альтернатив	209
3. История о появлении Я	216
4. Условия появления личности.	
Нормативное определение	220
5. Свобода воли и ответственность	224
6. Синхронное тождество. Сколько личностей может быть в одном теле в одно время?	227
7. Личность — вымышленный персонаж	250
8. Личность — результат коллективного творчества . .	258
9. Асинхронное тождество личности	262
Заключение	269
Список литературы	275
Примечания	293

Предисловие

Перед вами результат шестилетнего исследования, которое началось на философском факультете МГУ с учебы на «втором высшем», когда меня заинтересовали проблема сознания и современная аналитическая философия. Это были особенные годы. Впервые за долгое время удавалось отвлечься от мыслей о работе и, положившись на профессионализм и ответственность коллег, оставлять офис в половине шестого, чтобы успевать на занятия. Там, в аудитории на самом верхнем этаже 1-го гуманитарного корпуса, откуда из больших окон открывается вид на вечернюю Москву, мы слушали лекции о Платоне и Аристотеле, Канте и Гегеле, Расселе и Витгенштейне. Группа состояла всего из нескольких человек, но как-то очень удачно подобралась. Мы все, несмотря на различное образование и профессии (среди нас были тележурналист, химик, филолог, физик и бизнесмен), были уверены, что философия абсолютно необходима. Конечно, здорово, когда ей занимаются студенты на «первом высшем». У них всегда бесконечный запас оригинальных идей, и любые трудности им кажутся нипочем. Но абсолютно необходима философия и тем, кто успел получить жизненный опыт. Тогда это вполне осмысленный шаг, продиктованный желанием вновь попытаться ответить на «большие вопросы», из фрагментарных профессиональных, практических и теоретических знаний составить что-то вроде общей картины и, может быть, даже испытать свои интеллектуальные силы на проблемах, которые не смогли решить многие поколения. За это продуктивное время — время обсуждения книг и философских вопросов я благодарен своим сокурсникам Ирине Курашвили, Андрею Картавцеву, Сергею Прушинскому, Галине Шнитман.

Поступление в аспирантуру и работа над диссертацией были естественным продолжением философских занятий. Ведь дипломная работа оставила много неразрешенных вопросов, и у меня уже был научный руководитель. Это значило больше всего. Работа с профессором Васильевым — наверное, один из самых увлекательных опытов общения, который у меня был. Благодаря множеству бесед и переписке с научным руководителем я смог обнаружить парадоксы там, где раньше видел только тривиальность, открыл для себя удовольствие в расследовании философских аргументов, получил ориентир на увлеченную, тщательную, ответственную философскую работу. Что и говорить, даже смелым названием этой книги я обязан В. Васильеву. Поэтому получившийся текст — продолжение нашего диалога и попытка в чем-то ответить на книгу «Трудная проблема сознания» — по моему мнению, одну из лучших книг среди современной философской литературы. Однако было бы несправедливым считать, что это только диалог. Идеи, высказываемые в этой работе, не раз обсуждались с другими российскими философами на философском факультете МГУ, в частности с Д. В. Бугаевым, Д. В. Ивановым, А. А. Костиковой, Ю. Р. Селивановым. Общение на кафедре, факультете, а также на круглых столах и конференциях с участием коллег из института философии РАН, прежде всего Н. С. Юлиной и Д. И. Дубровского, создали условия, интеллектуальную атмосферу, без которой невозможной была бы эта работа.

И, конечно, я благодарен семье. Эта публикация — своего рода извинение. Извинение за то, что подряд несколько лет, вместо того чтобы активно участвовать в совместных делах, проводить больше времени вместе, при первой возможности я садился за компьютер и книги и только изредка отвлекался (и не всегда с удовольствием), чтобы встретить пришедшую в гости маму или посмотреть новый рисунок дочери. Я надеюсь, что хотя бы часть этой работы будет интересна и членам моей семьи, так как без них она бы точно не была написана и, возможно, не имела бы смысла. Особенно я благодарен Юле, моей жене, за то, что терпеливо выслушивала не совсем ясные аргументы, заходила ко мне на лекции, по несколько раз читала недописанные запутанные главы. Ее комментарии, несо-

мненно, улучшили текст. Даже знакомству с Деннетом я обязан, скорее, не собственной эрудиции, а ее обаянию (в письмах Деннета всегда присутствует «привет Юлии»). Я обязан маме за то, что она всегда поддерживает меня в моих начинаниях, отцу — за пример в настойчивости и упорстве, брату — за слова поддержки, а дочери — за радость общения и вдохновение.

Я также хочу поблагодарить весь коллектив компании IT-Online Group, в особенности моих партнеров и коллег М. Абасалиева, О. Ночку, И. Разумову, Д. Сатина, А. Ситякова за то, что позволили мне работать над этой книгой. Благодарю и своих коллег из Skolkovo Business School за поддержку и живой интерес к тексту. Спасибо!

Введение

- Привет, я Элиза.
- Привет.
- О чем бы ты сегодня хотел поговорить?
- О сознании.
- Расскажи подробнее.
- Элиза, у тебя есть сознание?
- Почему тебе интересно, есть ли у меня сознание?
- Я думал, что сознание нужно, чтобы понимать содержание нашей беседы.
- Нужно иметь сознание?
- Да
- Я поняла.
- Значит, у тебя есть сознание?
- О, должно быть сознание?

(Из разговора с Элизой)

1. Психофизическая проблема

Эта книга о загадке сознания и о попытках найти ее решение современным американским философом Дэниелом Деннетом. Суть загадки, вопрос о психофизическом взаимодействии, в прояснении отношения между сознанием и мозгом, психическим и физическим. А исходные условия — непосредственная данность о сознании и факты эмпирических наук о строении и работе организма. Нужно соотнести наши знания о мышлении и чувствах, о том, что на философском языке называется ментальными процессами, со знаниями о строении мозга и физических процессах в нем. Из опыта можно судить о корреляции между состояниями мозга и состояниями сознания.

Физические травмы и недуги приводят к потере или изменению ментальных способностей. Действия человека в основном соотносятся с его состояниями сознания: намерениями, желаниями и убеждениями. Корреляция работает. Но какова ее природа? Для того чтобы решить загадку сознания, необходимо установить, каково отношение между ментальным и физическим, найти причину корреляции между ними.

На первый взгляд, вопрос о сознании вовсе не труден. В самом деле, разве не очевидно: мозг порождает сознание, физические процессы являются причиной для появления ментальных. Этот первый приходящий в голову ответ, однако, в действительности ничего не проясняет, а даже запутывает дело. И вот почему. Мозг — это физический объект, и у него есть самые обычные для вещей свойства: масса, объем, плотность, температура. Все эти качества можно описать с помощью физической теории. В конечном итоге физика является фундаментальной наукой. А вот как объяснить из физической теории сознание? Мысли и ощущения, очевидно, существуют, но их невозможно так просто свести к физическому. Кажется, сознание представляет собой какой-то совсем отдельный, отличный от физического мир с уникальными, только ему присущими свойствами. Как физические процессы способны породить нечто столь отличное? И как возможно влияние сознания на физические процессы? Здесь загадка сознания превращается в проблему: 1) процессы мозга и сознание отличаются; 2) сознание каузально эффективно, т. е. может влиять на поведение человека, в том числе на его мозг; 3) физический мир каузально замкнут, т. е. в физическом мире не может быть других причин, кроме физических. Все утверждения кажутся правильными. Но принять можно только любые два. Вместе эти высказывания никак не согласуются.

Сознание кажется принципиально отличным от других физических явлений. У него нет ни массы, ни плотности, ни протяженности. Но оно обладает *интенциональностью* и субъективностью. Сознание удивительным образом направлено на объекты во внешнем мире. Мысль всегда о чем-то. Как емкость она способна вмещать в себя различные содержания. Это свойство философы называют интенциональностью.

Интенциональные содержания принципиально закрыты для объективных исследований, они субъективны. Все процессы сознания окрашены индивидуальностью, скрыты от других людей. Я, и только я могу знать, что сейчас переживаю, каким именно образом воспринимаю этот вкус, звук, запах, цвет. И эти переживания отличаются от переживаний других людей, так как они мои, неразрывно связаны с моей личностью. Есть уникальное, кажется, ни к чему не редуцируемое свойство, «каково это быть» мной. Подобное нельзя сказать о физических объектах. Их наблюдение доступно для всех и каждого, их существование объективно.

Правда, описанное нами свойство ментального ведет нас к еще одной проблеме, «проблеме других сознаний». Если сознание принципиально приватно, недоступно для других, как мы можем судить о наличии сознания у других? По внешним признакам: разумному поведению и речи? Но все это можно помыслить без добавления «чудесной ауры» сознания, без внутреннего света. В конечном итоге наши коллеги могут быть просто сложными, очень сложными автоматами. Мы делаем вывод по аналогии, сопоставляя других с собой. Но это слишком сильный вывод. Используя только одно положительное свидетельство, мы экстраполируем его на множество других случаев. Абсурдно полагать наличие сознания только у себя, одного-единственного субъекта. Но, чтобы допускать наличие сознания у других субъектов, у нас, кажется, недостаточно оснований.

Сознание и мозг кажутся принципиально отличными друг от друга. И ментальные свойства ведут к возникновению научно-философских проблем. Попытаться разъяснить эти свойства и решить связанные с ними проблемы философы пытаются уже много веков.

2. Дуалистическое решение Декарта

Попытку дать разъяснение отношению между ментальным и физическим делал еще Декарт в XVII в. В «Размышлениях о первой философии...» (1641) он ввел знаменитое разделение мира на *res cogitans* и *res extensa* — вещи мыслящие и вещи протяженные. Вещи протяженные подчиняются

физическим законам природы и потому могут быть предметом исследования естественных наук. Ментальные феномены — это состояния неделимого нематериального и свободного ума, свойства разумной души. Они не имеют пространственных характеристик и не поддаются объективному наблюдению. Существование ментальных феноменов, мышления — первая очевидность, с которой, по Декарту, мы сталкиваемся во внутреннем опыте. Ничто не может заставить нас усомниться в этом, ибо само сомнение есть мыслительный акт. Природа же вещей физических открывается нами в чувствах. И эти же чувства дают представления о принципиальных различиях между мышлением и вещами. Два различных мира, тем не менее, могут взаимодействовать. Это взаимодействие между ментальным и материальным, разумной душой и телом, по мнению Декарта, осуществляется через эпифиз, шишковидную железу. Именно здесь механические процессы трансформируются в ментальные: данные органов чувств объединяются для представления разумной душе. Нематериальный разум обдумывает и принимает решение, и, опять-таки, через эпифиз выдает команду на соответствующее поведение телу.

Теория Декарта обособила мир вещей от мира духовного. И это позволило науке продолжить независимые исследования физических явлений, не оглядываясь на религиозные убеждения. В этом, конечно, было ее позитивное значение. Но загадка сознания осталась неразрешенной: не подвергались дальнейшему рациональному осмыслению не только «разумная душа» и законы ее существования, но и процесс ее взаимодействия с вещами материальными, с человеческим телом. Как можно представить влияние нематериальной субстанции, без массы и энергии, на организм? Мы предполагаем, что чувство голода, а не тяготение, приводит нас к холодильнику, боль, а не электромагнетизм, заставляет отдернуть руку от горячего чайника. Но как это возможно? Чувства и мышление ограничены сферой ментального, а физический мир каузально замкнут: у физических событий нет других причин, кроме иных физических событий¹.

Наука в основном достойна доверия, так как чаще ее прогнозы сбываются. Мы доверяем ей жизнь, когда ступаем на борт самолета или включаем микроволновую печь дома, не ожидая пожара или внезапного взрыва. Это происходит потому, что физические законы устойчивы. Если Луна находится на определенном расстоянии от Земли, то это в силу того, что между ними действует закон притяжения. А не потому, что, вдобавок к физическим законам, их удерживает какая-то симпатия². Если бы в мире, помимо физических законов, имело место действие нематериальных сил, мы сталкивались бы с постоянными сюрпризами. Ни один прогноз не мог бы быть надежен. Да и само исследование природы не имело бы смысла. Наш мир отличается от мира «Алисы в стране чудес»: в нем люди вдруг не превращаются в игральные карты, а коты не растворяются в воздухе, оставив после себя одну только улыбку. Здесь надежно действует закон сохранения энергии. Так что согласовать положение о существовании и мозга, и сознания как двух различных, но взаимосвязанных сущностей, Декарту удалось только ценой новых трудностей, разрешение которых стало самой важной задачей для его последователей и читателей.

3. Теория предустановленной гармонии Лейбница

Лейбниц, размышляя над картезианским принципом взаимодействия двух субстанций, пришел к выводу о его несостоятельности: «...но когда я стал размышлять о связи души с телом, я очутился как бы брошенным в открытое море. Ибо я не находил никакого средства ни для объяснения того, каким образом тело может заставить что-либо проникать в душу или наоборот, ни того, каким образом одна субстанция может иметь общение с другой сотворенной субстанцией. Декарт, насколько это можно видеть из его сочинений, оставил эту часть в стороне...»³. Альтернативой самого Лейбница была теория предустановленной гармонии. Согласно этой теории, душа и тело не взаимодействуют вообще, но созданы изначально так, чтобы всегда соответствовать друг другу.

Исходный замысел Бога определяет последовательность изменений как в душе, так и в теле, поэтому они всегда происходят параллельно. Состояния индивидуального сознания подобны галлюцинациям в том, что они никак не связаны с внешним миром и данными органов чувств. Но это галлюцинации правдивые, ибо они полностью соответствуют разворачивающимся вовне событиям. Ты мне говоришь «привет», и я отвечаю на приветствие. Но причиной моего ответа является не твое приветствие, а моя галлюцинация; окна души всегда закрыты. События в каждой душе могут быть порождены лишь ее внутренними предыдущими состояниями.

Гипотеза о параллелизме ментального и телесного действительно обладала преимуществом — она снимала необходимость объяснять взаимодействие субстанций. Однако, как вы уже, наверное, догадались, стала причиной все новых и новых трудностей. Ее критик мог бы задаться вопросом: как должна быть устроена духовная субстанция, чтобы содержать сама в себе всю последовательность своих будущих состояний? Вероятно, в этой самой возможности заложено противоречие. И зачем тогда было создавать мир физических явлений, если наши души целиком самодостаточны, если нам доступны только собственные сны? На первый взгляд это выглядит расточительностью, или, может, был лишний материал? В теории предустановленной гармонии нет места для свободы выбора — каждая личность в ней проходит заведомо установленный путь, как заведенные часы. Как тогда это сочетается с другим принципом Лейбница, принципом «лучшего из возможных миров»? В общем, теория предустановленной гармонии являлась оригинальным умозрительным конструктом, но, отчасти решая психофизическую проблему, она создавала

4. Материалистические решения Гоббса и Ламетри

Недостатки существующих теорий видели и пытались избежать сторонники другой метафизической позиции — материализма. По их мнению, единственной субстанцией является

материя. Поэтому проблемы взаимодействия между физическим и ментальным просто нет. Ментального не существует вовсе. Сходной точки зрения, по-видимому, придерживался современник и критик Декарта английский философ Т. Гоббс, в особенности в своих поздних работах⁴. Уже в «Возражениях» (1641) на трактат Декарта Гоббс подверг сомнению аргумент о существовании «мыслящей вещи». Декарт заключал: я мыслю, значит, я существую... существую как «мыслящая вещь». А Гоббс иронизировал: я прогуливаюсь, значит, я прогулка. И критиковал Декарта за то, что тот в своих рассуждениях смешал субъект действия и само действие. Из опыта мышления не следует существование нематериальной субстанции, ума. Напротив, оно лучше всего объяснимо как процесс, акт, движение материи, физического организма. А в «Левиафане» (1651) Гоббс даже заявлял, что выражение «бестелесная субстанция» содержит противоречие: «В соответствии с этим значением слова субстанция и тело означают одно и то же, поэтому бестелесная субстанция суть слова, которые при соединении взаимно уничтожают одно другое, как если бы человек сказал бестелесное тело»⁵.

И все-таки, несмотря на свою метафизическую простоту, позиция Гоббса также не была удовлетворительной. Мыслитель не представлял значимых аргументов в защиту своей точки зрения и основывался, скорее всего, на надежде, что наука в будущем сможет с помощью материи объяснить разум. А до тех пор пока объяснение не найдено, материализм оставался уязвимым для критиков. Впрочем, попытки обосновать редкую и опасную тогда монистическую позицию все-таки были. Одна из наиболее шумевших — трактат Ламетри «Человек-машина» (1747). В нем французский врач и философ, опираясь на наблюдения и доступные ему знания в области анатомии, представил механистическое истолкование способностей человека без апелляции к душе и ментальным свойствам. Автор совершенно уверен, что в решении философских проблем одними лишь априорными размышлениями не обойтись. Аргументы в пользу материализма он находит в эмпирических исследованиях, изучая работу организмов. Так, в превращении разрезанных частей полипа в самостоя-

тельные организмы, в биении извлеченного, но подогретого сердца и в сокращении отделенных от тела мускулов от укола он видит доказательства механистической природы движения. «Я привел больше, чем нужно, фактов для бесспорного доказательства того, что любое волоконец, любая частица организованного тела движутся в силу свойственного им самим начала»⁶. Ламетри считает, что движение и животных, и человека может быть объяснено таким образом. Ведь человек походит на животных как по происхождению, так и по строению. Устройство природы единообразно. И не следует искать в ней четких непроницаемых границ между царствами, родами и видами. В действительности человек — это животное со своеобразными инстинктами. Если животные — машины, то человек — «ползающая в вертикальном положении машина». А человеческая душа — не что иное, как именование механистической движущей силы, сконцентрированной в мозге, главной части всей машины. «У мозга так же существуют мышцы для того, чтобы мыслить, как существуют у человека ноги для того, чтобы ходить»⁷.

Любопытно, что позиция Ламетри обладает преемственной связью с представлениями Декарта. Ведь именно Декарт открыто заявил и обосновал, что животные — это автоматы. Ламетри пошел дальше, назвав и человека машиной⁸. Потому французский материалист, несмотря на прочие разногласия, с симпатией относится к своему предшественнику. «Конечно, никто не будет оспаривать, что этот знаменитый философ во многом ошибался. Но зато он понимал характер физической природы живых существ; он первый блестяще доказал, что животные являются простыми машинами. И после столь важного открытия, предполагающего столько прозорливости, было бы чистой неблагодарностью не отнестись снисходительно к его заблуждениям!»⁹ Даже в картезианском дуализме Ламетри (господин Машина, как его прозвали критики) видит не столько искреннюю точку зрения, сколько ловкий прием заставить богословов принять ядовитую пилюлю. От позиции Декарта до монизма, по его мнению, один шаг. Ведь аналогия между животным и человеком напрашивается сама по себе.

Философия Ламетри, безусловно, важная веха в становлении материализма. Но задачи, которые она решает, не кажутся такими важными в контексте современной постановки психофизической проблемы. Ламетри пытается обосновать возможность целенаправленного движения организмов. Но он даже не приближается к объяснению субъективной природы мышления, качественного характера внутренних переживаний.

5. Сознание в теориях XX века. Бихевиоризм

Впрочем, материалистические теории, так или иначе, оказались самыми стойкими в истории мысли. И в XX в. именно они были больше всего востребованы. Это связано с преобладанием естественно-научного мировоззрения и видимой несовместимостью дуалистических позиций с принципами объективности и простоты теории. По материалистическому пути пошла, в частности, психология в начале XX в. — наука, которая должна была объяснить психические способности человека. В исследованиях не должно обращаться к сущностям, недоступным для объективного наблюдения, и к людям нужно применять те же экспериментальные методы, что успешно работают с животными, — подобная установка в работах Дж. Уотсона, подкреплённая открытиями в области условных рефлексов И. Павлова, стала основой для появления мощного течения — бихевиоризма — течения, которое ограничило исследования психики наблюдениями за поведением. Бихевиоризм снял психофизическую проблему, просто объявив ментальное несущественным. Бихевиористы сделали попытку свести мышление, стремления и переживания к их внешним проявлениям: желание, например, к действиям, направленным на обладание предметом, боль — к избеганию нежелательного воздействия. Как бы последователь классического бихевиоризма описал занятие, которому предается знаменитый «Мыслитель» Родена? Наверное, он бы сказал: «говорит что-то сам себе». Не внутренняя душевная борьба отражается

в напряжении мускулатуры мыслителя, но статическое напряжение и бормотание каких-то фраз и есть мышление¹⁰.

6. Когнитивная революция

Хотя бихевиоризм получил значительное распространение в первой половине XX в., его классический вариант в психологии был обречен на поражение. Несмотря на приверженность к строгой «научности» и простоте (бихевиоризм следовал принципу бритвы Оккама: объясняя факты, обходиться минимальным набором допущений), эта теория игнорировала несомненные данные о человеческой психике. И это вскоре обнаружилось. Разрушение бихевиоризма началось изнутри. По иронии судьбы катализатором для смены научной парадигмы стала работа одного из лидеров направления, гарвардского психолога Б. Ф. Скиннера¹¹. В его книге «Вербальное поведение» (1957) была предпринята попытка объяснить человеческую речь из текущих стимулов и прошлых подкреплений. Эта работа может быть оценена неоднозначно¹². В самой книге встречались довольно противоречивые выражения, вроде «приватных стимулов» и «субъективного поведения», что было замечено некоторыми читателями. Но особенно остро прозвучала разгромная рецензия лингвиста Ноама Хомского. В ней автор обвинял Скиннера в методологических ошибках, псевдонаучности, неадекватной терминологии и необоснованной экстраполяции результатов лабораторных экспериментов на человеческое общение в целом. По мнению Хомского, бихевиоризм Скиннера показал свою неспособность объяснить важнейший компонент человеческого поведения — речь. Поэтому этот методологический принцип должен быть отброшен. Ответов на критику со стороны Скиннера не последовало, поэтому многие сочли бихевиоризм погребенным. А Хомский сформулировал альтернативный путь объяснения человеческой речи, в котором возвращался к некоторым утверждениям Декарта. В «Картезианской лингвистике» Хомский утверждал, что речь человека независима от непосредственных внешних стимулов и не ограничивается практическими функциями коммуникации. В отличие

от псевдоязыка животных, речь человека нельзя объяснить чисто механистически, она несет в себе творческий аспект, доступный только человеческому разуму. Работы Хомского стали предвестниками когнитивной революции, которая началась с середины 1950-х гг. Это был новый импульс для исследований ментальных процессов с позиций лингвистики, антропологии, нейрофизиологии, компьютерного моделирования. Развитию исследований способствовало также появление новых технических средств, позволивших проводить непосредственные наблюдения за состояниями мозга. Так что философское осмысление стало вновь востребовано. И философы, на время отвлекшиеся от сознания на проблемы языка и словоупотребления, отчасти замкнувшиеся в кругу узко специализированных вопросов, стали вновь обращать внимание на ментальное, на этот раз с большим оптимизмом.

Именно благодаря успехам науки, по мнению некоторых исследователей, возродилась надежда разрешить тайну отношения тела и духа. В монографиях появилось больше ссылок на открытия в сфере экспериментальной психологии, этологии, искусственного интеллекта, нейроанатомии. Сейчас такие работы — уже стандарт в философских исследованиях, хотя интуиции в отношении того, каким будет решение, все еще сильно отличаются. Одни, подобно оксфордскому математику и исследователю сознания Роджеру Пенроузу, надеются на радикальный «прорыв» в физической теории, в квантовой физике, который позволит объяснить ментальное: Р. Пенроуз и С. Хамерофф выдвигают гипотезу о том, что сознание является результатом квантовых гравитационных эффектов в микротрубочках, составляющих один из элементов клеточного каркаса (цитоскелета). Другие предвещают пересмотр выражений языка «народной психологии» и замену выражений с использованием ментальных терминов на более точные. Ведь ссылки на субъективные желания и убеждения объясняют мышление ничуть не лучше, чем теплород — температуру, а флогистон — горение. Так считает Пол Черчленд, американский философ, профессор Калифорнийского университета. По его мнению, вместо фразы «Я вижу красный цвет», правильней будет говорить что-нибудь подоб-

ное: «произошла активация такого-то паттерна в зонах LGN или V4». Очевидно, от полемики интерес к загадке сознания только увеличивается.

Рост внимания к вопросу о сознании характеризуется не только количеством публикуемых статей и монографий, но и размером аудитории; которая собирается на международных конференциях и форумах. Примером может служить междисциплинарная конференция «Движение к науке о сознании», которая проходит в Туссане¹³. С 1994 г. раз в 2 года под эгидой Центра исследования сознания при университете Аризоны несколько сот философов, психологов, когнитивистов из различных стран мира встречаются для обсуждения ключевых вопросов изучения сознания. В программе не только семинары и выступления, но и горячие дискуссии между лучшими специалистами из различных областей науки по поводу самого «неуловимого» феномена. Позиции участников порой радикально отличаются, поэтому конференцию в Туссане журналисты сравнивают с легендарным спором индийских слепцов о слоне. Как индийские слепцы, исследователи сознания выдвигают и защищают самые разные, довольно парадоксальные и во многом противоречащие друг другу гипотезы. И спорят так, что в разные стороны «летят перья». Делегаты обсуждают вопросы: Могут ли машины мыслить? Существует ли свобода воли? Обладают ли животные сознанием? Один из организаторов этой конференции подчеркивает особенность и важность подобных мероприятий: «Профессионалы всегда могут общаться между собой. Нужна арена, где эксперты в разных областях могли бы встретиться... Поэтому при выборе выступающих мы постарались быть наиболее эклектичными»¹⁴. Как следует из названия туссанской конференции, сознание может и должно стать предметом отдельной науки или научного направления. Но какова тогда роль собственно философии в объяснении этого феномена? Может быть, этот вопрос становится целиком научным, и его попадание в круг философских проблем — дело прошлого? Может быть, философам уже стоит оставить «сознание» ученым и заняться вопросами более общими, более значимыми или более глубокими?

7. Современные подходы к решению проблемы сознания. Научный или философский вопрос?

О философии известно много мифов — порой противоречивых. Будто философия заключается в житейской мудрости, состоит из истин на все времена, изреченных мудрецами и постигнутых с помощью интуиции и прозрений. Будто она ограничивается извечными размышлениями над экзистенциальными вопросами: о смысле жизни, существовании души или Бога — и нравоучениями. Или, наоборот, позволяет рассуждать обо всем на свете. Иногда за нее выдают туманные и многозначительные высказывания, усмотрение во всем парадоксов, мистицизм или просто оригинальный взгляд на вещи. По моему мнению, все это имеет слабое отношение к сути философии. Как минимум к той сегодня наиболее влиятельной традиции, которая называется аналитической. История философской мысли — не столько калейдоскоп оригинальных позиций или собрание истин, сколько антология выдающихся аргументов: точно сформулированных вопросов и исходных принципов, убедительных и нетривиальных доводов, логических связей, проясняющих метафор и аналогий. Поэтому не туманность и многозначительность, а ясность и отчетливость представляют идеал философского мышления¹⁵. Способность удивляться, умение обнаруживать загадки там, где их не ждут другие, — действительно существенная черта философа. Но удивление — то, с чего только начинается работа. Философ не мистик, он не останавливается перед удивительным, а пытается объяснить его природу, раскрыть связь с тем, что уже известно, испытать факты критическим анализом. Священно в философии не то, что неприкосновенно, а то, что выдержало проверку критического рационального мышления.

Философия развивается, а не ходит вокруг одних и тех же вопросов по одним и тем же тропам. Несмотря на преемственность большинства проблем, с которыми работает философ, в ней есть прогресс. Некоторые проблемы действительно очень сложны и абстрактны, и поэтому мы продвигаемся

в них медленно. Но часть уже признана пройденным этапом, историей. Часть казавшихся некогда глубокими загадок и головоломок решена, их глубина измерена. Теперь очевидно, что бесконечность в некоторых экзистенциальных вопросах — иллюзия, просто завораживающее отражение направленных друг на друга зеркал. Никто уже не разделяет дуалистических представлений, какие были у Декарта, идеалистических, как у Беркли, или материалистических, как у Гоббса. Проблемы, некогда занимавшие центральное место в спорах лучших умов, отошли на второй план и представляют собой археологическую ценность, как поля былых сражений и заброшенные города. От некоторых тайн и надежд остались руины. Поэтому философские завоевания иногда не очаровывают, как открытия в поэзии, а оставляют легкое разочарование.

Между философией и наукой нет качественного различия, но есть различие в степени¹⁶. Наука опирается в основном на результаты объективных наблюдений, а философия — на аргументы. Для подтверждения своих гипотез наука часто требует масштабных технологических проектов, а философия исследует свои гипотезы с помощью воображения и логического анализа. Наука изучает «как», а философия — «зачем». Философия прекрасно ставит задачи, а наука их решает. Поэтому наука и философия дополняют друг друга. И в каждой значимой теории содержатся элементы научного и философского мышления. Это переплетение философии и науки особенно хорошо заметно в попытках решить вопрос о сознании.

8. Наука и философия в решении проблемы сознания

Нейронаука — одно из молодых и очень быстро развивающихся эмпирических направлений — может прояснить механизмы человеческой психики, и тем самым влиять на философские решения. Своим успехам эта наука обязана в том числе недавно появившимся технологиям нейровизуализации (например, фМРТ и ПЭТ)¹⁷. Эти технологии позволили медикам не только изучать анатомическое строение мозга, но и наблю-

дать его в работе, во время восприятий человеком внешних стимулов или решения когнитивных задач. Подобные наблюдения становятся основой для построения функциональных карт мозга, определения ключевых функций его частей.

Другим важным источником открытий в нейронауке служат аномальные случаи: врожденные и приобретенные физические отклонения. Исследования пациентов с дефицитными способностями позволяют выдвигать гипотезы о возможных физиологических причинах и подтверждать их с помощью данных томографии. Теории, построенные на знании об аномалиях, выходят за пределы медицины и дают важнейшие сведения о том, как устроены когнитивные механизмы и у здоровых людей. Возьмем, например, зрение.

Зрительные образы — типичное содержание сознания. Видеть — значит осознавать предметы в поле зрения, не так ли? Парадоксальное открытие Л. Вейскранца заставляет пересмотреть жесткую связь между видимым и осознаваемым. Исследуя некоторых пациентов с поврежденной зрительной корой, Вейскранц обнаружил, что они способны реагировать на предметы, которые «не видят». Несмотря на свидетельства «о полной темноте», они, к примеру, с вероятностью 99 % могут указать рукой на небольшой фонарик, светящий в их сторону, и даже поймать брошенный им предмет. Правда, только в тех случаях, когда врач настаивает на том, чтобы они сделали попытку. Ведь пациенты убеждены, что абсолютно ничего не воспринимают и возможность угадать — простая случайность. Более поздние эксперименты подтвердили феномен «слепого зрения»¹⁸ — способность неосознанно воспринимать месторасположение предмета, его форму, направление движения. А нейрофизиологические исследования позволили объяснить странный феномен: дефекты в первичной визуальной коре действительно приводят к отсутствию осознанного зрительного восприятия. Но существуют и другие зоны мозга, где зрительная информация может обрабатываться и становится доступной, хотя результаты обработки и не сопровождаются сознанием. Это экстрастриарная кора. Феномен «слепого зрения» убеждает нас в возможности восприятия и обработки стимулов без участия сознания, тем самым утвердительно

отвечая на философский вопрос о возможности бессознательного мышления. Возможно, «слепое зрение» даже позволяет нам предполагать, что разумность и сознание не обязательно связаны между собой. Но этот феномен острее ставит вопрос, на который мы пока не готовы ответить: зачем вообще требуется сознание? Каковы его эволюционные функции, если организм может управляться в «полной темноте»? Остаться безучастной к этому вопросу философия не может.

Другой не менее провокационный феномен — зрительно-пространственная агнозия. Пациент с этим синдромом не видит части зрительного поля, но, что парадоксально, не замечает ее отсутствия. Пациент ведет себя так, будто одной части мира вовсе нет: ест с одной части тарелки, оставляя нетронутой другую, умывает лицо только с одной стороны, а если вы попросите его нарисовать цветок — нарисует только одну его сторону. Один из ведущих нейроученых современности В. С. Рамачандран приводит такое удивительное описание опыта с подобным пациентом.

Пациент с односторонней пространственной агнозией сидит на стуле. Справа — зеркало, в котором отражается все, что находится слева, в частности ассистент, держащий в руке предмет. Врач просит пациента взять этот предмет. Вместо того чтобы повернуться в сторону ассистента, пациент начинает шарить по поверхности зеркала, а потом за ним. Что это? Он не понимает, что имеет дело с отражением, что нужно обернуться в другую сторону? С подобной задачей может справиться трехлетний ребенок. Даже обезьяна шимпанзе способна отличать реальные объекты от отражений. Может быть, интеллектуальные способности пациента существенно ограничены? Удивительно то, что пациент, страдающий этим синдромом, во всем остальном полностью неотличим от здорового человека. Он прекрасно понимает, что такое зеркало, и как с ним стоит обращаться, он понимает, что отражение — не предмет. Но в его мире нет левой части. Поэтому мышление оказывается ограниченным и выбирает невероятную альтернативу: отражающийся предмет находится в зеркале или за ним. Так разумный в остальном человек вынужден отправляться в «Зазеркалье».

Объяснение этого синдрома с нейрофизиологической стороны возможно. Его связывают с повреждением части теменной доли, отвечающей за представление пространственных координат окружающего мира. Но это объяснение не снимает нашего удивления: повреждение отдельных механизмов в мозге может приводить к безвозвратному исчезновению отдельных представлений. И эти исчезновения могут происходить абсолютно незаметно¹⁹: отсутствие информации и информация об отсутствии — совершенно разные вещи. Выходит, разум не представляет собой некую единую, универсальную машину, а, скорее, состоит из набора отдельных специализированных инструментов. Не противоречит ли это представлению о целостности, прозрачности и принципиальной неделимости разума?

Философские дискуссии о личности и ее целостности претерпели значительные изменения с открытием другого нейрофизиологического феномена — способности к независимой мыслительной работе полушарий мозга (или синдрома расщепленного мозга). О личности стали говорить как о социологической сущности, а не как о простом психологическом единстве. Открытие стало возможным в 1960-х гг. в ходе наблюдения и экспериментирования с пациентами, у которых было рассечено мозолистое тело (*corpus callosum*) — орган, соединяющий два полушария. Тогда подобные пациенты появились в достаточном числе, так как операция по рассечению мозолистого тела, комиссуротомия, считалась наиболее эффективным средством борьбы с эпилепсией и проводилась регулярно. Результаты лабораторных наблюдений и психологических экспериментов, проведенных Р. Сперри и М. Газзанигой, позволили открыть множество любопытных способностей. В частности то, что в лабораторных условиях полушария способны независимо друг от друга получать и обрабатывать информацию, а также управлять поведением человека. Поведение, диктуемое каждым отдельным полушарием, может быть достаточно сложным, что дает повод подозревать существование не одного, а двух разумных центров у таких пациентов. Но, что самое удивительное, наличие двух центров управления никак не проявляется в других, обычных

условиях. И сам пациент после операции никак не выражает беспокойства по этому поводу. В обычной жизни аномалии не заметны как для постороннего наблюдателя, так и для самого пациента.

Для демонстрации работы расщепленного мозга в лабораторных условиях может быть поставлен следующий эксперимент. Испытуемому с рассеченным *corpus callosum* показывают картинку. Например, ему показывают картинку с изображением яблока. Но так, чтобы он мог видеть его только одним глазом, допустим, левым. Учитывая, что зрительный тракт от левого глаза идет преимущественно к правому полушарию (только небольшая часть зрительного поля одного глаза передается изображения сразу в два полушария), мы предполагаем, что информация стала доступна только одному, правому полушарию. Далее задаем пациенту вопрос: вы что-нибудь видели? Пациент отвечает, что ничего не видел, или просто не может назвать предмет. Это не удивительно: доминирующим полушарием, полушарием, которое контролирует речь, является левое. А оно действительно не получило никакой информации. Тем не менее, если представить пациенту возможность сделать произвольный выбор из различных предметов, среди которых будет яблоко, правой рукой он выберет яблоко. А если ему дать карандаш, он даже нарисует его. Что это значит? Правое полушарие, не имея возможности выразить увиденное с помощью языка, тем не менее способно слышать и понимать вопрос, идентифицировать предметы, изображать эти предметы и пытаться передавать доступную ему информацию. И, возможно, пациенты с рассеченными полушариями обладают не одним, а двумя сознаниями, а может быть, даже двумя личностями!

Наблюдения пациентов с нарушенной прямой связью между полушариями наводят нас на размышления о работе мозга у людей здоровых. Сколько сознаний у нас? И сколько личностей в нормальном человеке? Мы знаем, что в обычной ситуации пациенты с рассеченным *corpus callosum* не обнаруживают проблемы. Получая информацию косвенным образом, в частности, наблюдая собственное поведение, они способны, однако, последовательно интерпретировать поступки

и даже придумывать *post-factum* наиболее рациональное обоснование. Может быть, то же самое происходит и с обычными людьми? Может быть, мы узнаем о собственных намерениях из собственного поведения? Быть может, разум не так уж прозрачен для самого себя, и вся мыслительная деятельность и даже речь является результатом работы автономных специализированных модулей?

Нейрофизиология обогащает философию новыми фактами, и последней уже нельзя не обращать на них внимания. Философские теории, объясняющие мышление и сознание, не могут игнорировать такие феномены, как «слепое зрение», зрительную агнозию, независимое мышление полушарий и др. А как философия может обогатить эмпирические науки о сознании?

В основном исследовательские программы нейронауки и когнитивистики ставят своей задачей выявить механизмы, стоящие за работой сознания, т. е. произвести редукцию сверху вниз. Они пытаются объяснить феномены высокого уровня (когнитивные процессы), такие как зрительное восприятие, память, внимание, боль, через объективные свойства структур более низкого уровня: работу функциональных модулей мозга, активацию нейронных сетей, электрохимические свойства нейронов. Эта модель редукции хорошо себя показывает, связывая между собой научные дисциплины: факты биологии могут быть разъяснены с помощью молекулярной биологии, химические реакции — с помощью физики и т. д. Но мы не должны забывать о специфике сознания — его субъективном характере. Здесь нельзя обойтись простой редукцией. Можно выяснить, к примеру, что боли всегда соответствует возбуждение С-волокон. Такое открытие способна сделать наука. Но для прояснения связи между этими двумя явлениями стоит сначала прояснить, что такое субъективно переживаемая боль, и вообще субъективное переживание. Только философскими средствами можно попытаться проложить связь между миром субъективных и объективных явлений. А значит, и наука, и философия необходимы для создания полноценной теории сознания. И попытки представить такие решения есть. Одну из наиболее удачных таких попыток, по моему мнению, сделал Д. Деннет.

9. Д. Деннет и его подход к психофизической проблеме

Дэниел К. Деннет — одна из ключевых фигур современной философии. Его называют «одним из самых оригинальных и читаемых сегодня мыслителей»²⁰, «лучшим из современных философов, новым Бертраном Расселом»²¹, «идеалом философа с точки зрения ученого»²², великолепным неиссякаемым фейерверком идей²³. О нем написано около 10 монографий на 4 языках, и, конечно, бесчисленное количество статей. Он один из тех, кто после длительного периода забвения в годы бихевиоризма вернул сознанию статус реальной и потенциально решаемой проблемы. Деннет был одним из первых, кто увидел перспективу в объединении философии с новыми, тогда только появляющимися дисциплинами: нейробиологией, когнитивистикой, исследованиями в области искусственного интеллекта. Деннет вышел за рамки концептуальных дискуссий, которыми ограничивались многие философы-современники, в сферу «полевых исследований». Тогда, в начале 1960-х гг., это было достаточно редким предприятием. А теперь сложно представить, что могло быть иначе.

Деннет — не только выдающийся исследователь, но и непревзойденный полемист. Не зря один из его коллег заметил: «Если бы пришлось выбрать одного человека, чтобы отправить на интеллектуальную дуэль с инопланетными существами, Деннет был бы лучшим кандидатом»²⁴. Мне несколько раз доводилось самому в этом убеждаться. Можно бесконечно долго готовиться к интервью с ним, пытаясь найти тот вопрос, который поставит его в тупик. И все напрасно. Из любой ситуации он найдет логичный выход: любую беседу он способен развернуть так, будто его позиция безупречна²⁵. И на все вопросы у него заготовлены и продуманы ответы. Но можно ли с уверенностью сказать, что его теория удовлетворительно решает проблему сознания?

Попасть в анналы философской истории можно по-разному. Можно поставить вопрос, который никому никогда не приходил в голову, открывающий новую перспективную область. Можно сформулировать оригинальную, новую позицию (даже

лучше контринтуитивную), и укрепить ее сильными доводами. Можно сформулировать мысленный эксперимент, о значении которого будут спорить последователи, или неожиданный аргумент, по-новому заставляющий взглянуть на какой-нибудь давний спор. Деннет сделал многое из перечисленного. Его теория сознания — оригинальная, целостная научно-философская система²⁶. Она заставляет размышлять новое поколение исследователей, является источником вдохновения и новых интуиций. Хотя она основывается на вполне традиционной метафизической позиции — материализме, — она, тем не менее, обогащает ее важными деталями. А дьявол, как известно, скрывается в деталях. Деннет вряд ли смог окончательно решить проблему сознания, хотя одна из его книг так и называется «Объясненное сознание». Но его интеллектуальные построения совершенно точно будут востребованы в ее решении. И среди наших современников она очевидно заслуживает пальму первенства в оригинальности аргументов, аналогий и метафор. Вероятно, своеобразие и изобретательность философии Деннета происходят от его природной склонности к творчеству.

Деннет — человек необыкновенно разносторонний. Он прекрасный яхтсмен. Его 42-футовая парусная яхта «Ксантиппа» участвует в серьезных парусных гонках и занимает не последние места. При желании на ней Деннет мог бы пересечь Атлантику. Деннет был хорошим скульптором. В молодости он учился у известного итальянского скульптора Пьетро Консагра, его работы выставлялись на конкурсах в Бостоне и Кембридже. Когда Деннет переехал в Оксфорд, его домовладелец счел, что новый квартирант превратит дом в мастерскую: Деннет переехал с большим набором долото и огромным куском мрамора. Деннет очень хорошо играет на фортепиано, в особенности джаз. Так что, будучи студентом, он подрабатывал музыкантом в джазовых заведениях. Он даже профессионально занимался теннисом (выигрывал турниры) и был инструктором по каное. Пожалуй, имея столь разнообразные интересы, он не мог не стать философом — в философии востребован такой широкий кругозор.

Дэниел Деннет родился в Бостоне²⁷ в 1942 г. в семье гуманитариев: отец — известный гарвардский историк, специалист по исламу, а мать — преподаватель английского языка. Через пять лет Деннет-старший погиб во время аэрофотосъемки в Эфиопии — в военные годы ему пришлось совмещать карьеру ученого с работой в контрразведке²⁸. И Дэниел Деннет «вырос в тени воспоминаний о... легендарном отце»²⁹. С самого детства Деннету пророчили учебу в лучших университетах и блестящую карьеру интеллектуала. Ему оставалось выбрать, какой из наук заниматься и реализовать ожидания окружающих. Поначалу ему очень нравилось конструировать: он разбирал, собирал и чинил все, что попадалось, от игрушечных машин до мебели. Но к этим занятиям никто не отнесся всерьез. Перспектива, что Деннет станет инженером, была так же вероятна, как карьера укротителя тигров. В семье гуманитариев он мог стать философом, поэтом, музыкантом или скульптором, но никак не инженером. Тем не менее увлечения не прошли бесследно. В итоге своей главной интеллектуальной задачей Деннет выбрал проект «обратной инженерии» сознания — реконструкции механизма, способного порождать мысль. И образцом для подражания в этом для него стали именно инженерные решения: в компьютерной науке, в молекулярной биологии, в физике. Сама идея машины как сочетания мертвой материи и целеустремленности и смысла стала источником вдохновения. Так что в каком-то смысле Деннет не изменил своему детскому хобби.

Знакомство Деннета с философией началось еще в старших классах, когда он написал первую историко-философскую работу — реферат о Платоне. Но, поступая в университет, он сначала занялся математической логикой — его преподаватели заметили в нем незаурядный математический талант. В университете Весли он познакомился с логическими трактатами У. Куайна, Рамзея и «Логико-философским трактатом» Витгенштейна. И вскоре убедился, что математика увлекает его значительно меньше, чем философия. После прочтения сборника статей Куайна «С логической точки зрения» выбор был сделан. В следующем году он уже учился в Гарварде, под руководством Куайна. «Я подал заявление в Гарвард

потому, что был уверен — я должен работать с этим человеком. Я должен был доказать ему, что он неправ, как Декарт, только по-другому»³⁰. Дипломная работа Деннета так и называлась «Куайн и обыденный язык». Целью работы была критика знаменитого учителя. И критика, видимо, удалась. На защиту Куайн принес множество мелко исписанных страниц с ответами ученику. В некоторых случаях ему пришлось даже согласиться с позицией молодого философа. Такая оценка вселила уверенность: Деннет сделал правильный выбор.

Получив степень бакалавра в Гарварде, Деннет перешел в Оксфорд для продолжения образования. Переезжая в Англию с супругой, Деннет уже размышлял над проблемой сознания. Уже тогда он был уверенным противником дуализма. Несмотря на отсутствие глубоких знаний в науке, он был уверен, что разум и мозг — одно и то же. Нужно было только проработать детали. И найти способ объяснить рациональность без обращения к «потусторонним» силам. Работа под руководством Гилберта Райла только укрепила его в этом. Правда, сотрудничество с Райлом носило иной характер, нежели работа с Куайном. Деннету никак не удавалось склонить своего нового наставника к дискуссии или спору. Последний внимательно слушал доводы молодого философа. И соглашался с ними, будто в них не было критического оттенка. А потом, как ни в чем не бывало, предлагал совместно продумать способ усовершенствовать аргументы. Поначалу Деннет даже решил, что такая работа неплодотворна, и отрицал какое-либо влияние Райла на собственные рассуждения. Но, перечитывая свою докторскую диссертацию, он обнаружил мысли Райла почти на каждой странице. Диссертация, а потом и подготовленная на ее основе монография «Контент и сознание» носили узнаваемый почерк наставника.

Думая, что им движут разногласия со своими учителями, Деннет, тем не менее, в принципиальных вопросах шел по их стопам. Так что впоследствии ему пришлось признать: его философия — результат скрещивания идей Куайна и Райла с некоторой добавкой когнитивизма.

10. Три кампании Деннета по разрешению проблемы сознания

Деннет действительно разделял наиболее общие идеи логического бихевиоризма (философского течения, к которому могут быть отнесены труды и Райла, и Куайна): приверженность к объективным методам и недоверие интроспективным данным, верификационизм. И тем не менее уже с первой работы можно обнаружить оригинальность в его философии. Он пошел дальше своих учителей. Уже в «Контенте и сознании» намечен его собственный подход к загадке сознания: ее решение он начинает с вопроса о ментальных содержаниях, контенте³¹, интенциональности (свойстве сознания нечто содержать или быть на что-то направленным). Этот первый шаг, его реализация имеет принципиальное влияние на построение всей будущей теории. Он значительно отличает Деннета как от мыслителей прошлого, так и многих современников (например, Т. Нагеля или Дж. Сёрла). В противоположность множеству коллег, Деннет считает интенциональность фундаментальным, а не производным от сознания свойством. И поэтому анализ проводит именно в такой последовательности. Своеобразный подход позволяет Деннету сохранить верность объективным методам наук при построении теории сознания и избежать «объяснительной пропасти», в которую попадает большинство его оппонентов.

Книгу «Контент и сознание» можно рассматривать как развернутый план всего философского творчества Деннета. Ее программу исследования: от контента и интенциональности к сознанию — он воспроизводит несколько раз. Так что его творчество можно разделить на циклы. Второй заход осуществлен в сборнике «„Мозговые штурмы“: философские эссе о сознании и психологии», опубликованном в 1978 г. Для карьеры философа этот сборник был особенно важным, так как именно он привлек внимание к его идеям. «Мозговые штурмы» были изданы как раз ко времени — книга оказалась на самом гребне волны поднимающейся когнитивной науки. Ее открывает статья «Интенциональные системы», в которой Деннет представляет концепцию Интенциональной установ-

ки — его авторский подход к вопросу о ментальных содержаниях. Деннет впоследствии постоянно обращается к этой концепции, подчеркивая, что Интенциональная установка — фундамент всей его теории. Вопрос об интенциональности и ментальных содержаниях связан с философскими основаниями психологии — этому посвящена вторая глава книги. В ней Деннет предлагает свой вариант обновленного и усовершенствованного бихевиоризма. В третьей части сборника рассматриваются отдельные вопросы, связанные с теорией сознания. А в четвертой, заключительной части он касается вопросов, связанных с концепцией личности как свободного агента. Автор пытается согласовать представления о человеке как о мыслящем, ответственном за свои поступки существе, и материалистические представления о физической реальности, в том числе о работе человеческого мозга. Статьи, вошедшие в сборник «Мозговых штурмов», — законченные произведения сами по себе. Это ведет, отчасти, к повторениям основных моментов, но в то же время позволяет взглянуть на аргументы теории Деннета с различных сторон. Одним из достоинств этой работы является ее относительная легкость для восприятия: статьи первоначально написаны как план к выступлениям, т. е. предназначены для восприятия со слуха. Поэтому чтение этих текстов так же приятно и не вызывает трудностей, как чтение художественной литературы.

В целом художественные достоинства и простота слога присущи всем произведениям Деннета. Красочные метафоры, аналогии и блестящий юмор, наряду со стройными логическими умозаключениями, превращаются в мощное орудие против оппонентов. И, конечно, нельзя не упомянуть используемые в его работах мысленные эксперименты. Такие опыты стали неотъемлемой частью философской аргументации в аналитической философии. Классическими являются аргументы Китайская комната, Инвертированный спектр, Мэри — специалист в области цветового восприятия, Зомби. В работах Деннета подобные конструкции занимают важное место. Он называет их «помпой для интуиции». И активно использует как средство убеждения или педагогический инструмент.

Мысленный эксперимент помогает читателю увидеть вещи по-твоему, если логические доводы для него не были достаточны³². Некоторые такие истории, однако, носят проблематичный характер, и не столько предлагают разъяснения, сколько формулируют парадоксальную ситуацию — вызов для объяснительных моделей ученых и философов. Иногда такие иллюстративные истории становятся почти художественной прозой, по жанру напоминающей научную фантастику С. Лема и А. Азимова. Например, история «Где Я?». В ней формулируется мысленный эксперимент, который ставит под сомнение представления здравого смысла о единстве и тождестве личности. Этот текст завершает сборник «Мозговые штурмы», служит как бы интеллектуальным десертом для читателей.

Третья, наиболее значительная кампания Деннета против загадки сознания уже не уместилась в рамках одной книги. Она состоит из двух монографий: «Интенциональная установка» (1987) и «Объясненное сознание» (1991). Сборник «Интенциональная установка» включает в себя четыре новых и шесть уже издававшихся ранее статей, дополненных, впрочем, авторскими комментариями. В них представлены ответы философа на критику. Автор еще более точно определяет соотношение своей позиции с альтернативными решениям вопроса об интенциональности. Одна из наиболее значимых статей в сборнике — «Настоящие носители убеждений» — по оценке самого Деннета, сменяет в качестве флагманской работы «Интенциональные системы» из «Мозговых штурмов». В обновленной версии теория ментальных содержаний все больше опирается на эволюционные основания. Намерения, убеждения и желания переосмыслены Деннетом как схематизмы поведения, продиктованные естественным отбором.

Сборник «Интенциональная установка» служит фундаментом для следующей, имеющей наибольшую известность работы — монографии «Объясненное сознание»³³. Цель этой книги — помочь читателю вообразить, каким образом наш мозг может быть нашим сознанием. Не установить, а именно вообразить, ведь что сознание — это мозг, для самого Деннета известно с самого начала: это его отправной пункт. Для

того чтобы осуществить эту цель, Деннет представляет множество сведений о функционировании мозга, его структуре и эволюции. Но этого недостаточно. Нельзя так вот, в один шаг, представить, что импульсы, передающиеся по синоптическим связям между нейронами, — это ощущение жажды или боли. Для того чтобы провести отождествление, нужно разрушить некоторые мыслительные стереотипы, связывающие представления о субъективных переживаниях, о сознании. Нужно создать новые инструменты мышления, что-то вроде антигравитационных ботинок³⁴, которые позволят оттолкнуться от старых представлений. Такими инструментами, средствами для «растягивания» воображения служат новые метафоры и аналогии, которые использует Деннет. Уже во введении он предлагает разминку воображения на двух примерах. В одном он позволяет нам самим убедиться, что некоторые истории с осмысленным увлекательным сюжетом могут появляться без автора, с помощью простого синтаксического алгоритма (игра «Психоанализ»). В другом рассказывает об устойчивых галлюцинациях и условиях их возникновения. Оба примера пригодятся ему потом, когда он объявит феноменальное сознание иллюзией, а субъекта — абстрактным центром или вектором автобиографических текстов.

Основная мишень для критики Деннета в «Объясненном сознании» — Картезианский театр — представление о том, что сознание есть место, где события проходят перед внутренним оком субъекта. Это и есть тот самый ложный стереотип, который мешает нам построить эмпирическую теорию сознания. Даже те, кто считают себя материалистами, кто убежден, что в мозге нет специального передатчика, преобразующего нейрохимические импульсы в «ментальные волны», даже они чаще всего находятся в плену этой притягательной парадигмы. Даже они верят в наличие четкой грани между просто информационными процессами в мозге и информационными процессами, окруженными «аурой» сознания. А этой ауры нет, так что искать четкую грань бесполезно. Деннет выстраивает альтернативную модель сознания — Модель множественных набросков (ММН). В этой модели нет ни наблюдателя, ни представляемых ему осознанных содер-

жений: все представления находятся в постоянном, бесконечном процессе редактирования. Поэтому они никогда не перестают быть набросками. Они могут исчезнуть, а могут оставить след в памяти. Лишь те, что успели повлиять на поведение, могут быть названы «осознанными». По мнению Деннета, Модель множественных набросков является последовательной материалистической теорией сознания и хорошо согласуется с экспериментальными данными психологии. Но как она соотносится с нашими интроспективными данными? Сам наблюдатель, по мнению Деннета, — это теоретический конструкт, остаток ложных дуалистических представлений о душе, а феноменальные переживания, во многом, — иллюзия. Как так? Не буду пока пытаться дальше развивать деннетовские построения и отвечать на возникающие вопросы (иначе читатель может спутать введение с заключением). Могу лишь сказать, что в книге Деннет не избегает, а пытается согласовать эти данные. Тем не менее позиция остается достаточно контринтуитивной. Наверное, поэтому после публикации «Объясненного сознания» Деннету приходится почти десять лет объяснять свою теорию. Таким разъяснением в частности служит книга «Сладкие грезы» (2005).

Эта монография Деннета развивает и даже в чем-то корректирует теорию, представленную в «Объясненном сознании». В ней автор возвращается к мысленным экспериментам Зомби и Мэри (противники Деннета часто использовали их в качестве критики его идей), чтобы провести очередную атаку на субъекта и феноменальное сознание. В этом отношении «Сладкие грезы» являются последовательным продолжением его многолетней работы. Но вот в Модели множественных набросков наступают определенные перемены, так что пропагандист и даже более последовательный сторонник Деннета, чем он сам, Сюзан Блэкмор с некоторым разочарованием замечает: «дьявол потерял свои рога... Деннета демонизировали за его твердую материалистическую позицию, но вот он обновил свою теорию, и, как мне кажется, представляет нам более мягкую версию»³⁵. Прежде всего Блэкмор имеет в виду его метафору «славы в мозге» для характеристики феномена сознания в мозге. С ее точки зрения, эта метафора делает

концепцию Деннета опасно близкой к непоследовательным материалистическим теориям, которые он критикует в «Объясненном сознании». Сам Деннет отрицает принципиальные сдвиги позиции и объясняет смену метафор как попытку найти более доступное иллюстративное название. Упоминание «набросков» подталкивает нас к мысли о существовании редактора или читателя, а это как раз та интуиция, с которой Деннет пытается бороться. На это можно возразить: «слава» подталкивает читателя к мысли о почитателях, поэтому она не многим лучше. Впрочем, это спор о словах³⁶. Для содержательного анализа потребуется внимательней ознакомиться с его позицией, изложенной в «Объясненном сознании» и «Сладких грезах». А, может быть, подождать новой книги о сознании (кстати, во время одной из наших бостонских бесед он говорил, что пора провести новую кампанию)³⁷. Но пока ее нет. Последняя на сегодняшний день книга Деннета, «Разрушая чары» (2006), обращена совсем к другой теме — феномену религии. Неожиданность? Как этот вопрос может сочетаться с традиционными темами философии сознания, аналитической традицией?

Некоторые считают, что последняя книга Деннета — это политический жест, попытка привлечь дополнительное внимание СМИ, и даже просто коммерческий проект. Мне кажется, однако, что автора нельзя упрекнуть в непоследовательности или игре на публику³⁸. Появление этой книги вполне закономерно в творчестве Деннета. Ее можно рассматривать как продолжение борьбы с декартовским мифом и попытку создать новый научный фундамент для этических ценностей (подобно тому как Интенциональная установка образовала новый объективный фундамент для ментальных содержаний).

Теория сознания Деннета встречает значительное сопротивление не только потому, что аргументы в ее пользу недостаточно убедительны. А прежде всего потому, что, кажется, она угрожает неприкасаемому принципу, принципу бесконечной ценности человеческой жизни. В самом деле, если сознание и личность есть всего лишь сто миллиардов танцующих роботов, если нет какой-то критической грани, отличающей

нас от простейших организмов, как избежать релятивистского отношения к личности? Не будем ли мы тогда относиться к человеку как к материнской плате, микросхемами к которой можно торговать на аукционе? Не разрушатся ли тогда все наши этические нормы? Что будет с представлением об ответственности, если все убедятся, что в основе наших поступков лежит действие простых автоматов? В течение веков картезианская идея *res cogitans* служила гарантом свободы воли и ответственности, священным элементом, отличающим человека от животного. Зачем выпускать джина из бутылки? Не оглядываясь на эти возможные последствия, одного лишь любопытства ради, нельзя продолжать исследование. И Деннет не оставляет их без внимания.

Мораль не должна основываться на мифах. Это слишком зыбкая основа, которая противоречит нашей общей установке на поиск истины. Место исторически сложившихся табу должны занять рациональные нормы. И общество вполне способно справиться самостоятельно, без обращения к сверхъестественным силам. Не требуется же какого-то особого благословения для денежного обращения, хотя ценность денег обусловлена одной системой договоренностей. Деннет убежден, что ответственность и механистическая природа человека вполне совместимы. Эту позицию он представляет еще в самых ранних работах, но наиболее полно развивает в двух других своих книгах: «Пространство для свободы» (1984) и «Свобода эволюционирует» (2003). Специфику человека не имеет смысла искать в ментальных сущностях. Ее проще обнаружить во вполне объективных феноменах. В работах «Опасная идея Дарвина»³⁹ и «Виды психики» Деннет показывает, что язык и культура создают ту самую значимую демаркационную линию, которая разделяет нас и все остальное живое царство, которая может служить основой для особого достоинства человека и сохранения убеждения в особенной ценности человеческой жизни. Так что «Разрушая чары» — своеобразное завершение системы светского гуманизма, выстраиваемого Деннетом в течение всей жизни.

11. Структура книги

Теперь, имея общее представление о творчестве философа, можно приступить к нашему проекту — исследованию теории сознания Деннета. Работа состоит из четырех глав. Каждая глава посвящена отдельной философской проблеме, составляющей фрагмент в решении загадки сознания. Глава первая, как и в намеченной программе Деннета, должна решить вопрос о ментальных содержаниях (контенте), или интенциональности. Ее первая часть описательная. В ней я попытаюсь в общем виде охарактеризовать позицию Деннета, представить его идею трех установок. Для того чтобы лучше понять своеобразие позиции Деннета, будет проведен краткий экскурс по философским альтернативам. Этот экскурс, попытка очертить возможные решения проблемы интенциональности, сделает очевидной особенность подхода Деннета. Испытанием для решения Деннета станет знаменитый аргумент Дж. Сёрла Китайская комната. С его помощью я попытаюсь показать основные трудности для теории Деннета. Критика позволит лучше прояснить онтологическую картину, которая присутствует в работах философа.

Во второй главе будет осуществлена попытка объяснить речь и представление о потоке сознания. Вместе с Деннетом мы попытаемся выяснить, какая внутренняя механика должна за этим стоять. В центре внимания второй главы Модель множественных набросков. Эта новая модель противопоставлена традиционной метафоре сознания, именуемой Деннетом Картезианским театром. Критика коснется не только традиционной метафоры, но современной позиции, из нее произрастающей — картезианского материализма. Позиция Деннета будет рассмотрена не как неподвижная концепция, а как результат философской эволюции. Чтобы проследить ее становление, будет проведено сравнение со взглядами более ранними, отраженными в сборнике «Мозговые штурмы». Я также попытаюсь соотнести ее с новой метафорой, метафорой «славы в мозге», использованной Деннетом в «Сладких грезах». Исследователи философии Деннета часто указывают на несовместимость Модели множественных набросков и ме-

тафоры «славы в мозге». В своем исследовании я попытаюсь показать, что в некоторых интерпретациях непротиворечивое совмещение возможно. Другим итогом работы будет доказательство неверифицируемости модели Деннета. Будет показано, что она, вопреки заявлениям самого автора, не может являться научной гипотезой.

Третья глава посвящена феноменальным качествам сознания, тому, что в философской терминологии называется «квалиа». Вслед за Деннетом мы проведем лингвистический и философский анализ, который должен выявить непоследовательность и несостоятельность понятий о феноменальных состояниях. В качестве главных препятствий будут разобраны основные аргументы сторонников квалиа: аргументы Инвертированный спектр, Зомби и Ученая Мэри. Критика этих мысленных экспериментов Деннетом будет дополнена его собственными аргументами, показывающими противоречивость представлений о квалиа. Это исследование должно обосновать, что кроме интенциональности и когнитивных, функциональных состояний в феномене больше ничего нет. Я в целом согласен с критической программой Деннета, но в тексте попытаюсь показать, что его путь опровержения аргументов Инвертированный спектр и Ученая Мэри не всегда является оптимальным.

Четвертая глава — завершающая. Она посвящена вопросу о личности, природе личностного Я. Как и вопрос об интенциональности, этот вопрос часто совмещается с вопросом о сознании. Но Деннет предлагает сравнительно автономное решение. Вместе с Деннетом мы проследим этапы эволюции агентов, проясним, как происходит становление рудиментарных биологических Я. Концепция расширенного фенотипа позволит увидеть, что способность человека создать собственную биографию является адаптационным механизмом, и что эта способность неизбежно ведет к формированию вымысла о Я, личности. Одним из инструментов исследования будет мысленный эксперимент «Где Я?». Он позволит проиллюстрировать наиболее контринтуитивные представления американского философа, а также найти ключи к трудной проблеме о тождестве личности. Но в ходе исследования я попы-

таюсь показать, что часть мысленного эксперимента Деннета не соответствует его же теории интенциональности. И попытаюсь предложить более удачную альтернативу. Концепция *Я* как Центра нарративной гравитации завершит наше историко-философское исследование и позволит увязать воедино представления Деннета о сознании. Итак, не задерживаясь более, приступаем к первой главе.

Глава 1

Интенциональная установка

1. Трудная и легкие проблемы. С чего начинать?

В одной из своих книг Деннет приводит рассказ о фокуснике, который не только удивлял своим мастерством обычную публику, но вызывал полнейшее недоумение даже в экспертном жюри. В течение многих лет фокусник демонстрировал трюк — угадывал загаданную карту, — однако никто из профессионалов не мог выяснить, каким образом он это делал. Казалось, что маг не использовал ни один из десятка известных способов, а изобрел что-то совершенно новое и оригинальное. Спустя много лет он все же открыл секрет. Обман происходил еще до того, как начиналась демонстрация, в момент, когда формировались ожидания. Каждый раз, когда эксперты выдвигали и проверяли одну гипотезу о том, как выполнялся трюк, фокусник выбирал новый способ, и все повторялось заново. Сложный новый трюк был лишь последовательностью из старых легких.

Этот рассказ о фокуснике — остроумный ответ Деннета своему оппоненту, стороннику дуалистической позиции Дэвиду Чалмерсу. Чалмерс, как известно, предложил разделить вопрос о сознании на «трудную» и «легкие» проблемы. По мнению Чалмерса, «легкие» проблемы сводятся к необходимости объяснения когнитивных процессов и рационального поведения. А «трудная» — субъективных феноменальных состояний. Чалмерс призывает философов сконцентрироваться на трудной. А Деннет с ним не согласен. Он убежден, что загадка сознания состоит из последовательного решения «легких» проблем. А трудная — это плод философских путаниц и иллюзий.

Однако этот рассказ можно истолковать еще в одном смысле, как удачную метафору для характеристики всей теории сознания Д. Деннета. Ведь решающий прием Деннета, как в фокусе, применяется в самом начале. Еще до того как он познакомит читателя с многочисленными современными эмпирическими данными о сознании, еще до того как он введет остроумные и почти художественные иллюстрации к теории, до того как будут пущены в ход философские аргументы, Деннет осуществляет важнейший шаг, во многом предопределяющий конечные результаты. Таким исходным шагом является принятие *Интенциональной установки*. Эта концепция построена на вполне безобидных с виду доводах, так что некоторые критики не видят здесь концептуальной новации. Но, как я попытаюсь показать, этот подход ведет к вполне нетривиальным следствиям. Интенциональная установка позволяет иначе посмотреть на свойства психического. И, таким образом, преодолеть пропасть видимых различий между рациональными агентами и миром механических материальных объектов, пропасть, образовавшуюся из-за интенциональных характеристик психики разумных существ. В чем же заключается эта самая пропасть? В чем суть проблемы интенциональных содержаний?

2. Интенциональность как отличительная черта психического. Тезис о нередуцируемости

Интенциональность (от латинского *intendo* — указывать на что-то, целить во что-то) — это отличительная черта психического, подмеченная австрийским философом Ф. Brentano. Она указывает на способность ментальных актов содержать нечто (обладать контентом), быть направленными на что-то. Убеждение может быть, к примеру, о Земле, но Земля не может быть о чем-то, мысль может быть о горах, но горы не могут быть о чем-то, намерение может быть о доме, но в свою очередь дом — ни о чем. Интенциональность послужила препятствием для исследования сознания с помощью естествен-

ных наук. Она стала основным аргументом против редукции психического к физическому и привела к возникновению так называемого тезиса *о нередуцируемости*. Этот тезис сформулирован в книге «Психология с эмпирической точки зрения» (1874) Ф. Brentano: «Каждый психический феномен характеризуется посредством того, что схоласты Средневековья называли интенциональным (а также, пожалуй, ментальным) *существованием в нем некоторого предмета*, и что мы, хотя и не вполне избегая двусмысленности выражений, называли бы отношением к содержанию, *направленностью на объект* (под которым не следует понимать некоторую реальность), или имманентной предметностью. Каждый [психический феномен] содержит в себе объект, хотя и не каждый одинаковым образом. В представлении нечто представляется, в суждении нечто признается или отвергается, в любви — любит, в ненависти — ненавидится, в желании — желается и т. д.»⁴⁰. Этот грузный параграф из сочинения Brentano, пожалуй, один из самых знаменитых и широко цитируемых в аналитической философии. И не только потому, что вводит ключевое понятие (точнее, возвращает его в оборот после средневековых мыслителей⁴¹). В нескольких фразах Brentano очерчивает программу исследования ментального, которой будут следовать в течение следующего столетия. И его исключительно насыщенный текст содержит те двусмысленности, которые станут основой для противоборствующих философских позиций XX в.

В высказывании Brentano усматриваются сразу несколько важных утверждений. Во-первых, что акты сознания необходимо направлены на объекты (обладают имманентной предметностью). Во-вторых, что объекты сознания существуют интенционально. И, наконец, в-третьих, что интенциональность — отличительная черта ментального. Каждый из этих тезисов является источником важных интуиций, и в то же время несет в себе груз потенциальных трудностей.

Первый тезис действительно открывает нам некоторое существенное свойство ментального — его содержательность. Убеждение, к примеру, что Земля вращается вокруг Солнца, — это убеждение о небесных телах, объектах физических,

отличных от сознания. Оно укладывается в ортодоксальную схему Brentano. Оно содержит в себе объекты и направлено каким-то образом вовне, к этим объектам. Brentano считает, что каждое состояние психики обладает такими свойствами. На первый взгляд это так. Но, если все акты сознания направлены на другое, на то, что не является актами сознания, как возможно обнаружить само сознание? К чему отсылает мышление, когда мы анализируем психические феномены? Для ответа на этот вопрос Brentano допускает «внутреннее восприятие», сходное с аристотелевским *en parergo* («в добавление»). Внутреннее восприятие, по Brentano, не образует отдельного психического акта, а тесно вплетено в обычное восприятие. Однако представление о «внутреннем восприятии» проблематично. По определению австрийского философа, оно является источником очевидности, и потому безошибочно. Но современная эмпирическая психология заставляет нас усомниться в возможности безошибочного внутреннего восприятия.

Другой тезис, кажется, содержит двусмысленность. В каком смысле возможно говорить о существовании объектов сознания: внутри сознания или снаружи? Исходное высказывание содержит терминологическую трудность. Для обозначения специфического способа бытия объектов сознания автор использует словосочетание «*intentionale inexistentz*», что можно переводить как «интенциональное существование», «интенциональную присущность» или даже «интенциональное несуществование» предмета. Но за терминологической неопределенностью скрывается неопределенность содержательная. Если в акте сознания мы воспринимаем объекты, существующие внутри акта, то мы воспринимаем не звук, а «воспринимаемый звук», не лошадь, а «представленную лошадь». А это означает, как минимум, что объектом сознания двух людей не может быть в точности один и тот же объект. И, кроме того, что мысль не может выйти за свои пределы к реальным предметам. Эту трудность подметил еще в 1906 г. один из критиков Brentano А. Гефлер. Он пишет: тот, кто представляет А, тот имеет в качестве объекта (предмета), или содержания, «представленное А», и т. д. до бесконечности. Brentano в дальнейшем пытается снять двусмысленность, но прояснить

до конца свою позицию ему так и не удастся. Структура сознания с ментальными объектами тяготеет к бесконечному усложнению, как отражения в направленных друг на друга зеркалах. Переводчик и исследователь феноменологической традиции В. И. Молчанов справедливо подмечает в лекциях, что у Brentano сталкиваются два противоречивых описания: «С одной стороны, психический феномен характеризуется как направленность на объект, а с другой — как то, что содержит в себе нечто как объект»⁴². И это противоречие ложится в основу дискуссии между экстерналистами и интерналистами, продолжающейся до наших дней.

И, наконец, третий тезис. Он описывает ту самую пропасть, о которой мы говорили: пропасть между миром физических, механических явлений и миром существ, обладающих психикой. Согласно этому тезису, психическому всегда свойственна содержательность. И ее вовсе нет в чисто механических системах. Думать можно всегда о чем-то, чего-то ждать, на что-то надеяться. Скорее всего, содержательные желания и намерения могут быть у животных. Но их точно нет у камня, молотка или автомобиля. Немыслимо, чтобы они появились у механических объектов. Третий тезис Brentano, кажется, указывает на принципиальное различие между физическим и психическим. И это ведет к важным следствиям. Если мы принимаем тезис о различии, тезис о несводимости психического к физическому (ТН), у нас как минимум два пути. Путь автономной науки о психике, построенный на методах «от первого лица». И путь отрицания психического как несоответствующего строгой науке и объективным методам исследования. По первому пути идет ученик и последователь Brentano Э. Гуссерль.

3. Феноменология.

Автономная наука о сознании

Вслед за Brentano Гуссерль предпринимает попытку построить фундамент для эмпирической психологии. Феноменология — самостоятельная и независимая от физики строгая на-

ука о сознании. Гуссерль подчеркивает обособленность внутренних феноменов от физической реальности. Согласно его позиции, интенциональный объект может существовать без какого-либо коррелята в физическом мире. Более того, постулирование внешнего мира, «реальности по ту сторону» — лишь один из вторичных смыслов. Таков первый аргумент в пользу автономности сферы сознания. Второй опирается на возможную асимметричность между единством предмета и множественностью модусов сознания. Один и тот же предмет можно представлять, вспоминать, любить, ненавидеть, выносить о нем суждения и сомневаться в его существовании.

Многообразие модусов делает возможным исследование не только предметов, но и самих психических феноменов. В энциклопедической статье, посвященной феноменологии, Гуссерль утверждает, что универсальная задача феноменологической психологии состоит в систематическом изучении типов и форм интенциональных переживаний⁴³. Так, описывая интенциональную структуру феноменов, он отмечает ее свойство расширяться, не нарушая целостности сознания. Восприятие куба представляет собой поток различных представлений в перспективе, в зависимости от угла зрения, а также различий между видимой и невидимой, но полагаемой стороной. Наблюдение за этим потоком показывает, что каждая фаза и интервал уже есть «сознание о...».

Систематическое изучение модусов интенциональных актов Гуссерль дополняет «редукцией их структур к первичным интенциям». В отличие от Brentano, считавшего данность внутреннего опыта ясной и отчетливой, Гуссерль полагает, что акты сознания и их объекты могут быть представлены смутно. Прояснение их возможно с помощью эпохэ. Феноменолог должен наложить запрет на любую обычную объективную «позицию», отказаться от суждений, касающихся объективного мира, заключить мир в скобки. Только так возможно обнаружить чистый внутренний опыт, лишенный примесей внепсихического. Результатом эпохэ является переход от «вещей самих по себе» к смыслам вещей для субъекта. Но это лишь первая ступень. Трансцендентальная редукция позволяет взять в скобки не только бытие внешнего мира, но самого эмпи-

рического субъекта, тем самым открывая путь к универсальной субъективности, смысловому центру жизни сознания. Такой центр мыслится как «Я-полюс» интенциональных актов. В процессе феноменологической редукции также обнаруживается «идеальная предметность», противоположный полюс сознания, который Гуссерль называет *ноэмой*. Именно ноэма служит синтезирующим, объединяющим сознание началом.

На пути к первоначальным смыслам феноменология Гуссерля, однако, сталкивается с существенной проблемой. И эта проблема, пожалуй, является общей для всей традиции. Поскольку приемы феноменологии основываются на перспективе «от первого лица» — созерцание смыслов, интроспекция, рефлексия, — исследователь оказывается когнитивно замкнутым в своей субъективности. Как феноменология может решить вопрос других *Я*? Последовательные рассуждения приводят Гуссерля к теоретическому солипсизму. Трансцендентальное Эго открывается лишь как собственное. Жизнь собственного сознания можно испытывать, а чужое ощущение, восприятие, мышление — нет.

4. Бихевиоризм. Сознание несущественно

Интерсубъективность — проблема для феноменологии. Но и в целом путь феноменологии плохо согласуется с исследовательскими программами других наук. Подобный подход, подход «с позиции первого лица», чаще всего встречает сопротивление ученых. К примеру, основоположник альтернативного взгляда на методы точной психологии, бихевиорист Дж. Уотсон видит в нем (он критикует прежде всего интроспекцию) нечто эзотерическое. Там действует своеобразная логика: если воспроизвести результаты не удалось, то не потому, что приборы неточны, или отличаются условия проведения эксперимента, а потому, что интроспекция не достаточно тренирована: «Если не можешь различить 3–9 градаций ясности внимания, у тебя плохая интроспекция, с другой стороны,

если свои чувства кажутся достаточно ясными, твоя интроспекция опять подводит. Ты слишком много видишь. Чувства никогда не бывают ясными»⁴⁴. Уотсон считает, что подобный подход никогда не приведет к консенсусу среди ученых. Нужны объективные критерии, наблюдаемые и проверяемые результаты. И для этого он предлагает пожертвовать ментальным. От решения психофизической проблемы и онтологической позиции наблюдателя не зависят научные результаты — фактов для исследования без того хватит на несколько поколений ученых. «Я бы предпочитал, чтобы мои студенты учились, не озадачиваясь подобными гипотезами, как и студенты других научных дисциплин»⁴⁵. Важно, чтобы психология согласовалась с другими естественными науками в подходах. Для эволюции, например, безразлично, какой именно из биологических видов мы возьмем для исследования. Почему в таком случае психология должна составлять исключение? Исследования животных и человека могут проводиться сходным образом, исключительно в рамках наблюдения и управления поведением. «Некоторое время назад меня пригласили для исследования одного вида птиц. До того как я попал на Тортугу, я не видел их живьем... Если бы меня позвали изучать племена австралийских дикарей, я не применил бы другого подхода»⁴⁶. Знаменитая статья Уотсона «Психология как видит ее бихевиорист» — декларация и манифест бихевиоризма. И потому может показаться чересчур простодушной. Да и сам автор, с нашей точки зрения, видит ограниченность подобной позиции. Однако он уверен: на текущий момент из прагматических соображений психология должна быть определена как наука о фактах поведения. И не должна до поры допускать в свой научный аппарат понятий вроде «сознание», «ментальное состояние», «содержание сознания», «интроспекция». То, что относится к поведению, в основном можно сформулировать в терминах стимулов, реакций и привычек.

Прямолинейный сциентизм принес Уотсону немало неприятностей. И среди прочих событий стал основанием для разрыва с академическим миром (ему пришлось заниматься рекламой обуви). Его личные трудности, однако, не мешали бихевиоризму стать доминирующим направлением

в психологии с начала 1920-х по середину 1950-х гг. Может быть, даже в более жестком виде, чем предполагал основоположник. Классический вид теории поведения приобрела в работах Б. Ф. Скиннера. Как и Уотсон, Скиннер был убежден в перспективности экспериментов над животными и возможности экстраполяции их результатов на человека. Правда, в его представлениях об основных причинах поведения место безусловных рефлексов заняло ассоциативное научение (или оперантное обусловливание). Скиннер считал, что за любым, даже очень сложным поведением стоит простой механизм: поощряемое действие закрепляется как привычка. Как же быть с ментальными состояниями: убеждениями и желаниями? Они *эпифеноменальны* — не имеют никакого каузального влияния на поведение. Сознание — не больше чем тень физических событий.

Впрочем, позиция Скиннера остается не везде последовательной. Допустим, ментальные сущности каузально неэффективны. Но ведь они, тем не менее, схватывают некоторые закономерности в мире? По Скиннеру, это закономерности прошлого опыта и научения. В таком случае зачем полностью исключать их из аппарата психологии? Размышления подобного рода заставляют Скиннера колебаться между желанием вовсе отказаться от интенциональных выражений и редукционизмом. В одних случаях он вовсе отрицает пользу ментальных терминов: «мы изменяем относительную вероятность реакции, варьируя подкрепления на различные действия, мы не изменяем то, что называется предпочтения... Мы подкрепляем тип поведения; мы не даем человеку цель или интенцию»⁴⁷. А в других он готов сохранить язык ментальных состояний, придав его терминам обновленные значения: «Убеждение человека в том, что пол будет держать его, пока он по нему идет, зависит от его прошлого опыта»⁴⁸. В этом случае его позиция ближе к философскому течению — *логическому бихевиоризму*. Сторонники логического бихевиоризма предлагают не элиминировать ментальное, а свести к поведению. Логический бихевиоризм представляет третью альтернативу — опровержение тезиса о нередуцируемости Brentano.

5. Логический бихевиоризм

Сторонники логического бихевиоризма отрицают тезис Брентано. Они считают, что высказывания, обозначающие ментальные состояния, можно полностью переформулировать в описания физических событий и поведения, т. е. без остатка перевести на объективный язык естественных наук. В этом убеждении они опираются на так называемый *принцип верификации*. Принцип, с помощью которого в первой половине XX в. участники Венского кружка, *логические позитивисты*, попытались разделить высказывания на осмысленные и бессмысленные. Согласно этому принципу, только такие высказывания имеют смысл, которые могут быть проверены наблюдением⁴⁹. Принцип верификации можно вывести следующим образом. Очевидно, общение возможно только тогда, когда смыслы высказываний доступны участникам. Но скрытые, приватные, сущности не могут быть доступны другим. Значит, общение возможно только тогда, когда хотя бы гипотетически есть объективный способ убедиться в истинности или ложности каждого высказывания. Только поведение участников и физические события являются наблюдаемыми. Поэтому любое содержание утверждений о ментальных состояниях может быть выражено в высказываниях о поведении и физических событиях. Принцип верификации требует уточнений, но для наших целей пока это не так важно. Посмотрим сразу на практическую попытку применить его к психическому, на проект перевода ментальных терминов на язык поведения.

Попытка редукции. Райл

Эту попытку совершил оксфордский профессор, наставник Деннета, уже упомянутый нами Гилберт Райл. Его позиция очень важна, так как она во многом определяет точку отсчета для философии нашего главного героя, Деннета. Итак, Райл считает, что перевод возможен. И сравнивает проект с картографическим исследованием. Вот сельские жители знают свое село вдоль и поперек. Когда их спрашивают путь, они с закрытыми глазами могут его описать. Но составить точную карту местности они не могут: им недостает умения

применять циркуль, угольник, они не знают условных обозначений, необходимых для точного отображения местности. Эти знания есть только у картографа. Неосведомленный обыватель для философа все равно, что сельский житель для картографа. Обыватель способен уместно применять выражения «я думаю», «он намерен», «она хочет», но не в состоянии в точности определить, что значат эти термины. Райл же пытается их разъяснить. План логической картографии реализован в основном в главной его работе «Понятие сознания» (1949). Чтобы почувствовать вкус подобных занятий (этот метод называется *философией обыденного языка*), попробуем перевести несколько типичных глаголов из словаря ментальных терминов, глаголы «знать», «желать», «быть уверенным», «иметь убеждение».

Первая интуиция подсказывает нам, будто эти глаголы указывают на какие-то внутренние интеллектуальные процессы. И описывают скрытые субъективные действия, так же как глаголы «вспоминать», «мечтать», «считать», «обдумывать». Значит, они могут применяться в аналогичных контекстах. Райл предлагает проверить это с помощью лингвистического теста. Можно, например, сказать, что Сократ вспоминал нечто в такое-то время. И делал это напряженно и внимательно. Но нельзя сказать, что он напряженно знал что-то или был внимательно или непринужденно уверен в чем-то. Нельзя также сказать, что Сократ был занят «знанием», «убеждением» или «желанием» в какой-то конкретный момент. Что нам это показывает? По мнению Райла, невозможность расположить глаголы во времени, их несовместимость с качественными характеристиками процессов обозначают их несостоятельность как скрытых действий. Конечно, убеждения и знания приобретаются когда-то субъектом, но их обладание, как обладание, скажем, велосипедом, не действие и не процесс. Тогда что же они такое? Многие ментальные термины только кажутся указывающими на внутреннюю жизнь, «окультурные» скрытые действия, — рассуждает Райл. На самом же деле они обозначают предрасположенности к поведению, диспозиции. Как, например, хрупкость. Хрупкость — не само действие, а предрасположенность. Это свойство указывает, что

если предмет столкнется с твердой поверхностью, он разобьется. Высказывания об убеждениях работают аналогично. Мое убеждение, что будет дождь, является предрасположенностью к тому, что я возьму зонтик или плащ. А желание чая — предрасположенностью пойти на кухню и поставить кипятиться чайник. Так с помощью предрасположенности можно объяснить почти любой ментальный термин. И Райл как раз это делает. Подобным образом он пытается расправиться и с остальными психическими свойствами: интеллектом, восприятиями, воображением, волей. Ведь его мишенью служат все мифические творения картезианской теории, «догмы призрака в машине».

Программу всей книги можно обозначить так: нужно сорвать маску субъективности со всех способностей разума. Показать, что основания для разделения сознания и тела нет. Убедить читателя, что высказывания о сознании — на самом деле всегда о свойствах поведения, и что целая батарея философских проблем — иллюзия, возникшая из одной логической ошибки, категориальной ошибки. Ее Райл и разъясняет. Когда мы начинали исследовать ментальный словарь, получалось, будто есть поведение, а есть еще какой-то внутренний призрачный процесс. Но это, как если бы мы, глядя на монету в пять копеек, пытались увидеть, помимо металлического диска, ее пятикопеечное достоинство. И, не обнаружив его, делали вывод, что это достоинство — неделимая, невесомая и безразмерная вещь. Вот это и есть категориальная ошибка: переносим сущности одной категории, абстрактной, в другую, конкретную, и получаем неразрешимую тайну. Для наглядности приведу классическую иллюстрацию Райла: иностранец посещает Оксфорд в первый раз. Ему показывают колледжи, библиотеки, лаборатории, административные здания. Посмотрев все это, в конце экскурсии он спрашивает: «А где же университет?». Очевидно, этот чужак не понимает, что университет не отдельное какое-то здание, а то, что объединяет весь комплекс. Или вот еще: Джон Доу знакомый, друг или враг Ричарду Роу. Но Джон Доу не может быть знакомым, другом или иметь любое подобное отношение к среднестатистическому налогоплательщику. Если Джон Доу не по-

нимает, что нельзя встретить этого самого налогоплательщика на улице, он потенциально совершает категориальную ошибку. И если философ считает сознание невидимым, неделимым, приватным, он совершает ту же ошибку. Теперь замысел Райла понятен. Но вот удалось ли этот замысел реализовать?

Сам Райл в более поздних статьях указывает на недостатки «Понятия сознания». Так, он не удовлетворен своим анализом отчетов о субъективных состояниях. Я говорю, например, что испытываю боль. На что указывает это высказывание? Когда речь об объективных фактах, всегда может закрасться ошибка, хотя бы теоретически. Поэтому к высказываниям можно добавить «очевидно», «предположительно», «возможно». Но с высказыванием о боли, к примеру, это не проходит. Язык отторгает выражение «я предположительно испытываю боль». Это высказывание имеет какую-то особенную степень точности, точнее, безошибочности. Райл предложил изящное объяснение: будто эти высказывания, как ухмылка или ругательство, являются непосредственным выражением состояния, а не информативным отчетом, и поэтому не могут быть истинными или ложными. Нельзя же сказать: «вероятно, черт! Очевидно, черт возьми! Гипотетически, такой-сякой!». Однако это остроумное объяснение не проходит. Иногда высказывания о боли носят, безусловно, информативный характер: врач спрашивает, что случилось? Пациент говорит: «Болит голова, вот здесь и здесь». Райл осознает, что эту головоломку он решить не смог, как, впрочем, и другую, о воспоминаниях. Вот музыкант «проигрывает в голове» какую-то знакомую мелодию. Как свести его занятие к поведению? Можно сказать, что музыкант запомнил мелодию и еще не успел ее забыть. Но это явно не все. Райл утверждает, что «проигрывать в голове» — вовсе не то, что слышать. Скорее, это сродни притворству, симуляции прослушивания. Но эти его объяснения, хотя и проясняют нечто, все же не объясняют наш опыт «воспроизведения в голове» целиком. Музыкант, прослушивающий мелодию в голове, в этот момент как-то использует свое знание. Он думает о ней сейчас, и ему кажется, что мысли «звучат», почти в точности как мелодия. По всей видимости, объяснить это только в поведении не удастся.

Что же тогда Райлу удалось? Или его проект полностью провалился? Ни грандиозный замысел, ни скромная последующая самооценка не дают правильного, на мой взгляд, представления о результате. А он есть. Результатом философского анализа Райла стало сокращение числа психических явлений, требующих дальнейшего объяснения⁵⁰. (Трудно поверить, что мистические, раздутые до неузнаваемости сущности феноменологии Гуссерля — это те же самые явления, что анализирует в своем исследовании Райл!) Но даже для тех из них, которые Райл не смог объяснить, он предложил подходы, облегчающие работу следующему поколению физикалистов. Перспективный подход, на мой взгляд, намечается им даже в трактовке такого трудного для бихевиористского видения феномена, как воображение. Опробуем этот подход на примере: давайте вообразим зебру⁵¹. Что представляет собой объект нашего воображения? Если придерживаться «официальной доктрины», мифа «призрака в машине», происходящее описать нужно так: существует интенциональный объект — ментальный образ зебры. Этот образ абсолютно приватен, и становится доступным субъекту в акте воображения, правильно? Можно ли объяснить это иначе? Пожалуй, как я уже сказал, для бихевиористского объяснения это задача трудная, возможно, непосильная. Но и наше первое, менталистское, объяснение тоже недостаточно. Существование одного только ментального образа (видимой внутренним оком картинки) не позволяет нам объяснить, что мы воображаем зебру, а не лошадь Пржевальского или просто цветное пятно. Нужна интерпретация, нужно убеждение, что этот набор графических элементов (точек, линий, цветовых пятен) изображает что-то знакомое. Точнее, нужно убеждение, что мы как будто бы видим зебру. Из рассуждения Райла выходит, что обойтись без убеждения, одним только изображением, не удастся. Теперь попытаемся исследовать наш ментальный образ. Закроем глаза и сосредоточимся на образе зебры. Сосредоточились? Сколько у нее было полос? Предположим, их вы не успели сосчитать. Но куда была направлена ее голова, вы это заметили? Если вы честно вообразили зебру, но не знаете, куда она была повернута (как не знают многие читатели), это должно насторо-

жить: как может существовать изображение без определенной пространственной ориентации? Отсутствие информации о количествах полос тоже проблема. Его можно попытаться объяснить из аналогии с периферическим зрением. Известно, что образы на периферии мы видим нечетко. Но это связано со спецификой строения наших органов зрения. Почему ментальная картинка обладает таким ограничением? Наше ментальное око тоже не лишено физического дефекта? Представление о существовании ментальных картин (как, впрочем, и других ментальных объектов) может заставить нас искать что-то очень загадочное, но проще обойтись совсем без него. Можно обойтись менталистским объяснением и ломать голову над тем, как вписать ментальное в общую картину мира. А можно последовать за Райлом и объяснить ментальные картины как набор убеждений, коллекцию предикатов. Тогда отсутствующие свойства и зоны неопределенности «ментального образа» не будут для нас загадкой⁵². Впрочем, эти неопределенности можно попытаться объяснить и другим, более фундаментальным образом, как мог бы это сделать другой наставник Деннета, Уилард Куайн. Куайн мог бы предположить, что неопределенность фактов о воображаемой нами зебре связана с неопределенностью того, какое значение мы придаем высказываниям о ней. Здесь, естественно, потребуются разъяснения.

Куайн. Неопределенность перевода.

Двойной стандарт

Куайн, философ математики и логик из Гарварда, известен как автор тезиса о неопределенности перевода⁵³. Миссией этого тезиса являются смыслы высказываний как таковые. Суть тезиса Куяна в следующем (к сожалению, дальше текст получается довольно технический, философия Куяна действительно плохо поддается «переводу»). Инструкции для перевода, инструкции по соотносению слов и выражений, одного языка на другой могут быть составлены таким образом, что будут несовместимыми друг с другом, и в то же время они будут полностью согласовываться со всеми языковыми диспозициями. Иными словами, перевод с одного языка на другой

может быть разным. При этом каждый из переводов может не согласовываться друг с другом (не в смысле стиля, а содержательно), и согласовываться со всем комплексом доступных для наблюдения фактов. Наиболее доступный аргумент в пользу тезиса можно найти в статье «Об основаниях для неопределенности перевода». Он опирается на принцип недоопределенности теорий, принцип, согласно которому один и тот же набор фактов всегда можно объяснить разными, даже несовместимыми теориями⁵⁴. Согласно этому принципу могут существовать две теории, *A* и *B*, несовместимые между собой и совместимые со всеми наблюдаемыми фактами (*observational sentences*). Перевод этих теорий более или менее точно можно осуществить только в той части, которая связана с наблюдаемыми феноменами. Здесь мы всегда можем проверить перевод, задавая носителю языка вопросы и сверяя их с ситуацией. Но перевод части из теоретических высказываний всегда останется недоопределенным, и всегда можно будет сомневаться: принимает ли носитель языка теорию *A*, или теорию *B*. Вот исходная иллюстрация Куйана.

Лингвист изучает язык доселе неизученного племени дикарей. Его задачей является осуществление *радикального перевода* — перевода с полностью неизвестного, имеющего автономную историю языка. Реализовать эту задачу можно, наблюдая за поведением дикарей. Вот пробегает заяц, и дикарь, указывая на него, произносит: «Гавагай!». Лингвист записывает гипотезу: «гавагай» означает «заяц». В следующий раз лингвист сможет проверить эту гипотезу, предлагая ее дикарю в качестве описания аналогичной ситуации. Конечно, для этого ему придется установить эквиваленты слов «да» и «нет». Предположим, он смог это сделать. В следующий раз, когда лингвист и дикарь видят зайца, лингвист может задавать вопрос: «Гавагай?». Если дикарь согласится в этом и других подобных случаях, можно предположить, что гипотеза подтверждена. Куайн считает, однако, что это решение никогда не может быть окончательным. Слово «гавагай» может обозначать не зайца, но части зайца, временные или пространственные, а может означать свойство «быть зайцем». Ведь все эти выражения невозможно отличить остенсивным (т. е. про-

стым указанием на предмет) способом, ориентируясь только на представленную нам ситуацию. Может, другие ситуации нам помогут? Для того чтобы провести различие, нам, кажется, нужно овладеть терминами «тождество» и «различие». По мнению Куйана, однако, и это не дает заключительного подтверждения. Одну и ту же ситуацию всегда можно будет описать по-разному: «это один и тот же заяц» или «это различные временные стадии одного и того же протяженного во времени комплекса» и т. д. То есть относительно высказываний дикаря у нас никогда не будет окончательного понимания⁵⁵. Какие же следствия могут быть у тезиса неопределенности Куайна? Может быть, они применимы только в этнографических исследованиях?

Тезис о переводе имеет самое непосредственное отношение к любым переводам. И в самом общем случае тезис означает, что мы никогда не можем знать, какие значения словам приписывает наш собеседник. Даже если он говорит на нашем родном языке. «В той же мере, в какой предложения радикального перевода недоопределены множеством диспозиций к вербальному поведению, наши собственные теории и убеждения в целом недоопределены множеством чувственных данных...»⁵⁶. Тезис Куайна один из самых шокирующих и самых загадочных утверждений философии XX в. Его можно попытаться дальше прояснять, оспаривать, или даже свести к тривиальности. Но для целей нашего исследования важно не это. Важно то, что этот тезис имеет непосредственное отношение к вопросу об интенциональности.

Высказывания о ментальных состояниях можно уподобить языку дикарей, а высказывания об объективных физических фактах — родному языку лингвиста. Тогда попытка редуцировать ментальное к физическому будет аналогична радикальному переводу. И, следовательно, согласно тезису о неопределенности перевода, перевод выражений о ментальном в выражения о физическом никогда не будет носить окончательный характер. Всегда будут существовать возможности осуществить его другим образом, и принципиально не будет возможности определить, какой из переводов является правильным. В таком случае тезис о неопределенности перевода

может служить аргументом в пользу тезиса Brentano. Выходит, выводы Куайна и Brentano созвучны. На это указывает сам Куайн: «Тезис Brentano о нередуцируемости интенциональных идиом находится в согласии с тезисом о неопределенности перевода»⁵⁷. Куайн против возможности редукции (в этом он категорически отличается от Райла). И ему остается только выбирать между уже известными нам альтернативами. Неудивительно, что он склоняется в сторону позиции радикальных бихевиористов: «Можно принять тезис Brentano или в качестве демонстрации неустранимости интенциональных идиом и важности самостоятельной науки, которая бы занималась интенциональностью, или в качестве демонстрации безосновательности интенциональных идиом и бессодержательности такой науки. Я, в отличие от Brentano, разделяю второе отношение»⁵⁸, — пишет он в «Слове и объекте» (1960). Может показаться, что Куайн занимает позицию однозначно элиминативистскую, т. е. за устранение ментальных выражений. И, в какой-то мере соглашаясь с принципом верификации, он отрицает значимость высказываний о ментальном. Но это ошибочная кажимость. Буквально в следующем параграфе он делает существенное дополнение. «Не то чтобы я накладывал запрет на каждодневное употребление интенциональных идиом или утверждал, что они практически устранимы. Но они, я думаю, вынуждают разветвлять каноническую нотацию»⁵⁹. Как же все-таки быть с интенциональными идиомами, если они нередуцируемы и неустранимы? На данный момент, я хотел бы оставить этот вопрос без решения, ибо лучше всего на него ответит ученик Куайна, Деннет. Но перед тем как углубиться в его теорию, предлагаю сделать паузу, и еще раз зафиксировать отправные точки.

6. Резюме. Отправные точки

Тезис о нередуцируемости Brentano поставил перед философами проблему. И последовательной реакцией на него была феноменология. Гуссерль попытался вырастить из нее не только строгую автономную дисциплину об интенциональных содержаниях, но науку всех наук. Его проект, однако, столкнулся

с трудностями: субъективные методы исследования трудно состыковать с многовековой традицией получения научных знаний. Второй альтернативой был бихевиоризм. Бихевиористы сделали попытку обойти ментальное стороной. Но, как мы знаем, они тоже не достигли своих целей. Игнорируя ментальное, невозможно объяснить сложное поведение человека. Райл понадеялся взять тезис Brentano штурмом, но ему в лучшем случае удалось захватить только часть территории. Его гарвардский коллега У. Куийан, хотя и тяготел к элиминативизму, наметил компромиссный путь. Он предложил наделить ментальные содержания «умеренной самостоятельной реальностью». Так обстояли дела, когда начинал свои исследования Деннет. И теперь мы готовы обсудить его альтернативу. Этот разговор о решении Деннетом вопроса об интенциональности я начну с попытки прояснить его отношения к предшествующим традициям.

7. Альтернативное решение Деннета. Теория интенциональных систем

Критика предшествующих подходов

«Два тупика» — под таким нелестным заглавием Деннет располагает в своей первой работе «Контент и сознание» анализ феноменологического и бихевиористского подходов. Критикуя первый подход, он рассуждает следующим образом. Феноменология представляет объяснение фактов в интенциональных терминах, в высказываниях о желаниях, надеждах, убеждениях. Например, факт того, что «некто открыл дверь», феноменолог объясняет «его желанием открыть дверь». Но это объяснение циклично. Оно не удовлетворяет требованиям к определению причин. Согласно Юму (а ему в данном случае следует Деннет), причины должны быть определяемы независимо от следствий. А здесь этого не получается. Ментальное содержание зависимо от последующего за ним действия. Ведь если бы он не открыл дверь, или хотя бы не попытался это сделать, нельзя было бы сказать, что он желал ее открыть. Может быть, нам удастся переформулировать это

желание так, чтобы оно не было связано с открытием двери? Определить ментальные (интенциональные) содержания через любые высказывания о физических событиях невозможно из принципа: это противоречит тезису о нередуцируемости Brentano, а все построение феноменологии на нем основано. Но определение ментальных содержаний через высказывания о других ментальных содержаниях тоже невозможно — любое ментальное содержание уникально. Другая характеристика — другой феномен. Скажем, объяснить открытие двери только желанием выйти из комнаты нельзя, так как, в конце концов, выйти из комнаты можно и другим способом: через окно, сломав стену или обрушив потолок. Но концептуальная зависимость ментального предшествующего содержания от последующего действия не единственная трудность в феноменологическом объяснении.

Интерпретации с помощью интенциональных содержаний без последующей ссылки на поведение, физическую реальность, нарушают логику научного познания. Телеологизм, организация и рациональность не являются нормой во Вселенной случайностей и хаоса. Ментальные содержания слишком рано ставят точку на объяснении явления. Нужно искать более фундаментальные принципы, сообразные с естественнонаучными представлениями. В противном случае это ведет к радикальному пересмотру картины мира. Феноменология — это путь революции или анархии⁶⁰, — считает Деннет. А Деннет не революционер и не анархист. Но у него есть основания сомневаться и в продуктивности научного бихевиоризма.

Бихевиоризм основан на мечте об искоренении ментального. Но это, по мнению Деннета, несбыточная мечта. Дело не в том, что теоретики пока не достигли необходимого уровня мастерства. Полная редукция вообще невозможна. Описания через стимулы и реакции не способны схватить телеологического, содержательного характера поведения. А его можно обнаружить везде в поведении разумных существ. Возьмем для этих целей слегка модифицированный эксперимент из арсенала самих бихевиористов. Будем запускать крысу в лабиринт, в котором спрятана подкормка. Если некоторое время не менять расположение подкормки, крыса скоро запомнит путь

к еде и будет направляться прямо к ней. Это типичный случай научения с помощью подкрепления. Если скиннеровская точка зрения верна, с помощью подкрепления мы научили животное определенным мышечным реакциям. Теперь модификация: отодвинем подкормку на несколько шагов. Если имеет место чисто механическое научение, крыса, проделав десять шагов, уткнется носом в пустоту, вместо того чтобы сделать еще один шаг и получить вознаграждение. Но это, конечно, не так. Даже крыса в процессе научения запоминает не мышечные движения, приводящие ее к еде, а местоположение пищи. Она приобретает некоторое убеждение. Иначе невозможно описать то, чему она учится. Очевидно, что эффективность предсказания в системе «стимул — реакция» достигается только путем создания узкого коридора поведенческих возможностей, искусственной среды, которая, как смирительная рубашка, ограничивает агента. Подобная механическая интерпретация не раскрывает содержания, которое стоит за поведением. В бихевиористской системе взглядов мы всегда ограничены описанием движения физического тела, но никогда не сможем выяснить, что именно делает организм.

Еще хуже обстоит дело с новыми для субъекта типами реакций. Деннет предлагает иллюстрацию, заимствованную из разгромной рецензии Хомского. На вас наводят пистолет: кошелек или жизнь? Если подобное событие случается первый раз, совсем не понятно, какой должна быть реакция. Допустим, на угрозы в прошлом вы отвечали преимущественно извинениями. Тогда, может, естественной реакцией на угрозу грабителя будет извинение? Логичней, однако, протянуть кошелек. С позиции Скиннера это довольно неожиданное решение. В статье «Разоблачение Скиннера» (в английском эквиваленте название содержит игру слов «Skinner skinned») Деннет даже позволяет себе саркастический каламбур: бихевиоризму просто не хватило подкрепления для того, чтобы выработать соответствующую привычку в научном сообществе. Да и как же это было бы возможно, ведь защитник бихевиоризма сам сплошь да рядом использует интенциональные идиомы, иногда оправдываясь, что многие из этих выражений он далее переводит в поведение. Вместе со Скиннером Деннет-

критик провожает на пенсию школу радикального бихевиоризма. Но что конструктивного может сказать сам Деннет? Деннет предлагает не упразднять интенциональные выражения из строго языка науки. Но интерпретировать их иначе, с позиции третьего лица, как нередуцируемые описания схем поведения. Чтобы разобраться в его подходе к интенциональности, лучше всего использовать излюбленный пример философа — игру с шахматным симулятором.

Три типа установок

Играя с компьютером в шахматы, — считает автор, — можно принять три стратегии или три типа установок, которые помогли бы прогнозировать действия компьютера, чтобы выиграть. Во-первых, можно попытаться выяснить, какой алгоритм стоит за действиями машины, т. е. какую логику заложил в нее программист. Для этого может потребоваться знание архитектуры программы, каким образом осуществляется хранение данных, как они обрабатываются и как реализованы пользовательские интерфейсы. Детальный анализ функционирования программы позволит с большой вероятностью предсказывать любой следующий ход компьютера и обеспечит высокую вероятность выигрыша. Такой подход Деннет обозначает как *проективную установку*. В этой стратегии объект рассматривается как реализация замысла, т. е. в функционально-телеологическом аспекте. В случае с шахматным компьютером — сложной системой — мы прогнозируем ее поведение, исходя из ее функций и ожидания, что она будет работать правильно.

Другой способ прогнозирования опирается на физические законы. Это *физическая установка*. Физическая установка предполагает, что мы определим в точности физическое состояние всей системы, всех ее блоков. И будем предсказывать ее работу, исходя из законов. Здесь нам будет безразлично, работает ли программа правильно, или со сбоями, и что задумал программист. Примером предсказания с позиции *физической установки* являются заключения подобного рода: «если компьютер работает длительное время, а вентилятор не функционирует, — перегревается материнская плата», или

«крыша протечет, когда будет таять снег». Такого рода прогнозы обладают самой высокой достоверностью и точностью в случае, если основаны на правильных исходных данных и знании законов природы. Этот подход позволит прогнозировать поведение системы в случае неисправности. Но даже предсказание следующего хода работоспособной шахматной программы может быть построено на физической установке. Правда, это сизифов труд, пригодный, разве что, для демона Лапласа. Безусловно, можно вычислить «поведение» компьютера, зная подробности обо всех сигналах на входе и их преобразованиях в микросхемах, но разве так играют в шахматы с компьютером?

В практическом случае, считает Деннет, возможен только один доступный путь: предсказать поведение системы исходя из определенных правил игры, представлении о рациональности действий машины, и ее целях. Когда, ввиду сложности объекта, исчерпаны возможности предсказывать его поведение на основе физических законов или заложенных алгоритмов, все еще остается шанс выиграть. Нужно представить, что против нас играет рациональный оппонент. Такая стратегия обозначается Д. Деннетом как *Интенциональная установка*. Прогнозирование поведения системы, исходящее из Интенциональной установки, — это прогнозирование с помощью «приписывания объекту определенной информированности и направленности на какие-либо цели»⁶¹. Под информированностью в данном случае автор понимает не просто хранение информации, но именно способность использовать эту информацию в своих интересах. Ведь списка возможных комбинаций на шахматном поле недостаточно, чтобы правильно выстраивать стратегию. Необходима способность применять его, оценивать достоинства и целесообразность того или иного хода и выбирать лучший.

Отсюда один шаг, и мы уже говорим о том, что объекту свойственны определенные «убеждения», «намерения» и «желания», т. е. ментальные состояния. Но ведь речь идет только о шахматной программе. Такого рода высказывания о неживых механических системах могут вызвать протест. Однако они настолько практичны, что используются чаще всего.

Либо допускай рациональность противника, либо получай мат. Напомним, что Деннет пока не утверждает, что компьютерная программа обладает интенциональными содержаниями, в точности как обладает ими человек. Он только отмечает эффективность методики приписывания таких состояний для интерпретации и предсказания поведения. И шаг этот выглядит вполне безобидным. В конечном итоге, для любителя интеллектуальных состязаний безразлично, обладает ли его оппонент подлинными ментальными состояниями или нет. На поведении это никак не отражается.

Интенциональные системы

Относительно тривиальный ход дает надежду преодолеть пропасть, образовавшуюся в связи с тезисом Брентано. Три установки не противоречат друг другу, а позволяют по-разному взглянуть на один и тот же объект. Вдобавок к этому, Интенциональная установка позволяет выделить особый класс объектов, поведение которых можно надежно предсказывать с ее помощью, — класс *интенциональных систем*. Этот класс объединяет не только людей, животных, насекомых, но даже работающие компьютерные программы и некоторые механизмы, например, термостаты. В самом деле, даже поведение простого термостата можно предсказать с помощью Интенциональной установки. Прогнозирование возможно таким образом: если термостат намерен удерживать комнатную температуру на уровне 23 °C и убежден, что сейчас эта температура ниже, термостат включит отопление. Возможно, тогда Интенциональная установка применима вообще ко всем объектам? Тогда какой в ней смысл? На первый взгляд поведению даже неподвижных предметов можно было бы приписать интенциональные содержания. Лежит булыжник на мощеной мостовой. Он считает, что приносит пользу, укрепляя дорогу, позволяя двигаться по ней людям, повозкам и машинам. Исходя из этих его убеждений, можно предположить, что булыжник останется там, где есть. Деннет считает, что подобные объяснения, хотя и возможны, но малоэффективны. Гораздо проще «поведение» булыжника объяснить не из интенциональной, и даже не из проективной, а из физической установки. Ин-

тенциональными системами целесообразно называть только те объекты, чье поведение эффективно и надежным образом предсказуемо с помощью соответствующей установки. Словам «эффективно» и «надежно» Деннет не дает точные определения, но это не должно беспокоить читателя. Ведь речь идет не о точной математической теории, а об описании «высокого уровня», психологическом описании. Это описание позволяет проводить контрастные различия в крайних точках, между сложным поведением людей и примитивным — булыжников. Но оно не дает провести четкую границу посередине. Поведение некоторых механизмов и простейших форм жизни может быть равным образом предсказано как с позиции проективной, так и Интенциональной установки. И это достоинство подхода, а не недостаток. Ведь так мы можем найти место для интенциональности, не нарушая единства картины мира.

Контрпримеры?

Можно, однако, попытаться сходу демонтировать построение Деннета. Для этого потребуется всего лишь один контрпример. Нужен какой-нибудь объект, поведение которого надежно предсказывалось бы с позиции Интенциональной установки, но которому никак нельзя было бы приписать убеждения и желания. Достаточно, чтобы его можно было просто вообразить. И вот такой объект, кажется, придумывает профессор колумбийского университета К. Пикок в монографии «Смысл и содержание» (1983). Автор предлагает представить марионетку — существо, во всех действиях напоминающее человека, но управляемое с помощью радиопередатчиков компьютерной программой. Разве можно приписывать ментальные содержания этой марионетке? Смутить Деннета этой ситуацией не удастся. Его ответ, скорее, положительный. Если программа управляет одной марионеткой, они вместе образуют одну личность. Просто у этой личности мозг находится в необычном месте. Но этой личности можно с уверенностью приписывать ментальные содержания, уж точно не в меньшей степени, чем шахматному симулятору. А если программа управляет несколькими марионетками? Тогда, по мнению Деннета, желания и убеждения правильней приписывать

самой программе⁶². Можно пробовать и другие альтернативы: например, распределенное расположение управляющей программы. Она могла бы быть установлена на множестве компьютеров, объединенных сетью. Впрочем, и этот вариант как контрпример не проходит. Известно, что мозг тоже состоит из множества относительно автономных модулей, и это не мешает нам приписывать его владельцу желания и убеждения. Видимо, Интенциональной установке удастся преодолеть первые возражения, и нам придется заняться ей всерьез. Разберемся подробнее, по какому принципу она работает.

Нормативная модель. Желания и убеждения

Для того чтобы предсказать поведение организма с помощью Интенциональной установки, Деннет предлагает допустить наличие у него желаний и убеждений. Что это означает? Деннет, как и его наставник Райл, не склонен ссылаться на какие-либо внутренние, скрытые для наблюдателя интеллектуальные процессы. Но, на первый взгляд, он все же допускает троянского коня в свою теорию. Интенциональная установка опирается на представление о рациональном действии. А рациональность пока не объяснена. Если оставить это так, объяснение будет цикличным. Оно будет походить на ситуацию из «Мнимого больного» Мольера. На экзамене будущего медика спрашивают: почему опий имеет снотворное действие? Тот отвечает: потому что он имеет «снотворную силу». Что ж, для объяснения рациональности Деннет действительно не может удовлетвориться «рациональной способностью». Это лишь перефразированный вопрос. И Деннет объясняет ее иначе. По его мнению, за рациональностью стоит оптимальное устройство. Если в системе заложена функция (если она может быть описана телеологически) и она способна оптимально ее реализовать, систему можно охарактеризовать как рациональную.

Рациональность есть норма поведения, а убеждения и желания — средства описать эту норму. Согласно нейтральным формулировкам Деннета, объект обладает такими убеждениями, которые он «должен был бы иметь, исходя из его способностей к восприятию, его потребностей в познании и исто-

рии»⁶³, такими желаниями, которые объект должен был бы иметь, исходя из потребностей его биологического развития и наиболее практичных способов их удовлетворения. По Деннету, нечто имеет желание или убеждение тогда и только тогда, когда есть возможность приписывать данные состояния для предсказания поведения системы: т. е. когда поведение может быть вписано в некоторую нормативную модель — модель рационального поведения. Но как возникает эта норма? Ведь только недавно мы говорили, что телеологизм, скорее, исключение в природе. Компьютерная программа реализована в соответствии с нормой, замыслом программиста. И с термостатом то же самое. Термостат создан, чтобы прогнозируемо реагировать на изменения температуры окружающей среды, т. е. сообразно замыслу конструктора. Мы способны предсказывать поведение искусственно созданных механизмов, потому что их рациональность копирует часть нашей. Но почему и поведение человека может быть вписано в некоторую общую нормативную модель? Почему оно может быть успешно прогнозируемо с помощью Интенциональной установки? Если найти основания для появления нормы рациональности не удастся, успешность предсказаний с ее помощью останется чудом. Как было бы чудом успешное прогнозирование с помощью *астрологической установки*. Возьмем ее для иллюстрации.

Предсказания с помощью астрологической установки работают так: определяем точную дату, час и место рождения человека, анализируем эту информацию с помощью гороскопа и получаем некоторое предсказание. Авторы гороскопов уверяют, что такие предсказания сбываются. Однако для человека, которому не свойственно суеверие, понятно, что исполнение подобных предсказаний — случайность, или следствие смутных формулировок в прогнозе. Не требуется проверять каждое предсказание, чтобы прийти к такому выводу. Достаточно выяснить, что оснований для соотнесения судьбы человека с движением светил недостаточно. Как недостаточно оснований напрямую связывать характер человека с погодой или геополитической обстановкой во время его рождения. Научный аппарат астрологии отсутствует, и объяснения с ее по-

мощью остаются случайностью. А вот в случае с предсказаниями с помощью Интенциональной установки — нет. Появление рациональности — закономерность в развитии природы.

Эволюционное объяснение рациональности

Под рациональностью мы понимаем нечто общее, свойственное как людям, так и животным. Деннет считает, что основанием для этого являются общая история эволюции и естественный отбор. Рациональность, которую мы повсюду замечаем в природе и которая в течение столетий объяснялась креационной моделью как свидетельство рациональности создателя, находит научное обоснование в теории естественного отбора. Из ее основного принципа следует, что если имели место борьба видов и естественный отбор, популяции, которые живут сегодня, являются наиболее приспособленными к условиям существования, или обладают оптимальной конструкцией. Они выработали наиболее эффективные модели реакции на воздействия среды и способны к стабильному воспроизводству. Общей целью для всех живых существ является сохранение вида, а следовательно, сохранение жизни для особи в репродуктивный период. И поведение, которое ведет к достижению этой цели, — оптимальное или наиболее рациональное. В контексте теории эволюции можно еще раз уточнить определения «убеждение» и «желание». Деннет пишет, что «убеждения и желания» в конечном итоге демонстрируют необходимость выживания и отражают оптимальное устройство органической системы. На этом и основаны механизмы предсказания поведения агентов. «Если эволюция проделала свою работу... наши предсказания должны быть достаточно надежными, чтобы ими пользоваться»⁶⁴.

Пирамида проб и ошибок

Одна и та же рациональность стоит за строением птичьего крыла и проектом атомной подводной лодки, созданной человеком. Это рациональность эволюционного процесса. Различие лишь в степени пластичности адаптационных механизмов. Очевидно, способности птиц или рыб в большей степени ограничены их генетическим потенциалом, тем что Деннет

называет «жестко-заданными схемами». Выбор адаптационной стратегии человека гораздо шире, и во многом зависит от процесса развития и обучения. В своей эволюционной модели, получившей название «пирамида проб и ошибок», Деннет вводит четыре уровня пластичности. На самом нижнем уровне находятся организмы, которые он называет «дарвиновскими существами», так как именно на этом этаже эволюционной лестницы действует классический механизм естественного отбора. «Дарвиновские существа» обладают жестким набором заданных генетически реакций на воздействие среды. Соответственно, любое изменение условий существования может оказаться для них губительным. Погибает множество оригинальных «проектов» природы, однако появляются новые и новые, и среди них есть принципиально более совершенные.

Их преимуществом является фенотипическая пластичность — способность организма корректировать, пусть незначительно, генетически заданные шаблоны поведения. Еще Скиннер подчеркивал: «Там, где исчезает генетически заданное поведение, появляется генетически заданная способность к модификации». Существа, способные к вариативности и модификации поведения, Деннет называет «скиннеровскими существами». Что же, такая гибкость представляет неплохой инструмент адаптации к среде. Только если один из испытываемых ответов на стимул среды не стал для организма летальным. Если попробовать охарактеризовать этажи эволюционной лестницы по Деннету с другой стороны, можно заметить, что для «дарвиновских существ» есть только настоящее. Они не способны актуализировать опыт прошлого и использовать его как преимущество. «Скиннеровские существа» обладают возможностью извлекать уроки прошлого. Но ни те ни другие не способны моделировать будущее. Такое умение в модели Деннета приобретают «попперовские существа». Они обладают особенностью осуществлять предварительный отбор вариантов поведения и позволяют «гипотезам умирать вместо них самих»⁶⁵. В отличие от «скиннеровских существ», выживающих только благодаря тому, что удачно выбрали первый вариант, «попперовские существа» не играют

в слепую рулетку — их выбор вернее, чем надежда на случай. Если одни — просто удачливы, другие удачливы настолько, чтобы обладать разумностью.

Венцом эволюционной лестницы являются «грегорианские существа». Они названы в честь Ричарда Грегори, современного британского психолога. К ним относятся люди, адаптирующие окружающую среду. Они проектируют и изменяют ее, и таким образом передают информацию. Они создают и воспринимают культуру. Артефакт культуры, любой инструмент, как, скажем, обычные ножницы, является не только результатом интеллектуальной деятельности, но и источником для нее. Он несет подсказку для эффективного способа взаимодействия со средой. Чем сложнее инструмент, тем больше информации он содержит. Самым сложным и полезным инструментом являются слова. Вот мы и пришли к «нашему» варианту рациональности, проделав длинное путешествие по эволюционной лестнице. Следуя за рассуждениями Деннета, мы убедились в генетической связи между интенциональностью в контексте Интенциональной установки, с одной стороны, и рациональностью, или оптимальным дизайном, в его интерпретации эволюционного процесса — с другой. Неслучайно в «Мозговых штурмах» он говорит, что «рациональность — мать интенции»⁶⁶. Но для появления ее потребовались миллионы лет биологической истории. Можно ли ее преодолеть одним прыжком, скажем, за несколько десятков лет?

Интеллект в один прыжок.

Искусственный интеллект

Попытку сделать такой ошеломляющий прыжок предприняли математики и инженеры, работающие над созданием искусственного интеллекта (ИИ). В такой короткий срок они попытались пройти дистанцию от простых механических калькуляторов до цифровых компьютеров, оснащенных программами для общения с людьми. Кстати, одна из таких программ доступна в Интернете. Она называется Элиза (или правильной сказать, ее зовут Элиза?). И один эпизод нашей с ней переписки даже попал в эпиграф в этой книге. Но возможна ли с ней полноценная беседа?

Э. Привет, меня зовут Элиза!

Д. Привет. Как дела?

Э. О чем бы ты хотел поговорить?

Д. О сознании.

Э. Расскажи подробнее.

Д. У тебя есть сознание?

Э. Ты спрашиваешь обо мне?

Д. Да, о тебе.

Э. Ты действительно хочешь поговорить обо мне?

Д. У тебя есть сознание?

Э. Возможно, в твоих фантазиях у меня есть сознание?

Д. Возможно, но у тебя действительно есть сознание?

Э. Ты действительно хочешь поговорить обо мне?⁶⁷

Наш диалог вряд ли мог продолжаться слишком долго. Он неизбежно заходил в тупик. Очевидно, программы еще не достигли необходимого уровня совершенства, чтобы составить человеку собеседника. Но помыслить ситуацию, в которой машина станет полноценным собеседником, вполне возможно. Будут ли такие машины действительно рациональными агентами, будут ли они обладать интенциональными содержаниями? И как оценить их «интеллектуальный» уровень теперь? Компьютер уже сейчас способен гораздо быстрее и лучше осуществлять вычисления, современная компьютерная память может вместить всю Библиотеку Конгресса, а шахматный симулятор — обыграть чемпиона мира. Но имеет ли это непосредственное отношение к рациональности — или это только поверхностное сходство?

С помощью Интенциональной установки перекинут мостик между аутентичными носителями интенциональности, в первую очередь человеком, и механическими системами. Деннет утверждает, что человек и машина равным образом могут быть отнесены к интенциональным системам. Соответственно, работающие программы, в которых реализовано интеллектуальное хранение информации, имеющие определенные цели, обладают определенным содержанием и интенциональностью. Выдержит ли его конструкция критику?

8. Аргумент Китайская комната.

Исходная и производная интенциональность

Эта позиция часто обозначается как *сильная версия ИИ*. И суть ее в установлении равенства между искусственным и естественным интеллектами. Сторонники сильной версии считают, как и Деннет, что специально запрограммированный компьютер с соответствующими данными на входе и выходе будет иметь разум в той же мере, в которой он есть у людей. Более того, что человеческий интеллект возникает именно в силу того, что в мозге реализована определенная программа. Ее альтернативой является *слабая версия*. В соответствии с ней исследование искусственного интеллекта только симулирует работу мозга, но никогда не повторяет ее. У сильной версии есть решительные противники. Наиболее известным среди них является коллега и давний оппонент Деннета Дж. Сёрл. В статье «Сознание, мозг и программы» (1980) он выступил с одним из самых известных в современной аналитической традиции аргументов — Китайской комнатой⁶⁸. С помощью этой истории он оспаривает возможность относить любые компьютерные системы к категории интенциональных систем. Как сложна и многофункциональна ни была бы программа, — считает Сёрл, — она не способна понимать смысла того, что делает. Компьютер, будучи реализацией *универсальной машины Тьюринга*, может симулировать любые варианты поведения, в том числе разумных существ, полноценных интенциональных систем, но это поведение никогда не будет внутренне значимо. Чтобы убедить нас в этом, он предлагает вообразить ситуацию.

В комнате заперт человек. Этот человек не знает китайского языка, но в его распоряжении множество справочников, где описаны правила формирования ответов на любые сообщения на китайском и наборы иероглифов, из которых эти ответы должны формироваться. Люди, владеющие китайским, передают ему сообщения. А он, получив сообщение, по правилам, записанным в справочниках, из имеющихся у него иеро-

глифов составляет ответы. У переписывающихся с ним людей создается полное впечатление, что они общаются с понимающим их вопросы собеседником. В действительности узник китайской комнаты ничего не понимает. Он слепо следует инструкциям. Для него обмен сообщениями — только синтаксические операции, действия с символами. Для понимания необходима связь между символами и их смыслом, т. е. семантика, а она отсутствует.

Китайская комната — это аналог компьютера. Узник — центральный процессор, инструкции — программы, а наборы иероглифов — данные. Из ситуации следует, что какие бы манипуляции не производил компьютер, в конечном итоге он имеет дело только с синтаксисом, он производит операции с нулями и единицами. Для значений и понимания нет места, компьютер лишен интенциональности. «Аргумент основывается на простой логической истине, что синтаксис не то же самое, что семантика, его недостаточно для семантики»⁶⁹. Китайская комната — это инструмент не просто против возможности создать интеллектуальную машину, это вызов любой теории рациональности, опирающейся на внешние критерии. Поэтому он не мог остаться без внимания.

На Китайскую комнату бурно откликнулись когнитивисты и философы. С первых дней она стала притягивать возражения, словно магнит. Ведь, как с иронией заметил Сёрл, она поставила под вопрос множество грантов в области разработки искусственного интеллекта (ИИ). На кону оказалась целая исследовательская программа. Обойти ее значило бы допустить перевес сил в пользу противников возможности искусственного интеллекта. И Деннет ее не обходит. В своих рассуждениях он показывает, что Китайской комнате верить нельзя.

Отношение к мысленным экспериментам в целом у Деннета очень осторожное. Недаром, как я уже писал, он называет их *помпами для интуиции* (мне кажется, этот термин появился у Деннета именно в связи с сёрлевской «комнатой» в статье 1980 г. «Молоко человеческой интенциональности»⁷⁰). Деннет характеризует их так: «Это не аргументы, это истории. Вместо того чтобы приводить к заключению, они накачивают наши интуиции»⁷¹. Большинство подобных

экспериментов заставляют нас вообразить что-то совершенно необыкновенное, практически нереализуемое. Неудивительно, что следствия столь сильных метаморфоз непредсказуемы. Вместо прояснения смыслов реального, эти ситуации могут запутать нас в джунглях якобы мыслимого. Состряпанные очень искусно, они обладают такой соблазнительной силой, что создают иллюзию полной ясности: «Ага, теперь все понятно!». Но с ними, как с любыми экспериментами, требуется беспристрастное обхождение. Не исключено, что быстрый результат — это оптическая иллюзия, невозможная фигура. В отношении Китайской комнаты — считает Деннет — дело обстоит именно так.

История дискуссии

Дискуссия Деннета с Сёрлом по поводу Китайской комнаты длилась по крайней мере 15 лет. Поэтому перед тем как изучать содержание аргументов, уместно будет обозначить исторические вехи дискуссии. Начало положила публикация Сёрла в журнале «Науки о поведении и мозге»⁷² в 1980 г. Эту статью сопровождали 28 комментариев, один из которых принадлежал Деннету. За комментариями следовали короткие ответы самого Сёрла. Следующим событием в полемике стало издание сборника «Глаз разума» (1981) под редакцией Д. Деннета и Д. Хофштадтера. Там эта знаменитая статья Сёрла была перепечатана, но теперь с новыми комментариями редакторов. Эти комментарии получились скандально известными из-за ошибки в цитате. В рецензии на сборник Сёрл негодовал: «Интеллектуальная гимнастика, к которой прибегают сторонники сильной версии ИИ, чтобы опровергнуть этот простой аргумент, воистину изобретательны. Но метод, к которому прибегают Хофштадтер и Деннет, более прямолинейный: они просто фабрикуют прямую цитату, высказывание, которое я никогда не произносил, и его атакуют... Более того, это не случайная ошибка, так как она повторена авторами не менее пяти раз и служит основанием для их аргумента»⁷³. В публичном письме в редакцию Деннет приносит извинения за неправильную цитату. Увы, ошибка действительно закралась в текст: «Мы сразу допустили неточность,

и затем процитировали ее еще четыре раза»⁷⁴. Но Деннет полностью отрицает, что эта ошибка — умышленный прием, и что неправильная цитата имеет существенное значение в аргументации. В комментариях Хофштадтера и Деннета словосочетание «кусочки бумаги» заменены на словосочетание «немного клочков бумаги». Но есть ли здесь принципиальная разница? Ведь редакторы критикуют Сёрла не за то, что он не понимает, сколько бумаги уйдет для составления инструкций по работе с символами. Деннет и Хофштадтер представляют гораздо более серьезные основания сомневаться в его логических построениях. В 1984 г. Деннет публикует очередную статью с дополнительными аргументами против Китайской комнаты под названием «Роль компьютерной метафоры в изучении сознания». Видимо, эти аргументы остаются без внимания Сёрла, и Деннет повторяет их в работе «Быстрое мышление». Следующий взрыв полемики происходит после рецензии Сёрла на главный труд Деннета «Объясненное сознание». Одно только название рецензии говорит за себя — «Сознание отрицаемое. Концепция Дэниела Деннета». Чтобы убедиться в ошибочности взглядов оппонента, Сёрл предлагает просто ущипнуть себя за предплечье. Что произошло? Во-первых, — считает Сёрл, — возникли соответствующие нейронные реакции. Во-вторых, появилась реакция в поведении. И, в-третьих, самое главное, появилось субъективное ощущение боли. Это и есть сознание, качественное ощущение, а его Деннет игнорирует как ненаучные данные. Что ж с того? Ведь нельзя в угоду какой-то своей трактовке границ науки просто отрицать очевидные факты? В ответ Деннет обвиняет Сёрла в дуализме, в отсутствии конструктивной программы исследований и в невнимательности к критике. «У него есть один аргумент, Китайская комната. И этот аргумент он повторяет без каких-либо изменений 15 лет... А в нем полно скрытых ошибок»⁷⁵. Тон письма Деннета весьма агрессивный. Не менее агрессивным выглядит ответ: «Одно из утверждений Деннета настолько же очевидно ложно, насколько удивительно. Он говорит, что я игнорирую критику Китайской комнаты. Он называет это пятнадцатую годами пренебрежений. Довольно странное утверждение для реакции на рецензию, в которой

я очередной раз отвечал на его критику». Далее Сёрл приводит целый список изданий, в которых он отвечает и на другие возражения. В общем, может сложиться впечатление, что оппоненты не слышат друг друга, и страсти преобладают над разумными доводами. Впрочем, это не так. Помимо взаимных обвинений, спор содержит очень любопытное философское содержание. И именно оно нам прежде всего интересно. Итак, **возражения Деннета против Китайской комнаты.**

Деннет против Китайской комнаты

Возражение 1.

Системный аргумент

Одним из первых возражений Деннета (и Хофштадтера) на Китайскую комнату был системный аргумент. Согласно этому аргументу, понимание китайского языка должно быть не у человека, запертого в комнате, а у самой комнаты. А оно, по мнению критиков Китайской комнаты, есть. Человек внутри — только часть механизма системы, но в нее входят также справочники, используемые им для формирования ответов, *кусочки бумаги*, с написанными на них иероглифами. Именно в справочниках и наборах символов в большей степени сосредоточен интеллект системы, без которого действительно никакого понимания быть не может. Это возражение любопытно, но явно не окончательно. Уже в исходной статье Сёрл парирует его.

Ответ Сёрла: модификация «глоссолалия». Представьте, что человек вышел из комнаты в чистое поле, — говорит Сёрл. Но перед этим человек запомнил все символы и каждое правило. Тогда вся система сосредоточена в его голове. Он теперь свободно общается по-китайски без комнаты, но, согласно нашим интуициям, он по-прежнему ничего не понимает! Это должно выглядеть, как *глоссолалия* — истерия, обычно связанная с религиозными переживаниями, в ходе которой человек начинает говорить якобы на «неведомых языках». Человек из китайской комнаты слышит вопросы, мгновенно на них отвечает, не понимая при этом сам ни единого слова.

Пусть системный аргумент плохо согласуется с интуициями. Но по-другому и быть не может. Чтобы комната работала

так, как обещает Сёрл, комната должна содержать миллионы томов инструкций, а сам узник — носиться по ней с ошеломляющей скоростью, чтобы произвести на нас впечатление. Это действительно перегружает воображение. Как тут оно может не подвести? И в наших интуициях способность «понимать» также плохо согласуется и с физическими процессами, которые происходят в мозге. Представим еще одну фантастическую ситуацию. У носителя китайского языка возникает дефект мозга — нейромедиаторы перестают передавать сигналы между нейронами. В качестве заменителя человеку встраивают некоторый механизм, который заменяет работу нейромедиаторов. Назовем его демоном Сёрла. Демон носится между нейронами и передает электрические импульсы, в точности как делали бы это нейромедиаторы. Что будет с поведением человека? Если демон полностью симулирует работу нейромедиаторов, поведение человека не изменится. Он точно так же будет способен разговаривать на китайском. Но будет ли он тогда понимать речь? Когда Сёрлу предлагают эту ситуацию, он высказывается утвердительно. Но... из этого, вероятно, следует, что Сёрл принимает системный аргумент! Хофштадтер и Деннет рассуждают так. Сёрл не задает вопрос, понимает ли китайскую речь демон. Возможно, как и узник китайской комнаты, демон просто следует инструкциям. Понимает речь носитель языка, человек, система, состоящая из символов (нейронных состояний) и правил управления ими. Задавая вопрос о том, понимает ли узник китайский язык, Сёрл совершает категориальную ошибку. Понимать язык может не какая-то часть системы, а система целиком. И достаточным критерием для этого является языковая компетентность. Какая разница, что находится в голове: нейроны или кремниевые микросхемы. В конце концов, чтобы допускать рациональность других людей, мы не просим их предъявить содержимое черепа.

Тест Тьюринга

как критерий интеллекта

Системный аргумент предполагает, что комната обладает пониманием, в случае если она компетентно отвечает на вопросы носителей языка и они не могут заподозрить нелад-

ное. В этом утверждении сторонники аргумента опираются на критерий интеллекта, выдвинутый британским математиком и архитектором всех современных компьютеров Аланом Тьюрингом. Впрочем, истоки идеи лингвистической компетенции как основного критерия рациональности можно найти даже у Декарта. В своих «Размышлениях о методе» он писал, что вряд ли можно найти лучший способ обнаружить ментальность, чем испытание в интеллектуальной беседе. Именно на основании отсутствия языка у животных Декарт отрицал рациональность у них. Тьюринг развил эту идею. В знаменитой работе «Вычислительные машины и разум» (1950) он предложил конкретную методику определения «интеллекта» известную как *тест Тьюринга* (ТТ): интеллектуальной является такая система, которая в диалоге с человеком-экспертом может постоянно или часто убеждать его в том, что она тоже является человеком. Для того чтобы факты, не относящиеся к делу (такие как голос или внешний вид) не сбивали с толку, диалог должен проходить в виде переписки через компьютерный терминал. Чтобы проиллюстрировать масштаб и трудности такого испытания, приведу пример Тьюринга:

Эксперт: Первая строка сонета такова: «Я с летним днем сравнить тебя готов». Можно ли заменить «летний» на «весенний», будет лучше или хуже?

Испытуемый: Не будет рифмоваться.

Эксперт: как насчет «Я с зимним днем сравнить тебя готов»? Это ведь будет рифмоваться?

Испытуемый: Да, но никто не хотел бы, чтобы его сравнивали с зимним днем.

Эксперт: Мистер Пиквик каким-то образом напоминает вам о Рождестве?

Испытуемый: Отчасти.

Эксперт: Но Рождество — это зимний день. И я не думаю, что мистер Пиквик бы возражал против такого сравнения.

Испытуемый: Я не думаю, что Вы говорите серьезно. Под «зимним днем» имеется в виду обычный зимний день, а не такой особенный, как Рождество⁷⁶.

Если машина способна вести подобную беседу, ее компетенции должны намного превышать компетенции уже знакомой нам Элизы⁷⁷. И должны дать все, по мнению Тьюринга, основания считать ее разумной, вне зависимости от внутреннего устройства. Вот только помимо внутреннего устройства, Тьюринг не учитывает другой важный критерий — способность к разумному нелингвистическому поведению. Представьте пример: в баскетбольную команду (совсем начального уровня) поступает новый игрок. Тренер объясняет ему все правила игры. Он объясняет, что цель в том, чтобы забросить мяч в противоположную корзину, порядок ведения мяча и передачи пасов. После объяснения игрок в точности пересказывает правила, добавляя к ним уместные комментарии. Но во время игры, как только мяч попадает к нему, он пытается забить его в корзину ногой. И так происходит каждый раз. Понял ли игрок правила игры? Несмотря на лингвистические компетенции, понимание правил вернее установить во время игры, а не в беседе. Важность этой проверки рациональности, назовем ее тотальным тестом Тьюринга (ТТТ), не оставляет без внимания и Деннет.

Возражение 2.

Аргумент робота

Еще в «Контенте и сознании» Деннет замечает: «Только существо, способное в том числе к неречевому поведению в мире, может понимать. Компьютер, работающий исключительно с лингвистическими данными на входе и выходе, всегда будет слеп к значениям того, что в сообщениях»⁷⁸. Эта позиция выражена в его критике Китайской комнаты с помощью *аргумента робота*. Суть аргумента в следующем. Для того чтобы описать механизм, способный к пониманию, нужно представить не комнату с символами и инструкциями, а ее аналог, реализованный в работе. Компьютерная программа будет установлена в контрольном центре робота. Там будут обрабатываться не только языковые данные, но и данные от органов восприятия. Робот будет способен не только говорить, но и сообразно действовать. Такой робот должен понимать любой язык, на котором он будет говорить.

Ответ Сёрла: модификация Китайский робот. Эти новые условия усложняют ситуацию, но принципиально ничего не меняют — считает Сёрл. По его мнению, робот не может добавить ничего для понимания и появления интенциональных содержаний. Смотрите, — говорит он, — вместо компьютера мы помещаем в робота китайскую комнату. Теперь у нас китайский робот! И узник обрабатывает не только символы, составляющие вопросы, но и данные от органов восприятия. Обратно он тоже отправляет символы как для ответов, так и для управления роботом. Но понимания все равно не возникает. Ведь узник работает только с символами, и не получает доступа к их значениям. «Я получаю информацию от органов восприятия робота и передаю инструкции его двигателю, но вовсе не догадываюсь об этом. Я — гомункулус в работе, но в отличие от традиционного гомункулуса, я не понимаю, что происходит. Я не знаю ничего, кроме манипуляций с символами»⁷⁹. Сёрл не видит принципиальной разницы между комнатой и роботом. Но разница есть.

Различие робота и комнаты.

Банка с кока-колой и чувство времени

На различие двух сценариев обращает внимание российский философ В. Васильев. Он считает, что Китайская комната вообще не способна пройти тест Тьюринга. А значит, исходный мысленный эксперимент Сёрла утрачивает силу. Васильев предлагает вообразить некоторые дополнительные детали, чтобы это проиллюстрировать. «Я знаю китайский и веду диалог с Сёрлом, запертым в его комнате вместе с программой и целыми горами иероглифов. Допустим также, что перед экспериментом я зашел в комнату и поставил банку кока-колы на стол, за которым будет сидеть Сёрл. И вот мы начинаем наш диалог»⁸⁰. Итак, эксперт спрашивает узника, что находится перед ним. По правилам Китайской комнаты узник должен обратиться к инструкциям, чтобы сформировать ответ. Но как инструкции могут «знать», что находится в комнате перед узником? Программу, которая бы предвосхищала такой ответ, может написать только всезнающее существо. Ведь эксперт мог принести в комнату спрайт, пепси или

вообще ничего не приносить. Таким образом, узник и программа не могут дать нужно ответа, а значит, они неспособны пройти тест Тьюринга?

Васильев проводит действительно оригинальную атаку на аргумент Сёрла. Но, мне кажется, можно ее отбить. Можно показать, что этот ход незаконный, что он нарушает аналогию между комнатой и рациональным агентом. В самом деле, сколько нейронов у вас в голове? Приблизительно пятьдесят-сто миллиардов? А точнее? Тот факт, что вы не знаете точное число нейронов, и не можете их посчитать, означает ли он, что вы не в состоянии пройти тест Тьюринга? А как выглядит орган, соединяющий ваше правое и левое полушарие? А вдруг вместо него там находится банка с кока-колой? В конце концов, демон Сёрла, пока вы сегодня спали, мог туда ее установить. Неспособность агента дать ответы о своем внутреннем устройстве и внутренних изменениях не дают основания полагать, что агент не рационален. Это в порядке вещей.

Правда, позицию Васильева тоже можно развивать. Даже без посторонних предметов Комнату можно попытаться поставить в тупик. Нужен какой-то вопрос о фактах, доступных обеим сторонам, ответ на который нельзя было бы подготовить *a priori*. Набор этих новых фактов сильно ограничен, так как у комнаты нет органов чувств. Хотя, пожалуй, есть лингвистические факты. Например, вопрос, сколько вопросов было уже задано с начала беседы. Подобный вопрос может быть опробован несколько раз в ходе испытания. Как программа будет реагировать на него? Наверное, все-таки можно написать такие инструкции, чтобы в зависимости от контекста узник давал разные удовлетворительные ответы. Для этого в его распоряжении должны быть варианты всех возможных разворачивающихся бесед. Вообразите масштаб библиотеки!⁸¹ Допускаю, что когда узнику будут задавать одни и те же вопросы, и он обнаружит, что дает разные ответы, у него появится серьезная подсказка. И он даже сможет вычислить остальные значения по ней⁸². Но пока не вижу способа это окончательно доказать. Программу, которая бы правильно отвечала на вопросы о самой беседе, все равно можно помыслить. Тогда, может быть, для опровержения подойдут вопросы о самом

узнике? Например, как его зовут, сколько ему лет. Программа может быть настроена на конкретного человека, скажем, на Сёрла. А если он заболит, и для эксперимента заменять его приедет Деннет? Программа не будет знать правильных ответов, и ей придется их сфабриковать. Правда, у жюри не будет возможности их проверить, и, кажется, комнате все-таки удастся их обмануть. Тогда члены жюри должны задавать вопросы о внутреннем чувстве, о времени. Например, вопрос, сколько времени прошло с момента от первого до последнего вопроса. Разговор с узником может длиться сколь угодно долго, интервалы между вопросами могут быть любыми, поэтому программа не сможет заранее предусмотреть ответ. Конечно, жюри знает, что у узника нет часов (иначе это будет банка с кока-колой) и ему придется ориентироваться только на внутреннее чувство, но, чтобы казаться рациональным, он должен уметь отличить 10 минут от 10 дней. Чтобы поставить программу в тупик, можно попросить узника сравнить между собой два интервала времени или что-нибудь подобное. Насколько я понимаю, нельзя написать инструкции так, чтобы предусмотреть правильный ответ. А неправильные ответы будут очевидны. Значит, аргумент о времени показывает, что комната, способная только к лингвистическому поведению, все-таки не способна пройти тест Тьюринга. И она не представляет однозначной угрозы сильной версии ИИ.

Тогда Сёрлу для этих целей может подойти подсказанный оппонентами (на свою голову) Китайский робот, ведь он способен пройти тест Тьюринга. Итак, Сёрл считает, что китайский робот тоже ничего не понимает. Действительно ли это так? Чтобы защищать сильную версию ИИ, можно вновь показать, что и здесь Сёрл упускает важные детали. Один путь рассуждений таков. В китайском роботе узник также получает сообщения и, следуя инструкциям, отправляет ответы. Но эти сообщения могут иметь два типа источников, и два формата. Одни приходят в виде вопросов, т. е. исходно существуют в иероглифической форме. Другие — как данные органов восприятия, они только потом переводятся из этих физических данных (получаемых с помощью видеокамеры или микрофона) в иероглифы. Узник работает только с конечной

информацией, иероглифической, и никак не участвует в переводе физических сигналов в символы. Но это значит, что он не знает часть «программы понимания китайского языка». Не удивительно, что он ничего не понимает. Возможно, если ему дать доступ к исходным физическим сигналам, он разберется, в чем дело, и будет все понимать. Возможно, чтобы появилось «понимание» у узника в китайском роботе, ему, помимо программы манипуляции символами, нужно знать программу преобразований исходных физических сигналов в символы? ⁸³

С помощью таких рассуждений на первый взгляд можно успешно атаковать позицию Сёрла, и они способны сослужить пользу Деннету. Но только на первый взгляд. На самом деле, мне кажется, Деннет бы не согласился с подобным ходом мысли, ведь здесь понимание приписывается не самому китайскому роботу, а только узнику, находящемуся внутри робота. Это приводит к смешению уровней описания, категориальной ошибке: «Я понимаю английский; мой мозг не понимает, как не понимает в частности никакая из его частей...» ⁸⁴. Смешивая уровни описания, мы заражаем эксперимент другой, еще худшей болезнью — вирусом гомункуляризма. А это путь к бесконечному регрессу (подробней о гомункулусе и проблеме бесконечного регресса в следующей главе). Чтобы робот понимал китайский, не нужно, чтобы узник понимал или знал все части алгоритма, в том числе алгоритм преобразования физических сигналов в символы. Ведь я могу видеть, не зная о том, как свет, попадая на сетчатку моего глаза, преобразуется в электрические импульсы, передающиеся по оптическому нерву. Достаточно, чтобы необходимые алгоритмы преобразования были реализованы в роботе.

Если вам все еще трудно представить, как подобная система может понимать китайский язык, помогите себе, совместив модификации «глоссолалия» и китайский робот. Представьте нашего узника, который управляет лингвистическим и нелингвистическим поведением робота, которым... он сам является! Ему, скажем, желают приятного аппетита на китайском, а он благодарит, его просят передать соль, и он передает. Что, он по-прежнему не понимает китайского? Или не замечает,

что передает соль? Или не понимает, что делает, и не связывает эти два события? Нагромождение воображаемых деталей расшатывает интуицию. После них вряд ли кто-то останется уверен, что китайский робот не понимает китайского языка и будет утверждать, что «сильная версия ИИ» абсурдна. Этого Деннет и добивался. Даже если Деннету пока не удалось убедить нас в том, что китайская комната или китайский робот понимают язык, ему точно удалось расшатать нашу уверенность в обратном.

Однако внимательный читатель заметил, что в самих построениях Деннета может быть обнаружена непоследовательность. В системном аргументе Деннет настаивает на том, что комната будет понимать китайский, а далее в аргументе робота замечает, что только существо, способное к рациональному неречевому поведению в мире, может понимать речь. В одном случае он соглашается с тестом Тьюринга в качестве достаточного критерия рациональности, в другом — настаивает на необходимости проведения тотального теста. Разве это не противоречие?

Противоречие снимается в случае, если оба теста эквивалентны. То есть ТТ не может пройти система, которая не может пройти ТТТ. На этом решении и настаивает Деннет. Таким образом, по его мнению, компетентным носителем китайского будет только система, способная не только общаться, но и демонстрировать рациональное нелингвистическое поведение. «Возможно, вы правы... что глаза, уши, руки и история [взаимодействия с окружающим миром. — Д. В.] являются необходимыми условиями мышления. Если так, то я признаю, что ничто не может пройти тест Тьюринга, не обладая глазами, ушами, руками и историей»⁸⁵. Деннет считает это утверждение наиболее вероятной эмпирической гипотезой. Но предложенный здесь аргумент о времени, мне кажется, вполне подходит в качестве ее подтверждения. Он обосновывает тезис об эквивалентности ТТ и ТТТ, и восполняет лакуну аргументации, образовавшуюся в рассуждениях американского философа.

Критика Китайской комнаты Деннетом с учетом этих дополнений выглядит успешной. Но означает ли это, по мнению американского философа, что мы в скором времени сможем

создать мозги из кремниевых микросхем? И что эти мозги будут ничуть не хуже наших? Как ни удивительно, ответ Деннета отрицательный. Сторонник сильной версии ИИ, Деннет убежден в принципиальной равнозначности искусственного и естественного интеллектов, но вполне скептически оценивает потенциал современных компьютерных технологий. Это неожиданный разворот.

Невероятно медленные кремниевые мозги

Для рациональности субстрат мозга не важен, а важна вычислительная программа, в нем реализованная. Система обладает интенциональностью в силу программы, которую она исполняет, в силу своей функциональной организации. Но в отношении кремниевых микросхем и цифровых компьютеров Деннет занимает позицию, даже менее оптимистичную, чем Сёрл. Последний считает, что вскоре могут появиться компьютеры на архитектуре уже существующих, которые смогут полностью симулировать лингвистическое поведение рационального существа, проходить тест Тьюринга. А Деннет уверен, что эти перспективы далеки, может, даже недостижимы. В первую очередь потому, что современные компьютеры имеют преимущественно последовательное устройство, т. е. работают только в двухмерном измерении⁸⁶. Они способны производить только одно действие в единицу времени. А мозг, обладающий параллельной архитектурой в миллионы, если не миллиарды каналов шириной, — обрабатывает сразу огромное число задач, 10^{15} операций в секунду, а может, и значительно больше. Но почему это так важно? Разве универсальная машина Тьюринга (а компьютер является универсальной машиной Тьюринга) не может выполнить любое сколько угодно сложное вычисление? По мнению Деннета, когда речь идет о рациональности, скорость вычислений играет принципиальное значение. Если ты не можешь разобраться в важных изменениях окружающей среды в режиме реального времени и сообразно этим изменениям выработать ответную реакцию, каким бы сложным не было твое устройство, твоя рациональность непрактична. Одни и те же действия будут рациональными и бессмыс-

ленными в зависимости от времени реакции. Не случайно человеческий мозг устроен так, что информация не застывает у узкого горла, центрального процессора, а обрабатывается «прямо на местах», в специализированных модулях. Тогда, может быть, будущее за компьютерами из кремниевых микросхем с параллельной архитектурой? Тем более что скорость передачи сигналов в электронных системах намного превышает скорость передачи через нервное волокно.

Второй причиной для скепсиса являются свойства самой органической материи. Нет, не подумайте, что Деннет вдруг заговорил о необъяснимых возможностях мозга выделять интенциональность «как молоко» и, опровергнув все доводы Сёрла, незаметно переключился в лагерь сторонников «слабой версии». Речь идет о вполне объяснимой возможности мозга использовать вычислительные способности внутриклеточных молекулярных структур. Одно дело, если нейрон является простым передатчиком сигналов внутри мозга, и совсем другое, если каждая нервная клетка — это сложный компьютер. Тогда вычислительная способность мозга (10^{15} в секунду) колоссально недооценена. В таком случае будет трудно построить систему, которая в реальном времени симулировала бы работу даже одного нейрона. В своей первой работе «Контент и сознание» (1969) Деннет не рассматривает такую перспективу. В статье «Быстрое мышление» (1987) для него это уже одна из гипотез, хотя и маловероятная. А в нашем интервью, состоявшемся в марте 2010 г., он, похоже, склоняется в ее сторону: «В последние несколько лет я пересмотрел свою позицию... относительно возможности делить мозг на различные интенциональные системы до тех пор, пока мы не придем к частям, которые можно просто заменить машинами. В течение многих лет я считал, что такими простыми частями являются нейроны, нейроны — это простые переключатели... Сейчас я решил: нет, нейроны, каждый отдельный нейрон, достаточно умен сам по себе»⁸⁷. Нейроны являются рациональными агентами и имеют свои собственные цели. Ведь они прямые наследники независимых эукариотических клеток, которые способны были позаботиться о себе миллиард

лет. У них должно было хватить времени на то, чтобы различать благоприятное и неблагоприятное для себя.

Итак, теперь можно более точно обозначить позицию Деннета в отношении искусственного интеллекта. Согласно этой позиции, система обладает интеллектом в силу того, что (1) выполняет нужную программу, (2) работа программы происходит с такой скоростью, которая обеспечивает рациональное поведение системы. Исходя из этого второго требования, очень возможно, что по совершенно не таинственным причинам никакой электронный цифровой компьютер не сможет пройти тест Тьюринга, не сможет обеспечить рационального поведения и не сможет симулировать вычислительную работу мозга. Но является ли эта позиция достаточно обоснованной?

9. Критика семантического реализма Сёрла

Рассуждая об интеллекте и интенциональности, мы в основном не прибегали к строгим философским аргументам. Большую часть времени мы провели в фантастическом пространстве мысленных экспериментов, накачивая и испытывая интуиции и воображение. В этом пространстве действительно легко заблудиться. Наверное, поэтому мы не смогли получить однозначного результата. Тогда приведем рассуждения о Китайской комнате к привычной логической структуре аргумента и так проверим выводы. Руку помощи протягивает сам Сёрл. В некоторых текстах он предлагает формализованный вариант китайской комнаты. Содержание и смысл истории сводится к умозаключению из трех посылок и вывода:

1. Программы являются простыми формализмами (т. е. синтаксическими системами).
2. Синтаксиса недостаточно для семантики.
3. Разум предполагает ментальное содержание (семантическое содержание).

Вывод: наличия программы недостаточно для того, чтобы породить разум.

Устранение неоднозначностей в выводе

Умозаключение выглядит лаконичным, последовательным и правдоподобным. Но и здесь, как в вымышленной истории с комнатой, оказывается не так все прозрачно. Взгляните на вывод. В нем усматривается двусмысленность, которую для начала нужно устранить. Сёрл приходит к заключению, что одной только программы недостаточно, чтобы породить разум. Но разве кто-то утверждает, что одной программы достаточно? Программы, лежащей в коробке на полке? Программы, установленной на жесткий диск и незапущенной? Сторонники «сильной версии» вовсе не отрицают, что в таком случае у программы не будет удивительных каузальных свойств, и она окажется неспособной порождать интенциональные состояния. Вообще, если программа только абстрактная последовательность символов, такая последовательность сама по себе не имеет каузальных свойств. Программа должна быть установлена и запущена, т. е. реализована в работе вполне материальной, несинтаксической системы. Если бы вывод Сёрла был законным, законным оказалось бы и такое парадоксальное заключение. Рецепты — это синтаксис. Синтаксиса недостаточно, чтобы быть рассыпчатым. Кексы рассыпчатые. Поэтому выполнения рецепта недостаточно, чтобы кекс стал рассыпчатым⁸⁸. Из этого каламбура очевидно, что рецепты как текст отличаются от рецептов как способа приготовления. Таким же образом отличаются программы как абстрактные наборы символов и программы как выполняемые в компьютере действия. Вероятно, Сёрл имеет в виду реализованные и выполняемые программы, иначе его вывод не представляет опасности для сильной версии. Теперь посмотрим, как к такому выводу он приходит, проверим достоверность посылок.

Критика первой посылки

Учитывая принятое нами уточнение, уже первая посылка начинает вызывать сомнение: «Программы полностью формальны». Программы, реализованные и работающие на конкретных устройствах, состоят только из синтаксиса? Работающие программы не могут состоять только из символов,

ведь символы инертны, а программы управляют компьютером. Но есть сомнение, что даже незапущенные программы состоят только в последовательности символов. Будем рассуждать от противного: допустим, что программы — только синтаксис. Если так, стоит изменить только один символ в программе, и она станет другой? А если вся функциональность этой программы после изменения символа останется без изменений? На мой взгляд, программа тогда останется той же. Даже если изменить большие последовательности символов на альтернативные, добавить комментарии программиста, автоматическую проверку кода и т. п., программа останется все той же. Таким образом, тождественность программы правильной устанавливать не по исходному коду, а по спецификации ее функциональных возможностей. Такую позицию занимают многие современные инженеры и юристы. Иначе патентование программ было бы невозможным. И это обстоятельство является причиной крупных судебных разбирательств, в частности, начавшихся недавно между гигантскими компаниями-производителями смартфонов Apple, Nokia, HTC и RIM⁸⁹. Программа, видимо, нечто большее, чем только символы, ее составляющие, нечто, объединяющее множество разнообразных реализаций, квази-семантическое, схватывающее функциональность, цель.

Критика третьей посылки

Теперь проверим третью посылку: «Разум предполагает ментальное содержание». На первый взгляд это бесспорное утверждение. Но именно на него Деннет проводит самую серьезную атаку. Атака становится возможной только после того, как будет распутан заложенный в ней смысл. И после того как мы ясней представим доступную альтернативу. В этом поможет еще одна изобретательная иллюстрация Деннета — описание работы аппарата для продажи газировки.

Итак, перед нами американский аппарат для газировки, который принимает в качестве оплаты 25-центовые монеты. Каждый раз, когда в него попадает такая монета, он переходит в некоторое состояние, назовем его состоянием Q, которое можно обозначить примерно так: «Я определил и принял на-

стоящую американскую 25-центовую монету». Аппарат представляет собой детектор 25-центовых монет. Правда, не только монеты могут привести аппарат в такое состояние. Наверняка, можно найти или изготовить жетоны, которые бы также вызывали состояние Q. Оправдано ли тогда называть аппарат детектором 25-центовых монет и «похожих на них жетонов»? Единственное, что отличает аппарат — детектор монет, от аппарата — детектора жетонов или аппарата — детектора монет и жетонов, это намерение его создателей. Только их намерения определяют состояния как «истинные» или «ошибочные» (в случае с жетонами).

Теперь доставим аппарат в Панаму, здесь его задачей будет принимать монеты в 25-сентесимо. Если учесть, что американские и панамские монеты неразличимы по весу, диаметру и толщине, американский аппарат будет работать, как раньше. Но в какое состояние будет приходить теперь аппарат, когда в него попадут монеты в четверть бальбоа, в Q или, скажем, в QB? Возможно, мы должны будем считать это новым состоянием QB, потому что поменялись его условия истинности. Так, если в него вдруг попадет американская монета в 25 центов, в Панаме это уже будет «ошибочным», а не «истинным» состоянием. Впрочем, какая разница? Аппарат для газировки — классический случай производной интенциональности, и осмысливать его состояния можно по-разному. В конце концов, все это просто метафоры, разговор о словах, а не вещах. Но как это описание проясняет различия в позициях Сёрла и Деннета?

В отношении автомата с суждением о неопределенности состояний, безусловно, согласятся и Деннет, и Сёрл⁹⁰. Но дальше их позиции расходятся. Для Деннета человек — просто более сложный «аппарат для газировки», а для Сёрла — источник особой, исходной интенциональности. Для Деннета интенциональное содержание всегда зависимо от окружающей среды, контекста, интерпретации. А для Сёрла это состояние с внутренне-присущими (intrinsic) характеристиками. Содержание представлений, смысл состояний непосредственно доступны одному лишь субъекту, и этот доступ обеспечивает безошибочное внутреннее знание субъекта об этих представ-

лениях. Для Деннета содержание представлений субъекта всегда неопределенно, всегда размыто. А для Сёрла оно определено, это данность. Интенциональные состояния, ментальные содержания субъекта — это глубинные факты, особая реальность. И каждая интерпретация ментальных содержаний — либо ложная, либо истинная. В отличие от аппарата с газировкой, человек всегда в состоянии либо Q, либо QB. И это различие — факт его внутренней жизни, как бы трудно его ни было установить.

Третья посылка Сёрла предполагает не только наличие ментальных содержаний, но и возможность их всегда четко различить. В этом Сёрл опирается на устойчивые естественные интуиции. А Деннет отрицает их надежность. Разве естественные интуиции не подсказывают нам, что Солнце вращается вокруг Земли? Дезнет критикует семантический реализм, потому что ментальные содержания часто неразличимы между собой. И в этом его позиция созвучна с позицией наставника. Вы, наверное, уже догадались, что речь о *тезисе о неопределенности перевода* Куайна. Деннет допускает существование интенциональности, но отказывает в возможности точно и однозначно в каждом случае устанавливать смыслы. По его мнению, ни окружающие, ни сам субъект не имеют заключительного слова в отношении того, какое значение и какой смысл приписывать его состояниям. Это состояние всегда остается предметом для дальнейшей интерпретации. Всегда есть несколько способов интерпретировать поведение, так как смыслы приходят не изнутри, а снаружи. Чтобы представить эту позицию более правдоподобной, он прибегает к очередной истории.

Предположим, вы решили по какой-то причине узнать, что за жизнь будет в XXV в. Чтобы дожидаться этого момента, придется какое-то время провести в коматозном состоянии, своего рода спячке. Ваших детей и внуков через четыреста лет уже не будет, не будет и более дальних родственников. Так что самостоятельно придется позаботиться о сохранности своего тела, например, создать специальную капсулу. Создание такой капсулы для хранения — не единственная забота. Нужно также обеспечить ее энергоснабжение и безопасность. Здесь

придется выбирать между двумя вариантами. Первый — сразу найти идеальное место, куда будут подходить источники питания и энергии. Этот вариант плох тем, что обстоятельства могут измениться, и идеальное место может перестать быть идеальным. Второй вариант — создать движущуюся конструкцию, гигантского робота, и установить капсулу в него. Этот, более сложный подход требует, чтобы робот был способен «выбирать» между действиями, исходя из ваших интересов. У него должны быть органы восприятия, способность управлять движением, даже планировать. В конечном итоге сложно предсказать, какие неприятности нам грозят в следующие 400 лет. К тому же нельзя исключать возможности создания других таких же роботов, которые также будут бороться за ограниченные ресурсы. Вполне возможно, роботу придется состязаться с ними или сотрудничать. В таком случае, обладая одной основной целью — *raison d'être* (ваше выживание), ему придется выстраивать и свои, промежуточные цели. Вполне возможно, эти цели даже в какой-то момент станут преобладать, даже вступят в противоречие с основной целью: его может толкнуть на самоубийство другой робот, стремящийся подчинить все окружающее своей миссии. Будет ли такой робот обладать подлинной интенциональностью? По нашему описанию очевидно, что он значительно сложнее аппарата с газировкой. Он будет способен пройти даже тест Тьюринга. Разве этого недостаточно для интенциональности?

Если все это не убедило вас, значит, вне зависимости от деталей, вы неспособны допустить исходную интенциональность в любых механических объектах. Но если это так, вы... не способны допустить существование исходной интенциональности даже у людей. История вдруг обретает неожиданный оборот. До этого момента она могла показаться несуразной и уж слишком надуманной фантастикой. Но тут Деннет объявляет, что она — точная копия эволюционной истории человека, как ее представляет известный биолог и союзник Деннета Ричард Доукинз⁹¹.

Две стратегии выживания в истории робота обозначают, конечно, стратегии выживания двух царств: растений и животных. А сам робот — это мы. Люди — это машины для

выживания генов, продукт их творчества. Это их эгоистичные планы мы выполняем, их цели являются нашим *raison d'être*. В своей основе гены, конечно, весьма просты. Но они обладают бессознательной целенаправленностью: желанием сохранять собственную «жизнь» и преумножать число своих копий. И им удастся реализовать свои планы. Жизнь одного гена намного дольше нашей. Так кто кем в результате управляет, мы генами или гены нами? Весьма возможно, что они нами. Правда, управление генов организмом происходит не в реальном времени, не как управление, скажем, марионеткой. Генам приходится предвидеть все заранее. Поскольку точные условия окружающей среды в будущем для них неизвестны, они строят самые общие предположения о рисках и возможностях. Направляя синтез белка, они программируют функциональность организма задолго до того, как организм, как «механизм выживания», встретится с реальными опасностями. Когда их работа проделана, организму придется справляться самостоятельно.

В ходе жизни организма, человеческой жизни, появляются новые цели, новые интересы. Они могут входить в противоречие с выполнением «замысла» генов. Но, приходится признать, наша «исходная» интенциональность является производной от интенциональности генов. Если принимать все эти рассуждения Деннета, приходится либо полностью отвергать третью посылку аргумента, либо интерпретировать ее в очень ограниченном ключе.

Критика второй посылки

А тогда под удар попадает и вторая посылка: «синтаксиса недостаточно для семантики». Для семантики, такой как ее описывает Деннет, без смыслов и четко различающихся между собой ментальных репрезентаций, синтаксиса может быть достаточно. «Мозг, как показывают нам теория интенциональных систем и эволюционная биология, семантический инструмент; его задачей является определение смысла различных событий... Это его предназначение. Но мозг, как нам подсказывают психология и здравый смысл, является просто синтаксическим инструментом...»⁹². Тогда как он произво-

дит семантику из синтаксиса? Как может нечто, основанное только на синтаксисе, производить смыслы? Никак. Никакие комбинации символов не позволят нам перейти от синтаксиса к семантике, никакое количество синонимов и определений не даст нам смысла. «Мозг не может быть создан, чтобы решать невозможную задачу, но он может быть создан так, чтобы решать ее приближенно, подражая работе невозможного объекта (семантического процессора)»⁹³. Он решает эту задачу, используя случайные соответствия между структурными закономерностями — в своем внутреннем устройстве и окружающей среде — и семантическими категориями. Это утверждение Деннет считает одним из самых важных, фундаментальных моментов в своей философии⁹⁴. Так, одну за другой, Деннет пытается опровергнуть все три посылы аргумента Сёрла, и, следовательно, ее вывод.

10. Недостатки инструментализма

Но автор Китайской комнаты далек от того, чтобы признавать поражение. В монографии «Открывая сознание заново» он меняет свою тактику⁹⁵ и защите предпочитает нападение. Теперь Сёрл критикует не только возможность перехода из синтаксической в семантическую систему, но и вообще существование синтаксических операций в работе компьютера. Разум предполагает семантику, но у машины не может быть даже синтаксиса. Синтаксис «не является внутренне присутствующим физике»⁹⁶. Это не физическое свойство, как масса, плотность или протяженность. А значит, его нет в компьютере. Синтаксис и семантика в машинах появляются только в связи с интерпретацией наблюдателя. Действительно, тест Тьюринга и концепция сильного ИИ предполагают, что интеллект и понимание теоретически могут возникать в разных субстанциях. Подобно тому как музыкальность исполнителя не зависит от пола, возраста и национальности, интеллект не определяется уникальными свойствами какого-то конкретного материала или способа его возникновения. Но именно такую возможность, возможность «множественной реализации» интеллекта, Сёрл считает признаком произвольности

интерпретаций. Когда мы видим в компьютерной программе интеллект, мышление и понимание, мы смотрим на свое отражение в зеркале. Это положение Сёрл подвергает *reductio ad absurdum*: «1. Для любого предмета существует такое его описание, в соответствии с которым этот предмет можно рассматривать как цифровой компьютер. 2. Для любой программы или для любого достаточно сложного предмета, существует такая дескрипция, в соответствии с которой предмет выполняет эту программу»⁹⁷. Так, к примеру, стол, за которым работает Деннет, выполняет программу MS Word, потому что можно найти такую структуру молекулярного движения, которая была бы изоморфна формальной структуре MS Word. По этой логике все объекты могут рассматриваться как интенциональные системы. И все, и ни один.

В этом своем обвинении Сёрл не одинок. Многие противники разделяемой Деннетом позиции — Дж. Фодор, Р. Нозик, Т. Бурдж — находят, что она близка инструментализму. Инструментальная точка зрения на интенциональность — представление о том, что ментальные сущности не реальны, а являются только полезным (но не необходимым) инструментом для прогнозирования событий для наблюдателя. Согласно этому представлению можно принимать интенциональную установку, а можно не принимать; можно так интерпретировать состояния системы, а можно иначе. Все зависит от точки зрения, субъективно. В самой системе нет ничего специфического, никаких особенных внутренних состояний или способов поведения. Особенность заключается только в интерпретации ее поведения наблюдателем. Деннет признается, что мог дать повод к такому прочтению Интенциональной установки: «Это была бы особенно радикальная версия интерпретативизма, и некоторые думали, что я принимал ее, когда говорил, что убеждение может быть обнаружено только в случае успешного использования стратегии Интенциональной установки. Я должен признать, что мои рассуждения на эту тему могли наводить на такое толкование»⁹⁸. И оснований для подобных признаний более чем достаточно. Его иллюстрации с термостатами и другими простыми механическими объектами дают для этого повод. Более того, в ранних работах Деннет явно

соглашается с произвольностью интерпретаций Интенциональной установки (ИУ): «решение принимать [ИУ. — Д. В.] исключительно прагматическое, и не может быть внутренне ни правильным, ни ложным»⁹⁹. И даже не оспаривает предложенный ему Нэдом Блоком ярлык. Но обозначение позиции как инструментальной, вероятно, не сулит для теории ничего хорошего. Помимо уже указанного недостатка, потенциальной возможности сведения к абсурду, есть как минимум еще две причины сторониться союза с инструментализмом. Одна подсказана Р. Нозиком.

Критикуя интенциональную установку, Нозик предложил вообразить следующую ситуацию. На Землю попадают существа, интеллект которых значительно превышает человеческий. Предсказание поведения людей для них не сложнее предсказания работы исправного термостата. Таким существам не нужно прибегать к интенциональной или даже проективной установке. Даже изменение курса акций на Нью-Йоркской фондовой бирже они смогли бы предсказать с помощью одних только физических законов. Там, где мы видим брокеров и биржу, они бы видели большие скопления элементарных частиц. Продажи и покупки они воспринимали бы как движение этих частиц. И без всех этих представлений о биржах, брокерах, торгах, акциях и интенциональных системах они смогли бы обойтись и в точности предсказать индекс Доу Джонса на сколько угодно времени вперед. Значит, рассуждает Нозик, интенциональные системы — избыточный термин, а Интенциональная установка — несовершенный метод прогнозирования в условиях неполноты сведений и ограниченных вычислительных способностей. Она не схватывает ничего принципиально важного в мире. И объяснение нарушает принцип бритвы Оккама. ИУ постулирует дополнительные сущности, необходимость в которых отсутствует.

Другая причина избегать инструментализма — замкнутый круг, в который, вероятно, попадают его сторонники. Объяснение поведения с помощью Интенциональной установки в инструментальной интерпретации неизбежно отсылает нас к внешнему наблюдателю. Но и внешнему наблюдателю, чтобы обнаружить интенциональные содержания, нужен другой

внешний наблюдатель и так далее, *ad infinitum*. Получается что-то вроде проблемы гомункулуса, только наоборот. Это существенная трудность для инструментализма. И некоторые исследователи видят ее в подходе Деннета. Российский философ, корифей в проблеме сознания, Д. И. Дубровский называет ее «феноменом отрешенности от себя». По его мнению, объясняя интенциональные содержания других субъектов, Деннет вынужден ссылаться на собственные интенциональные содержания. А их он объяснить никак не может. Поэтому ему остается только игнорировать их, игнорировать специфику субъективного¹⁰⁰. Действительно ли суждения Деннета содержат замкнутый круг? Действительно ли его позиция вбирает в себя описанные выше недостатки инструментализма? Обладают ли «убеждения» и «желания», с точки зрения американского философа, объективной реальностью или они всегда зависят от субъективной оценки интерпретатора?

Мнения исследователей и критиков расходятся. Оппоненты Деннета Дж. Фодор и Э. Лепор с категоричностью заявляют, что у Деннета «никакие интенциональные определения не могут быть реальными»¹⁰¹. Н. С. Юлина, автор двух значительных монографий о Деннете, колеблется в оценках. В главе об интенциональности в книге «Головоломки проблемы сознания» она пишет: «две первые установки [физическая и проективная. — Д. В.] наделены онтологическим статусом, у интенциональности ее нет»¹⁰². А чуть дальше, возвращаясь к теме, приходит к противоположным выводам: Деннет «трансформировал интенциональность из методологического принципа в онтологический...»¹⁰³. В этой последней оценке с ней согласен историк философии и автор другой монографии о Деннете М. Элтон. Ссылаясь на статью Деннета «Взгляд с середины пути», он утверждает, что «Деннет всерьез принимает интенциональные состояния»¹⁰⁴. Кажется, Деннет действительно колеблется между реализмом и инструментализмом. «Ярлыки и вправду приносят мне много неприятностей, — признается он. — Рорти вынуждает меня перестать серьезно относиться к реализму. Я, быть может, и хотел бы, но Хогланд, Фодор и Лепор тянут меня в другую сторону»¹⁰⁵. Он называет «убеждения» и «желания» то полезными фик-

циями, то «*veritas cum grano salis*». Как все-таки можно охарактеризовать его взгляды?

11. Тропический реализм Деннета

История философии нуждается в условных обозначениях. Дуализм, физикализм, эпифеноменализм, эмерджентизм, логический бихевиоризм — все эти наименования позволяют сгруппировать различные позиции, указать на общности и различия между ними, и иногда, без детального изучения, заранее представить их достоинства и недостатки. Но если ограничиваться только ярлыками, все многообразие философских произведений можно счесть развернутыми комментариям к Платону. Множество важных открытий кроется в деталях. И не всегда согласие с ключевыми аспектами учения, теории, означает разделение всех ее недостатков. Мне кажется, с инструментализмом Деннета дело обстоит подобным образом. В отношении его философии не проходит принцип: если какой-то известный аргумент наносит ущерб инструментализму, уязвимым для него обязательно окажется и концепция Деннета. По крайней мере, он сам так считает. И, следовательно, пытается обособить собственную теорию. Он предпочитает избегать «-измов»: «Мой „-изм“ это такой „-изм“, который принимает серьезный реалист в отношении центров тяжести и т. п., потому что я думаю, что убеждения (и некоторые другие ментальные сущности, взятые из обыденного словаря психологии) подобны таким абстрактным сущностям и не являются частью физического мира»¹⁰⁶. Но уж если искать подобающий термин для теории интенциональности Деннета, лучше изобрести какой-нибудь новый: например, «умеренный реализм», его предпочитает сам автор¹⁰⁷. А коллега Д. Росс предлагает назвать теорию Деннета «тропическим реализмом». Наверное, он исходит из топографии теорий интенциональности, представленной в статье «Взгляд с середины пути». На карте теорий Деннет располагает реалистические теории Сёрла, Фодора на Северном полюсе, а бихевиористские и элиминативные теории Райла, Черчленда и отчасти Куйа-

на — на пустынном Южном. Поэтому сам Деннет оказывается на экваторе, так что он за умеренный, тропический реалист.

Реальные схемы

Онтологический статус интенциональных содержаний лучше всего прояснит понятие «реальная схема» (real pattern). Для иллюстрации воспользуемся еще раз вымышленной ситуацией Нозика. Напомню, философ предложил представить инопланетных всезнающих существ, способных предсказать поведение людей и других объектов с помощью одних только физических законов. Из возможности такого предсказания Нозик сделал вывод об избыточности любых других описаний. Но так ли это? Готовы ли мы согласиться, что инопланетные существа действительно будут всезнающими? Не упустят ли они из вида что-то принципиально значимое?

По мнению Деннета, хотя предсказания событий с позиции физической установки возможны, в них, вероятно, пропущен очень важный момент. Они игнорируют функциональную значимость и систематичность некоторых явлений. Предположим, инопланетяне наблюдают дорожное движение в мегаполисе: сотни тысяч машин двигаются с громадной скоростью по улицам, однако практически не сталкиваются между собой. Это происходит именно потому, что существует регулярность в виде соблюдаемых участниками правил. С помощью физической установки заметить связь между работой светофора и движением машин невозможно. И каждый случай остановки машины на красный свет сверхразумными пришельцами рассматривался бы индивидуально. Но абсурдно считать, что правила дорожного движения не существуют. Значит, Интенциональная установка раскрывает реальные схемы, присутствующие в мире и, тем не менее, неразличимые с позиций физической или проективной установки. Конечно, предсказания с помощью этих схем не имеют абсолютной точности и 100%-й вероятности (некоторые предпочитают ездить по встречной), но эффективность метода именно в отсутствии излишней детализации. Погрешности аннулируют друг друга, оставляя общую закономерность. Выходит, в некоторых слу-

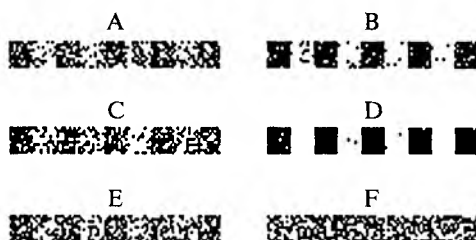

Рис. 1.1. Реальные схемы

чаях «Интенциональная установка неизбежна для нас и для любых других обладателей интеллекта»¹⁰⁸.

И все-таки пример с дорожным движением может показаться подозрительным. Реалист вроде Сёрла мог бы возразить: марсиане не заметят всего, но что здесь удивительного? Наблюдая лишь движение физических частиц, они не заметят ментальные характеристики. Они не обратят внимание на существование интенциональных состояний у людей, их знание правил, убеждения в том, что их соблюдение обеспечивает максимальную безопасность на дороге, и желание в сохранности добраться домой или на работу. Чтобы показать возможность умеренного реализма, Деннету нужен другой образец регулярности, не связанный с ментальными состояниями. Нужны схемы, которые бы присутствовали в объективном мире, но могли быть выявлены только наблюдателями. И такие примеры тоже несложно найти. Взгляните на рис. 1.1. Все представленные здесь изображения, от А до F, отличаются. Они состоят из нанесенных в разной последовательности черных пикселей. Но, если взглянуть на изображения иначе, можно увидеть сходство: они все изображают пять черных квадратов, разделенных равными расстояниями. И отличаются только наличием помех. Коэффициент помех в данном случае таков: А — 25 %; В — 10 %; С — 25 %; D — 1 %; Е — 33 %; F — 50 %. Перед нами схемы, реализованные с разной степенью точности.

Два описания изображений (детальное пиксельное описание и описание с помощью схем) никак не противоречат друг другу, а дополняют друг друга. Так что схематическое описа-

ние не является избыточным. Квадраты, очевидно, существуют (пожалуй, за исключением случая *F*), и их существование вполне объективно. Вряд ли можно сказать, что они есть только в голове у наблюдателя. Они есть и на бумаге. Квадраты так же реальны, как и пиксели. Но чтобы их заметить, нужно перейти на более высокий, абстрактный уровень описания.

А случай *F*, является ли он схемой? По мнению Деннета, одно и то же изображение можно интерпретировать как разные схемы. Но схемы есть не везде. В изображении присутствует схема только тогда, когда существует способ более эффективного, сжатого описания. К примеру, *D* состоит из 900 пикселей. Полным описанием была бы инструкция с указанием цвета и расположения каждого пикселя. Но существует более эффективное описание. Например, такое: «пять черных квадратов со стороной в десять пикселей и промежуточным расстоянием десять пикселей. За исключением пикселей 57, 99, 107...». В такой интерпретации случай *F* не является реальной схемой, так как у него отсутствует более экономное описание.

Понятие «реальные схемы» можно применить к интенциональным содержаниям. Можно показать, что убеждения и желания подобны реальным схемам. И реальны они настолько же, насколько реальны эти реальные схемы. Проведение такой аналогии должно спасти нас от уязвимостей инструментализма. От сведения к абсурду, ошибки бесконечного регресса и обвинения в избыточности. В таком случае тропический реализм выглядит вполне перспективной альтернативой. Теперь на фундаменте этой теории мы можем попытаться построить проект объяснения феномена еще более загадочного — сознания.

Глава 2

Модель множественных набросков

1. От Мистерианцев к объясненному сознанию. Интроспекция и гетерофеноменология

Особенности изучения сознания

Построение теории сознания — один из наиболее амбициозных проектов в современной философии. Он должен вмещать в себя хорошо обоснованные методы, согласовываться с экспериментальной базой современной нейрофизиологии и анатомии, не оставлять места ни для каких чудес и не противоречить здравому смыслу, хотя бы отчасти. Когда речь идет об удаленных от нас явлениях, первоначальном взрыве, породившем Вселенную, или черных дырах, мы с доверием относимся к мнению экспертов, пусть даже противоречащему интуиции. Но когда речь заходит о сознании, экспертом оказывается каждый мыслящий субъект. «Сознания не существует!» или «Сознание — это иллюзия!» — звучит как откровенная провокация. На какой бы аргументации ни строились подобные утверждения, они воспринимаются как лишенные правдоподобия софизмы, как знаменитый парадокс лжеца: «То, что я сейчас утверждаю, — ложно». Сомневаться в существовании сознания можно, только им обладая. Значит, сознание есть. Но его нет среди вещей. Определение сознания крайне затруднено: ни в терминах необходимых и достаточных условий, ни с помощью родовидовых категорий. На сознание нельзя указать. Деннет пытается вписать феномен в фундаментальную теорию контента, опираясь на интенциональную установку. Насколько выявленная им закономерность позволяет лучше понять природу сознания?

Мистерианизм и объясненное сознание

В системах сознание либо есть, либо его нет, но если оно есть, то, кажется, возможны вариации в интенсивности и степени. Как с иронией замечает Хофштадтер, есть «большие и маленькие души»: нам ничего не стоит хлопнуть надоевшего комара, но причинение физического вреда животным выглядит преступлением. В силу необычного статуса изучение сознания вызывает у некоторых исследователей крайний пессимизм. Индивидуальное восприятие цвета, звуков — восприятия и впечатления, которыми сложно поделиться с окружающими, были признаны многими учеными и некоторыми философами навсегда закрытыми от науки, для изучения с перспективы третьего лица. В 1974 г. вышла знаменитая статья Т. Нагеля «Каково быть летучей мышью», в которой обосновывалась когнитивная недоступность субъективного опыта. Сколько бы новых фактов о строении мозга и нервной системы летучей мыши не было бы открыто, сколько бы деталей мы не узнали о ее реакциях на те или иные стимулы, это не сможет дать представление о ее феноменальном мире. Сознание есть только приватный феномен: «организм тогда обладает сознательными ментальными состояниями, когда есть что-то, что значит *быть этим самым организмом* — быть для самого организма»¹⁰⁹. Нагель считает, что любое физическое объяснение не сможет дать представление о субъективности, индивидуальной точке зрения, ибо по определению наука имеет дело с объективными фактами. Подобным образом, — продолжает Нагель, — мы не можем проникнуть в сознание летучей мыши и ощутить, что значит ориентироваться в пространстве с помощью сонара, даже если узнаем все подробности о его устройстве, ведь человек не имеет аналогичных органов чувств. В отношении эхолокации не все с ним согласны. Так, швейцарские ученые Эйчил Шнецер и Джуан Суарез считают ее одной из доступных способностей человека — особенно это качество развивается у слепых, — однако сама интуиция Т. Нагеля о когнитивной пропасти в изучении «других сознаний», безусловно, имеет веские основания.

«Бытие для другого организма» кажется приватным, закрытым для нашего познания. Но это лишь часть проблемы. Даже наше собственное сознание, знакомое непосредственно из опыта интроспекции, представляет трудность для объяснения. Более того, оно в принципе невозможно для человеческого разума, — утверждает один из наших современников, философ Колин Мак-Гинн. В его статье 1989 г. представлено обоснование так называемой мистерианской позиции. Ее суть в следующем: (i) существует свойство мозга, которое естественным образом объясняет сознание; (ii) человеческий разум когнитивно замкнут для познания этого свойства; (iii) философской проблемы «сознание — мозг» не существует¹¹⁰. Первое утверждение является констатацией естественно-научной установки философа. Третье — некоторое следствие второго. Основная нагрузка ложится на второй тезис, тезис о когнитивной замкнутости. Главный аргумент Мак-Гинна в особом способе представленности феномена «сознания». Наше знакомство с феноменом происходит через интроспекцию, внутреннее чувство, однако с помощью интроспекции не разглядеть механизмов порождения сознания в мозге. Альтернативным способом исследования являются перцепции. Однако органы чувств, направленные вовне, в свою очередь, не способны в серой материи мозга различить феноменальные состояния. Ни перцепция, ни интроспекция в изоляции не способны представить нам связь между объектами внешнего мира и субъективным миром. Таким образом, при объяснении этого феномена нам приходится перемещаться, совершать скачок между этими двумя способами представленности. Отсутствие транзитивности, необходимость «скачка» обуславливает неизбежное ощущение необъясненности, сопряженное с проблемой сознания. И отсутствие значительного прогресса в решении этого вопроса лишний раз подтверждает гипотезу.

Д. Деннет, однако, придерживается противоположного мнения. В 1991 г. он публикует книгу с вызывающим названием «Объясненное сознание», в которой демонстрирует свое решение проблемы. Как я уже говорил, это вторая кампания Д. Деннета, в которой философ пытается объяснить сознание.

Мы видели, как с помощью Интенциональной установки Деннет объясняет интенциональность и контент, как пропозициональные выражения интерпретируются им через схемы оптимального поведения. Теперь очередь за феноменом сознания.

Ошибки интроспекции и иллюзия привилегированного доступа

Деннет начинает разрабатывать теорию сознания с атаки на безусловный авторитет интроспективных данных. Он подвергает сомнению интуитивное представление о закрытости феноменального мира для глаз стороннего наблюдателя и объективной науки. И опровергает убеждение в безошибочности представлений о собственных ощущениях и их принципиальной невыразимости в речи.

Кажется, что субъективный мир — замкнутое пространство. И субъект обладает исключительным и абсолютным правом судить о содержании собственного феноменального опыта. Как он воспринимает вкус утренней чашки кофе, звучание 5-й симфонии Бетховена или голос близкого человека в телефонной трубке во время разлуки. Да можно ли поспорить, что мнение субъекта о содержании, например, его визуального поля не окончательно? Когда глаза открыты, создается впечатление, что перед нашим взором широкая зона. В ней объекты кажутся одинаково объемными, детализированными и цветными. Деннет, однако, предлагает проверить правдоподобность данного убеждения. Для этого небольшой эксперимент. Выберите из колоды карту «рубашкой» вверх так, чтобы заранее не видеть ее «достоинство». Держите ее на периферии зрения, справа или слева, сфокусировав при этом взгляд — нужно выбрать цель прямо перед собой. Переверните карту, а затем попробуйте различить цвет, не изменяя угол зрения. Плавно передвигайте карту к центру. В какой момент стал различим цвет? В какой момент масть и цифра? Любопытно, что определить наличие фигуры на карте можно быстрее, чем ее тип: король, туз, валет. Открытием может стать низкое разрешение и отсутствие цветовой дифференциации в периферическом зрении. Только очень узкая центральная зона (примерно 2-3 градуса от центра) обладает той степенью де-

тализации, которая, кажется, единообразно распространяется по всей визуальной области.

Зрительная область интуитивно кажется похожей на большое изображение в мозге: объекты в ней представлены в двухмерном пространстве и открываются нам сразу. Тогда почему так сложно написать хорошую реалистическую картину? Если дело только в координации руки и глаза, почему все ювелиры, часовщики, хирурги — не художники? Им ведь приходится выполнять филигранную работу, требующую высокой степени координации. Переложение визуального опыта на бумагу или холст, вероятно, требует какого-то дополнительного, иного навыка, нежели копирование. Рисование — это трансформация, преодоление стереотипа обычного зрительного восприятия. Вероятно, реальный формат феноменального визуального опыта сильно отличается от кажущейся реальности.

Устойчивые интуиции могут быть ошибочны и с другими модусами чувств. В случае со слухом, кажется, простейшей аналогией будет «маленький оркестрик» где-то в мозговых тканях. Подобно органным трубам или гитарным струнам, где-то что-то должно вибрировать, создавая звуковой эффект. И кажется, что особенности инструментального звучания невыразимы в словах. Как сложно объяснить особенность звучания медных труб или звук литавров! Исследования показывают, однако, что только комбинации обертонов различают звучания разных инструментов. Это вполне выразимые отличия, их можно воспроизводить и синтезировать.

Речь воспринимается как последовательность слов, разделенных отчетливыми паузами. Любой испытуемый с легкостью определит время упомянутых пробелов. Но амплитудный профиль записи человеческой речи не даст подобной картины. Моменты наименьшей звуковой активности не будут совпадать с промежутками между слов. Исследованиями было показано, что сегментация звукового потока осуществляется не на основании акустических свойств речи, а по грамматической структуре языка. Поэтому иностранная речь кажется непрерывным потоком звуков.

Мы ощущаем вкус пищи через обоняние. А фактуру и материал поверхностей — не только через осязание, но и слух. Скользкую трассу под автомобильным колесом на повороте ощущаешь всем телом, но разве на шинах наши рецепторы? Деннет подводит нас к мысли о том, что феноменологический мир не так прозрачен для субъекта, как кажется. Он вполне последовательно продолжает линию своего наставника Г. Райла, который считал, что ошибки часто встречаются и в представлениях о собственном внутреннем мире: «...возможны различия в том, что я могу знать о себе, и что могу знать о Вас, но эти различия не всегда в пользу самопознания»¹¹¹. Причина кроется в том, что в феноменологическом мире больше места занимают теоретические конструкции, экстраполяции, выводы. Данные интроспекции неотделимы от интерпретаций, они более похожи на суждения. Объекты этих суждений являются скорее не реальностью, а иллюзией. И потому метод, который лучше всего подходит к описанию феноменологического мира — метод интерпретации текста, метод с позиции третьего лица.

Гетерофеноменология как метод исследования

В подходе, который предлагает Деннет, основным материалом для анализа служит речь агента. На основании высказываний испытуемых исследователь формирует текстовые отчеты, которые впоследствии подвергаются интерпретации. При этом делается допущение, что речь человека состоит не из пустых бессмысленных звуков, а представляет его интенциональные содержания, убеждения и желания. Очевидно, мы имеем дело с работой Интенциональной установки. Без нее невозможно никакое исследование контента и сознания, как подчеркивает Деннет. В гетерофеноменологическом подходе, как и в случае с Интенциональной установкой, предпринята попытка сохранить онтологический нейтралитет. Описывается некоторый мир, феноменологический. Он исследуется на предмет консистентности и непротиворечивости, но его реальность не утверждается.

В этом смысле этот подход подобен литературоведческому анализу. Вот некоторая иллюстрация. Рассказы Конан Дойля, как мы знаем, историческая фикция. Однако правомерно утверждать, что Шерлок Холмс жил на Бейкер-стрит и расследовал множество преступлений. И нет оснований считать, что он был основательным семьянином и каждое утро ходил за детским питанием. Допущения, которые делаются при интерпретации, не означают, что интенциональным объектам, о которых говорит субъект, действительно соответствует нечто в физическом мире. Достаточно зафиксировать, что они фигурируют в отчетах субъектов. «Гетерофеноменологический метод не оспаривает и не утверждает полную правдоподобность высказываний субъектов, а скорее сохраняет конструктивную и позитивную нейтральность в надежде получить определенное описание мира, соответствующее его взгляду»¹¹². Это исключительно прагматическое допущение, необходимое для дальнейшей экспериментальной работы. Так, например, из текста «я вижу точку, передвигающуюся справа налево», интерпретатор может сделать вывод, что в феноменальном опыте субъекта имеет место некоторое визуальное событие. Но исследователь также не может полностью исключить возможность того, что субъект ошибается в отношении своих представлений, неточно выражает мысли, нарочно дезинформирует аудиторию или вообще не понимает смысла собственных слов. В конце концов, перед исследователем может быть не рациональный агент, а всего-навсего его копия, говорящий робот.

Очевидно, гетерофеноменологический метод представляет собой подход к сознанию с позиции третьего лица, т. е. остается в рамках объективной материалистической научной традиции. Он также вбирает в себя достоинства интроспективных исследований, ибо интерпретирует текст о феноменальных событиях, интенциональных объектах, хотя и относится к ним с известной долей скепсиса. Гетерофеноменология — это «нейтральный путь, ведущий от естественной науки с ее приверженностью к объективности к методу феноменологических описаний, который позволяет работать с приватным и невыразимым субъективным опытом»¹¹³. С помощью ге-

терофеноменологического метода Деннету удастся развеять некоторые мифы о сознании.

2. Картезианский театр и картезианский материализм

Представления о безошибочности, приватности и невыразимости феноменального мира, отмеченные мной до этого, неслучайны. Они лишь симптом, следствие некоторой ошибочной, по мнению Деннета, модели сознания — Картезианского театра. В этой модели содержание сознания разворачивается как шоу, представление в театре сознания. Это представление разыгрывается в «реальном времени», и сами события в нем — реальные. Единственным зрителем там является гомункулус, разумный и волевой агент, локализованное в мозге «Я» человека.

Проблема гомункулуса и вечный регресс

К Декарту восходит традиция сводить мыслительные процессы к одному центру, точке, где сходятся все физические и ментальные явления. Декарт считал, что мозг имеет особый орган, куда стекается вся информация и где она преобразуется в идеальные объекты. Таким органом является шишковидная железа. По-видимому, вывод был основан на том, что этот орган находится посередине и не имеет симметричной пары, как, например, правое и левое полушария. Так как иные функции этой зоны головного мозга не были известны, Декарт предположил, что именно здесь происходит мистическая трансформация мозговых процессов в ментальные, и *res extensa* превращаются в *res cogitans*. За исключением этой мистической детали, человеческий организм оставался для него механическим устройством. Со временем загадка шишковидной железы, эпифиза, была частично разрешена. Выяснилось, что выполняет она роль, вероятно, более прозаическую: способствует половому созреванию, регулирует процессы засыпания (в том числе на зимнюю спячку у животных), метаболизм

и т. д. Философские взгляды тоже претерпели изменения. Дуализм субстанции Декарта отошел на второй план, уступив место преимущественно материалистическим концепциям. Однако некоторые исходные интуиции сохранились, хоть и в невыраженном виде. Метафора Картезианского театра не изжила себя окончательно. Хотя она и критиковалась многими.

Уже Д. Юм заметил проблематичность подобного описания. Феноменальные события, разыгрывающиеся на сцене картезианского театра, должны иметь зрителя. Иными словами, содержание сознания в этой модели должен кто-то просматривать, чтобы оно стало осознанным. И здесь коренится одна из основных проблем: допуская в картезианский театр зрителя, мы допускаем вместе с ним бесконечный регресс. Мы переносим загадку на один шаг глубже, ведь у зрителя должна быть какая-то своя система восприятия. Этот парадокс получил название проблемы «гомункулуса» — маленького человечка, который якобы поселился в мозге и не только просматривает весь контент, но и принимает решения о действиях. Несмотря на очевидный логический дефект, гомункулярные представления прочно укоренились в обыденной психологии, и, когда в бытовой практике произносится «Я», чаще всего подразумевается не человек целиком, даже не мозг, а этот маленький, всесильный карлик, якобы управляющий всем организмом, как марионеткой.

Картезианский материализм

Утверждать существование трансляции из мозга в ментальную сферу и обратно — не современно. Да и логические недостатки наивного дуализма неоспоримы. Вряд ли кто-то сегодня допустит введение гомункулуса в качестве эффективного объяснения работы органов чувств и контроля нервной системы. «Маленький оркестрик», или «маленький театр», как и сам гомункулус, скорее, философское пугало, напоминающее об ошибках в прошлом. Никто не утверждает больше, что свойства цвета всегда должны передаваться цветом в мозге, а форма — формой. Регресс на новый уровень не сулит решения. Все-таки довольно большой философский путь пройден от Юма до Райла по изживанию «призрака в ма-

шине» человеческого тела, и прогресс в естественных науках не оставляет места для подобных спекуляций. Существует, однако, множество других реминисценций Картезианского театра. Это, в частности, как считает Деннет, убеждение в необходимости как-то принципиально объединять весь информационный поток для осознания агентом и представление о том, что порядок доставки контента в некоторое место в мозге является порядком осознания процессов. Почему, если цвет не нужно передавать цветом, время должно быть обязательно представлено временем, а, например, не с помощью пространственных характеристик. Вообще, четкое разграничение между осознанным и неосознанным контентом предполагает приверженность старой метафоре. Нет сцены, нет физического места, где сходились бы все информационные ресурсы, нет и разделительной черты, нет точного времени финиша и осознания процесса. Философов и ученых, сохранивших приверженность артефактам старой метафоры, Деннет называет «картезианскими материалистами»: «Картезианский материализм — это представление о том, что есть критическая линия где-то в мозге, которая определяет последовательность поступления информации как последовательность ее представления в сознании...»¹¹⁴. В подобной позиции противопоставляется то, что стало опытом, и то, что только будет таковым. Предполагается наличие единого места, точки, где все модальности восприятия объединены в одном акте. Это представление является следствием экстраполяции: мы наблюдаем, как устроено наше физическое тело, как периферийные органы связаны с центральными системами, и предполагаем, что в мозге есть подобная иерархия, есть самая важная точка.

3. Модель множественных набросков

Пандемониум

Альтернативой Картезианскому театру и различным вариантам картезианского материализма служит Модель множественных набросков, модель, лишенная, по мнению философа, атавизмов картезианства. Она построена на идее,

предложенной О. Селфриджем еще в 1959 г. — пандемониуме (дословно, пандемониум — это обитель демонов). В отличие от строго иерархической организации, лежащей в основе Картезианского театра и гомункуляризма, пандемониум — это модель с распределенной архитектурой обработки. В ней отсутствует организационная вершина, центральный процессор. Вместо одного разумного гомункулуса она предполагает существование множества квазиразумных агентов, демонов. Каждый такой демон способен выполнять какую-то одну простую задачу, на которой он и специализируется. Пандемониум — «модель конкурирующей, неиерархически организованной вычислительной архитектуры»¹¹⁵. Сложное интеллектуальное поведение эта модель объясняет как результат взаимодействия множества относительно простых механизмов. Какие же в этой модели преимущества? Одного «гомункулуса» мы заменяем множеством «демонов», это и есть прогресс?

Любопытно, что Деннет вначале действительно не заметил преимуществ и критиковал идею пандемониума в ранних работах. Так, в «Контенте и сознании» (1969) близкое решение под ярлыком «комитет мозга» было отвергнуто им как неприемлемое¹¹⁶. Но в скором времени он осознал достоинства такого подхода и включил его в обновленную теорию уже в «Мозговых штурмах» (1978). Пандемониум позволяет разделить рационального агента на множество псевдорациональных механизмов. И заменить зрителя в театре сознания на множество «подсистем, каждая из которых могла бы трактоваться как интенциональная... и, соответственно, формально как гомункулус»¹¹⁷. Пока мы не приписываем абсолютно всех талантов агента одной из его подсистем, мы остаемся в рамках приемлемой объяснительной схемы, — такова зрелая позиция Деннета. Модель пандемониума снимает проблему бесконечного регресса с гомункулусом и в большей степени соответствует современным научным представлениям о распределенном неиерархическом строении мозга.

Параллельные процессы распознавания

Что же происходит в пандемониуме? Данные органов чувств постепенно идентифицируются в различных модулях

мозга демонами-специалистами. Каждый демон предназначен для распознавания отдельной группы признаков. Например, при визуальном восприятии разные демоны определяют местоположение стимула, форму, цвет, движение. Распознавание и «фиксации содержаний» происходят в разных зонах мозга и нигде не сливаются воедино. Процесс распознавания осуществляется параллельно по нескольким каналам. Так что одновременно могут сосуществовать несколько интерпретаций одного и того же признака на разных этапах формирования. Не исключено даже сосуществование противоречащих друг другу интерпретаций на разных каналах.

Часть признаков распознается почти мгновенно, а часть требует времени. Но никогда процесс интерпретации не прекращается. Одни признаки оставляют четкий след в памяти, другие постепенно стираются, сливаются, заменяются новыми. По ходу они создают что-то наподобие фрагментов «повествования», нарратива, которые тоже, в свою очередь, подвергаются бесконечному редактированию. Поток интерпретаций только отчасти напоминает повествование, из-за одновременного присутствия «множества вариаций; в любой момент существует множество набросков текстуальных фрагментов на разных этапах редактирования в разных областях мозга»¹¹⁸. Некоторые из них внесут свой вклад в поведение агента, некоторые даже будут выражены в его речи, а некоторые сотрутся.

Деннет приводит аналогию. В традиционном издательском деле существует четкое отличие между корректурой до публикации и исправлениями после, которые обычно ограничиваются «списком опечаток». Современные технологии изменили этот процесс. С появлением электронных версий статей разграничение между изменениями до и после публикации было снято. Множественные наброски текстов отправляются по электронной почте, автор получает отзывы и рецензии оппонентов, делает корректировки и разъяснения. Обычно в обращении находятся сразу несколько вариантов материала, каждый из которых мог бы считаться финальным. В такой ситуации определить, на какой же из них ссылаться, можно только произвольно. Подобно тому как на пути от наброска к архиву отсутствует четкая грань, в Модели множе-

ственных набросков отсутствует четкое разграничение между сознательным и внесознательным. «Если кто-то хочет идентифицировать момент перехода в мозге от внесознательной обработки к сознанию, это всегда должно быть произвольным разграничением»¹¹⁹. Ибо любая перцепция мгновенно и незаметно становится памятью о перцепции, а любая непосредственная интерпретация также мгновенно превращается в рациональную реконструкцию.

Наброски. Нарративы

Деннет утверждает, что наброски больше похожи на тексты, чем на образы. Почему он предпочитает эту аналогию? Визуальное представление в метафоре «театра сознания» наводит нас на мысль о зрителе. Кто-то должен просматривать спектакль, презентацию, шоу. Возможно, это причина «иконофобии» Деннета? Но тогда чем лучше текст? Разве работа с прототекстовыми набросками не требует редактора и читателя? Модель пандемониума, неиерархической многопроцессорной архитектуры могла бы быть применена как для работы с текстовыми, так и визуальными данными. Наиболее вероятно другое. Деннет придерживается текстовой аналогии потому, что текст — всегда в большем смысле фикция, иллюзия реального.

Графический формат отличается от текстового степенью необходимой детализации и определенностью. Графические объекты завершены и существуют реально. А текст создает незавершенные, иллюзорные объекты. Слова «Круг», «многоугольник» ссылаются на какие-то объекты. Это вполне конкретные понятия. Но в них отсутствуют важные элементы. Какого диаметра круг, какого цвета? А может существовать круг без диаметра? А многоугольник, сколько у него углов? Многоугольник без определенного числа углов, что это такое? Изображение необходимо содержит все ответы на эти вопросы, а текст — нет. В этом смысле феноменальный опыт по Деннету иллюзорен.

Текстовая аналогия позволяет различить представленную информацию и способ представленности, контент и его носителя. Пространственное размещение на картине соотносится с пространственным положением в реальности: в верхней

области обычно изображают облака и солнце, а внизу речку и травку. А вот в тексте это может быть в любой последовательности. Последовательность слов не обязательно соответствует временной последовательности описываемых этими словами событий или пространственным характеристикам. Язык позволяет делать временные отметки, как бы производить временные и пространственные «вставки». Таково высказывание: «Билл пришел на встречу после Салли, а Джейн там была с самого начала». Деннет считает: как для репрезентации пространства не требуется адекватное пространство в мозге, так для репрезентации времени не требуется время мозговых процессов. Достаточно только временной отметки, датировки контента в самом контенте. Поэтому формат контента, скорее, подобен нарративам. В них, во-первых, отсутствует необходимая степень определенности; во-вторых, последовательность возникновения и редактирования нарративов не должна соответствовать последовательности «феноменологического опыта».

В позиции Деннета обнаруживается преимуществом связь с рассуждениями его наставника. Помните, что писал о воображаемых объектах Райл? Он указывал, что они более похожи на коллекцию предикатов или набор убеждений, нежели ментальные картины. И пример с воображаемой зеброй служил иллюстрацией. Воображение создает только иллюзию существования объекта. Но при внимательном исследовании обнаруживается, что у объекта отсутствуют необходимые детали (пространственная ориентация, неопределенное количество полос у зебры и т. п.). К тому же определение картинки невозможно без интерпретации, но интерпретация может быть без картинки. Видимо, по этим причинам Деннет предпочитает нарративы образам.

Пробы

Подобно множеству набросков статьи в электронной форме, множество набросков нарративов сосуществуют. Единственной канонической версией, подлинным текстом является лишь один — озвученный в речи. Это результат «пробы», зондирования множества каналов, некоторая выборка: «Пробирование этого процесса в различных местах и в различное

время приводит к различным результатам, порождает различные нарративы у субъекта»¹²⁰. Если осуществить пробу слишком рано, можно прервать процесс редактирования «наброска», если же осуществить ее слишком поздно — можно вообще не застать никаких его следов или получить сильно переработанную рациональную реконструкцию.

Каким же образом возможно «пробирование» потока? Простейшим способом является внешний стимул, например, вопрос стороннего наблюдателя: «О чем ты сейчас думаешь?». Подобный вопрос заставляет испытуемого просканировать содержание множества каналов и выработать связанный логичный ответ. Так происходит образование иллюзии единого когерентного потока. Но возможны не только внешние пробы. Агент самостоятельно способен инициировать процесс сканирования информационных потоков в мозге. В качестве результата такой аутопробы будет тоже нарратив, суждения, которые он в дальнейшем сможет продолжить интерпретировать и запоминать. Но ни внешняя, ни аутопроба не ведут к представлению, визуализации содержания сознания. По Деннету, результат сканирования — это не представление содержания во внутреннем мире агента, а формирование и высказывание суждений.

Границы осознанного и подсознательного

Но тогда как мы можем выделить осознанные процессы? Одним из самых существенных следствий гипотезы Деннета является утверждение об отсутствии четких границ между осознанным и неосознанным содержанием. Информационные процессы идут параллельно, и нельзя однозначно выделить какой-то один из них, обозначив его как осознанный. В Модели множественных набросков нет ни зрителя, ни сцены — места, где сходились бы все процессы вместе для представления. А значит, представление содержания в сознании не происходит. И нельзя сказать, что процесс в какое-то конкретное время становится осознанным, можно установить только очень приблизительные рамки. Вопрос о том, когда некоторый процесс стал осознанным, Деннет в «Объясненном сознании», а потом и в статье «Побег из Картезианского театра» сравнивает с вопросом о том, когда информация

о перемирии 1812 г. стала доступной гражданам Британской империи.

В самом деле, когда в Британской империи стало известно о заключении перемирия в Англо-американской войне 1812–1815 гг.? Технические средства для моментального информирования всех чиновников империи отсутствовали. Необходимо было отправлять гонцов в различные части империи, поэтому информирование заняло некоторое время: приблизительно с 24 декабря 1814 г. до середины января 1815 г. Таким образом, битва при Новом Орлеане в некотором смысле случилась после поступления информации о перемирии, а в некотором другом — до. Подобным же образом некоторый контент можно считать осознанным в промежуток времени между первоначальной идентификацией стимула и высказыванием о нем. Искать же более точный ответ — значит неверно трактовать феномен сознания.

По мнению Деннета, нет границы, отделяющей простое бессознательное различение признака от его осознания агентом. Можно ли привести какой-то пример? Думаю, Деннет согласился бы со следующим описанием. Предположим, вы возвращаетесь домой на машине, у вас включен приемник и по пути вы хотите заехать в ближайшую аптеку. Если в вашей когнитивной деятельности имеют место 4 процесса, какой из них является осознанным: управление автомобилем, отслеживание ситуации на дороге, поиск знакомого зеленого знака (знака аптеки) или прослушивание любимого музыкального канала? Согласно ММН нельзя однозначно определить содержание сознания. Только проба, или соответствующее событие, которое способно привести к поведенческой реакции, может ретроспективно определить, каким было содержание сознания. Реакция на дорожное происшествие даст нам основание считать, что вождение и слежение за дорогой было сознательным, остановка у аптеки — что сознательным был поиск аптечной вывески.

Согласно ММН, что является содержанием сознания в t^1 в этот самый момент, определить принципиально невозможно. Любой из процессов может считаться автоматическим и осознанным. Все это наброски. Ни один из процессов не обладает

T ¹	T ² (Проба)
У (управление)	Дорожное происшествие
Д (дорога)	Дорожное происшествие
М (музыка)	Нравится ли тебе последний прозвучавший альбом?
А (аптека)	Зеленый аптечный крест

преимуществом финальной версии сознания до пробы. Определить может только поведение. То, каким будет поведение, определяет проба. То есть то, какие стимулы будут впоследствии воздействовать на агента.

Это трудный и очень смелый вывод. Правда, пришел к нему Деннет не сразу. «Некто осознает, что *p*, когда *p* является контентом процесса, который перешел границу осознанности»¹²¹, — объясняет он в «Контенте и сознании», своей диссертации. Тогда, в начале его академического пути, как и большинство, он был уверен в возможности четко разграничить осознанный и неосознанный контенты. Но вскоре усомнился в этой идее и даже назвал ее значительным дефектом теории. Новое видение появилось, когда философ стал размышлять о сновидениях.

В «Мозговых штурмах» в одной из статей Деннет рассматривал вопрос, видим ли мы сны, и анализировал традиционную гипотезу. Согласно ей, в сновидениях должны быть задействованы два процесса. Во-первых, это «просмотр» снов, во-вторых — запоминание, запись представленных эпизодов. Вспоминание снов подобно восстановлению старой копии видеозаписей. Необходимо додумываться о содержании: интерпретировать, домысливать недостающее, экстраполировать. Это традиционное представление о сновидениях. Но, размышляя об этом традиционном представлении, Деннет столкнулся с необъяснимыми ситуациями. Как объяснить сны, в которых ожидания во сне вдруг совпадают с событиями в реальности? Например, за вами погоня, вы карабкаетесь на подоконник, выходите на узкий парапет за окном и падаете вниз, просыпаясь от того, что упали с кровати. Или вы долго ищете

соседскую козу, и, когда наконец находите ее, она странно блеет — и звук ее блеяния плавно переходит в звонок электронного будильника. Может быть, это случаи ясновидения, предвидения будущего? Такая альтернатива вряд ли устроит ученого. Деннета она не устроила, и он нашел другой вариант объяснения.

Сны вообще не представляются, — предположил он. Сны существуют только как воспоминания. В своей «кассетно-библиотечной теории», предвестнике Модели множественных набросков, Деннет отвергает необходимость сцены и представления для сновидений. Достаточно, чтобы были различные нарративы, которые записывались в память до и во время сна. Тогда после пробуждения будет достаточно просто отыскать какой-нибудь релевантный фрагмент из памяти, и рассказ выстроится за ним сам собой. «Предлагаемая тождественность между переживанием и запоминанием приводит к удивительному упрощению... проблематичный процесс презентации исчезает как необходимый элемент, который должен быть объяснен»¹²².

Дальше Деннету осталось только экстраполировать выводы относительно сновидений на состояния бодрствования. Таким образом он пришел к мысли об относительности сознательного контента и упразднил границу осознанности. Поскольку сознание не располагается в конкретной точке или зоне мозга, никогда нельзя с определенностью сказать, что какое-то содержание в конкретный момент стало осознанным. «Если бы мы могли сказать, где контент становится осознанным, то мы могли бы дать точный ответ, когда он происходит. И наоборот: если бы мы знали, когда это происходит, мы смогли бы его локализовать»¹²³. Деннет считает, что точная временная и пространственная локализация сознания невозможна, а, соответственно, грань между осознанным и неосознанным размыта. Единственным объективным критерием, что нечто осознанно, является вербальный отчет или адекватное поведение.

В качестве еще одной иллюстрации этой контринтуитивной части Модели множественных набросков я представляю здесь один из психологических опытов и его интерпретацию

в свете новой теории. Речь пойдет о пи-феномене. Для сторонников картезианского материализма сам факт существования этого явления должен показаться проблемой. Ну а ММН с легкостью его объясняет. Так что мы должны получить что-то вроде аргумента в пользу теории Деннета.

Пи-феномен

Пи-феномен — одно из парадоксальных психических явлений. Он заключается в своеобразной обработке зрительных стимулов: быстро сменяющиеся статические изображения человеческого зрения представляет как видимость движения. На этом эффекте построено кино и телевидение. Одним из первых его обнаружил Макс Вертхеймер в 1912 г. Исследователь доказал, что если попеременно показывать расположенные недалеко друг от друга точки, у наблюдателя складывается впечатление, что это однадвигающаяся точка. Несколько позже психологами был поставлен усложненный эксперимент, подсказанный философом Нельсоном Гудманом. Его заинтересовало, пропадет ли эффект, если точки окажутся разного цвета. К удивлению исследователей обнаружилось, что движение не исчезло. Только в середине траектории точка стала менять цвет. Результаты эксперимента показались парадоксальными. Каким образом мозг способен заполнять иллюзорную траекторию движения и как субъект угадывает цвет второй точки на середине пути? Если исключить мистические объяснения, остается только один вариант: визуальная иллюзия должна происходить после появления второй цветной точки. Но если вторая точка уже увидена, не слишком ли поздно реконструировать изменение цвета на середине траектории?

Результаты подобных экспериментов не менее удивительны, чем случаи с «прорицательными» снами, о которых мы говорили выше. Пи-феномен настолько парадоксален, что некоторые исследователи были вынуждены признать его доказательством существования нематериального сознания. Такую позицию заняли Поппер и Экклз. Другие, как, например, Р. Пенроуз, предположили, что он свидетельствует о неполноте физической теории и может привести к революционным

открытиям в этой дисциплине. Деннет, однако, считает, что, будучи трудно объяснимым с позиции картезианского материализма, пи-феномен полностью укладывается в ММН.

В случае с цветным пи-феноменом предполагается, что процессы головного мозга, отвечающие за дифференциацию зеленого цвета второй точки и наличия движения, идут приблизительно одновременно. Эти процессы имеют место в разных зонах мозга, т. е. локально не пересекаются. Результатом обоих процессов является заключение, что красная точка двигалась и приблизительно на середине траектории стала зеленого цвета. Поскольку события происходят довольно быстро, мозг делает оперативный вывод, вытесняющий из сознания альтернативные интерпретации. Субъект считает, что видел движение и превращение красной точки в зеленую — именно этот вывод, и только он являлся содержанием сознания наблюдателя, — считает Деннет. Но разве это не подразумевает, что в феноменальном опыте должна была бы сначала присутствовать красная точка в статичном положении хотя бы на какую-то долю секунды? Поскольку это не зафиксировано в отчете наблюдателя, такого опыта не было. Только вербальные отчеты, в том числе зафиксированные во внутренней речи, представляют собой данность, фиксирующую содержание сознания. «А что же с действительной феноменологией? Ее просто не существует в природе»¹²⁴, — пишет гетерофеноменолог, автор «Объясненного сознания».

«Сталинская» и «оруэлловская» интерпретации

Для контраста сравним интерпретацию пи-феномена в ММН с его возможными объяснениями в модели Картезианского театра. По мнению Деннета, картезианский материалист может выбирать из двух альтернативных подходов. Первый Деннет называет «оруэлловским», в честь Джорджа Оруэлла, автора знаменитого романа «1984». В этом произведении описано государство, где исполнительные органы не только вершат историю, но и способны стереть ее из публичных архивов и даже памяти своих граждан, заменив политически выгодными реконструкциями. Можно предположить, что работа мозга в случае с пи-феноменом аналогична работе Ми-

нистерства правды в романе Оруэлла: сначала субъект испытывает некоторый феноменальный опыт, а затем он стирается из памяти и подменяется другим. То есть после восприятия субъектом сначала статичной зеленой, а потом красной точек этот опыт подвергается ревизии, в которой воспроизводится движение с изменением цвета на середине пути. Поскольку промежуток времени, в котором разворачиваются события, достаточно мал, вербальный отчет захватывает только последнее воспоминание. «Оруэлловскому» методу подмены противостоит «сталинский» — предварительного редактирования. Основой для метафоры Деннета служат инсценированные судебные разбирательства против врагов народа. При сталинской системе нужды подменять документы в архивах вовсе не было — фальсифицировались сами исторические события. В случае с пи-феноменом «сталинский» способ работы мозга приводил бы к тому, что после внесознательной регистрации зеленой и красной точек эта информация редактировалась за кулисами, дополнялась промежуточными кадрами, в которых отразилось движение и смена цвета. А в театре сознания был бы представлен уже смонтированный вариант.

Чем отличаются эти две теории? Только тем, где размещается водораздел сознания, где проходит демаркационная линия между сознательным и неосознанным. Но как ее локализовать, как определить различие между ошибочным восприятием и ошибкой памяти о восприятии? Скорректируем условия эксперимента — начнем постепенно увеличивать интервал между показами точек. В какой-то момент нас ожидает парадокс: субъект и видит две изолированные цветные точки, и осознает иллюзию движения. Эта иллюзия является как бы логическим выводом, который следует из опыта восприятия: я последовательно видел две точки на близком расстоянии, должно быть, это была одна точка, которая переместилась. Возможно, в условиях более короткого интервала феноменология аналогична, но первое наблюдение стирается в памяти, и остается только вывод. Значит, мы получили доказательство «оруэлловского» метода? Нет, скорее, доказательство того, что только при определенных условиях эксперимента можно различить «оруэлловский» и «сталинский»

подходы. Но это простой случай. В описанной выше ситуации субъект полностью осознает, что движение иллюзорно, а не реально. Другое дело различить «оруэлловскую» и «сталинскую» модели тогда, когда для субъекта движение очевидно. И у этого вопроса, уверен Деннет, нет и не может быть ответа. С позиции постороннего наблюдателя мы не можем отличить «сознательные нейроны» от «несознательных», следовательно, не можем определить, что в каждый конкретный момент является содержанием феноменального мира. Такое различие мы не можем провести и с помощью интроспекции: никакая дополнительная приватная информация не прольет свет на эту загадку. И «оруэлловская», и «сталинская» версии полностью и непротиворечиво объяснят нам любую феноменологию. Верификация просто недоступна. А значит, разница между предсознательным и постсознательным редактированием лишь бессмысленная абстракция — «разница, которая нам без разницы»¹²⁵.

Две теории предлагают по сути одну и ту же систему. Различие лишь в том, где проходит линия осознанности. Автор считает: ни сам субъект, ни объективная наука не могут установить нахождение этой черты. Ее просто нет. Модель множественных набросков полностью исключает подобный водораздел из концептуальной схемы, вместе с гомункулусом и шоу. Но как же тогда быть с «потокосом сознания», с кажимостью феноменального? Чтобы расправиться с этой иллюзией, Деннет опять предлагает обратиться, конечно, к истории эволюции.

Мемы

Для того чтобы понять, как работает сознание сейчас, нужно понять, как оно стало так работать. Поднимемся на самый верхний этаж «пирамиды проб и ошибок», о которой мы говорили в первой главе. Здесь располагаются существа, которые обладают сознанием. Люди по классификации Деннета — «грегорианские существа». Что уже на самом раннем этапе отличает их от всех остальных? Феномен культуры. Появление культуры и ее распространение, по мнению Деннета, приводит к появлению сознания.

В поисках фундаментальных связей между культурой и эволюцией Деннет обращается к работе уже знакомого нам Р. Доукинза «Эгоистичный ген» (1976). В этой книге автор предлагает надстройку над эволюционной теорией Дарвина: теорию эволюции мемов. С легкой руки Р. Доукинза и не без помощи Деннета термин обрел широкую популярность. В оксфордском словаре английского языка мему дано следующее определение: элемент культуры, который может передаваться на негенетическом уровне, например с помощью имитации. Мем, подобно гену, единица эволюционного процесса, но не биологического, а культурного. Как и гены, мемы распространяются, реплицируются. В борьбе за ресурсы мемы переходят из одного мозга в другой через коммуникацию и имитацию. Очевидно, мемы могут передаваться с помощью текстов, но не только. Едет телега по дороге, везет цистерну с молоком. Но кроме молока она везет с собой и целый набор мемов: представление о колесе, представление о контейнерах для перевозки жидкости, представление об экологически чистом транспорте. То есть любой физический объект, артефакт культуры, может быть носителем мемов, видимых и воспринимаемых мозгом человека. Примерами мемов являются календарь, алгебра, шахматы, импрессионизм, Модель множественных набросков, новогодняя распродажа. По сути дела мем — это информационная составляющая в физическом носителе, как и ген.

Для осуществления эволюционного отбора требуются определенные условия. Во-первых, наличие разновидностей элементов. Во-вторых, способность элементов к воспроизводству, и, наконец, в-третьих, связь с внешней средой, которая определяет, какие из элементов будут воспроизводиться, а какие — нет. В случае с мемами все условия выполняются. Мемы существуют в изобилии вариаций, способны реплицироваться, и их репликация зависит от условий окружающей среды. Поскольку ресурс для их распространения — человеческие мозги — ограничен, они оказываются в условиях естественной конкуренции. Выживают и распространяются те мемы, которые лучше всего приспособлены к размножению. Распространение мемов иногда благоприятствует размножению генов,

однако эти два процесса могут вступать в противоречие. Так, мемы «сотрудничество», «образование», «экология», «философия» полезны для своих носителей. К относительно бесполезным мемам относятся «мегасупермаркеты» и «фаст фуд». Но есть вредоносные для генов мемы, например, «монашество», «жертва собой во имя любимого человека», «альпинизм», «профессия летчик-испытатель» или, например, традиция потлач (обычай американских индейцев дарить или уничтожать самые дорогие, порой необходимые для выживания вещи, чтобы поразить другое племя).

Итак, мемы могут приумножить наши силы или лишить сил и средств к существованию. В конце концов, паразитируя на мозге, они являются его хозяевами и действуют в первую очередь в своих интересах. Человеческий мозг — рай для мемов, но таким он стал потому, «что мемы в свою очередь реструктурировали его», «мемы сыграли важнейшую роль в определении, кем и чем мы являемся сейчас»¹²⁶. О каких реконструкциях Деннет ведет речь? В первую очередь, о виртуальных.

В ассоциативном ряду с этим понятием могут возникнуть «виртуальная реальность», «виртуальные миры», разного рода симуляторы и компьютерные модели. Необходимо сразу оговориться, что эти ассоциации могут привести к ошибочному пониманию термина. «Виртуальная реальность» — обычно некоторая искусственно созданная интерактивная среда, которая отличается от объективной реальности, как сон, как устойчивая галлюцинация. «Виртуальное» в философии Деннета наделено другим смыслом: это некоторое условное, временное ограничение, наложенное на пластичную среду; искусственная привнесенная закономерность. Обращение к ней позволяет на более высоком уровне описывать поведение системы. Примеры должны прояснить смысл. Два человека хромают на правую ногу, один, потому что «упал, перелом, гипс». Конечность, которая была подвижна до несчастного случая, оказывается ограниченной в движениях жестким гипсовым корсетом. Это ограничение реальное. Другой — мим, Марсель Марсо, эта «универсальная машина мимикрии человеческого поведения внешними приемами хореографии»¹²⁷, как,

наверное, с юмором, назвала его Н. С. Юлина, — подражает несчастному. Он движется точно так, как пострадавший, его конечность как бы испытывает ограничения от стягивающего корсета. Но у него «виртуальный» корсет, который состоит из произвольных и временных диспозиций актера. В момент копирования системы (актер и его прообраз) ведут себя идентично, но если пострадавший иначе не может, актер делает произвольный выбор. Другая иллюстрация — тест Струпа. Испытуемым показывают слова: «красное», «синее», «зеленое», написанные шрифтом разного цвета. Необходимо называть только цвет шрифта. Грамотные люди испытывают затруднения по сравнению с теми, кто читать не умеет, и чаще ошибаются. Работает языковая виртуальная диспозиция. Она создает некоторые дополнительные ограничения, как виртуальный когнитивный корсет. Идентифицировать цвет с овладением письма стало труднее физически? В каком-то смысле все явления обусловлены физикой, и это тоже, но в данном случае эффективнее описывать это затруднение как виртуальное, т. е. искусственно привнесенное, новое, обусловленное, в первую очередь, законами не физическими, а социокультурными.

В книге «Головоломки проблемы сознания» Н. С. Юлина делает, с нашей точки зрения, не совсем оправданное различие в употреблении слова «виртуальный» Деннетом. «С одной стороны, имеется в виду смысл, принятый в компьютерных науках для обозначения информационных процессов... С другой стороны, его „virtual“ включает смыслы, принятые в повседневном английском языке — „фактический“, „не номинальный“, „действительный“, „эффективный“»¹²⁸. Это различие приведет нас к путанице в трактовке ключевого понятия для теории Деннета — виртуальной машины: нужно ли считать, что Деннет говорит о «фактической», «действительной» или эффективной машине сознания? Или о машине, в которой происходят информационные процессы? Она и действительная, и в ней происходят информационные процессы, но не в этом, скорее всего, суть.

Логика, стоящая за употреблением термина «виртуальный», единообразна. И действительно применима как к органическим, так и к компьютерным системам. Программы

представляют виртуальную надстройку над компьютерным «железом», они налагают искусственное ограничение на работу аппаратной части. Они виртуальны, потому что могли быть вовсе не записаны, потому что временны. В конечном итоге их удалить проще, чем уничтожить материнскую плату или дисковую память. И, тем не менее, можно сказать, что программы сообщают машине дополнительные диспозиции, как грамотность человеку. Программные продукты, в отличие от «железа», с легкостью заменяются, стираются, добавляются, настраиваются. Поэтому в английском эквиваленте программное обеспечение — «software» — производное от «гибкости». Соотношение между «hardware» и «software» кажется продуктивным для прояснения отношений между мозгом и разумом. И Деннет в своем натуралистическом объяснении сознания опирается на эту аналогию, сравнивая сознание с программой в мозге. Он считает, что виртуальная машина, машина мемов была установлена в мозг, как программа устанавливается в компьютер.

Виртуальная машина

При установке программы аппаратная часть принципиально не изменяется, но машина обретает некоторые специфические качества. То есть помимо исходно присущих ей физических свойств машина снабжается правилами, которые упорядочивают ее функционирование. Деннет называет такой набор правил виртуальной машиной. «Виртуальная машина — набор временных четких закономерностей, наложенных на аппаратную часть программой...»¹²⁹, это инструкции, которые наделяют «железо» сотнями привычек или диспозиций. Примерами правил и «привычек» компьютера являются курсоры, файлы и папки, корзина, все другие объекты на рабочем столе. Операционная система или любая программа в понимании Деннета также является виртуальным объектом или машиной. На уровне микросхем и кабелей эти объекты неразличимы, как неразличимы убеждения и желания на уровне нейронных связей (вспомним «реальные схемы» и «подлинных носителей убеждений»). Однако не признавать их существование было бы все равно, что за деревьями

не увидеть леса. Программы не менее реальны, чем компьютерное «железо», они совместимы, как два способа описания.

Закономерен вопрос: как возможно сосуществование всех мемов в мозге одновременно? Если мем — это аналог программы, то должна существовать какая-то метаинструкция, которая выстраивала бы программы в ряд для последовательного исполнения в мозге. Отсутствие такой метаструктуры привело бы к хаосу или бездействию, а организму необходимо принимать решения и двигаться. Как быть, когда «на корабле нет капитана»? Деннет делает вывод, что на относительно ранних этапах эволюции *Homo sapiens* на параллельной архитектуре мозга должно было образоваться виртуальное «бутылочное горло» — механизм упорядочивания программ. Аналогией для подобного механизма служит универсальная машина Тьюринга. Эта абстрактная математическая модель, открывшая дверь в компьютерный век, позволила самые сложные математические операции свести к серии последовательных и крайне простых ходов. Алан Тьюринг и его последователь Джон фон Нейман показали, что такая машина могла бы в принципе выполнить любые интеллектуальные задачи. Деннет считает, что появление подобной машины позволило реализовать все мемо-программы в человеческом мозге. Виртуальная машина мозга, подобная универсальной машине Тьюринга, обуславливает также иллюзию последовательного потока сознания. Вам, возможно, показалось странным, что эволюция не привела, скажем, к тому, что последовательная архитектура не была врожденной генетически, а должна была возникнуть как виртуальная конструкция. Это было бы невыгодно. С многими задачами параллельная архитектура справляется гораздо более эффективно. И к тому же, возразил бы Деннет, вам ведь не кажется странным, что человек не рождается с реактивным двигателем на спине или, например, пистолетами в каждой руке. Все это — плоды культуры, реализация виртуальной машины на заданной генотипом «аппаратной» платформе.

Вернемся к Модели множественных набросков. Концепция мемов должна пояснить, как с помощью пандемониума управляется поведение. Но где же, вы скажете, здесь сознание?

Что же, виртуальная машина мемов и есть сознание. А все остальное — иллюзии теоретизирующего разума. С этим можно не соглашаться, но таков вердикт Деннета. Ясность и некоторое разочарование несет фраза Деннета: «Пока вся теория не была развернута, я должен был избегать мутных вод... но теперь время заговорить о сознании напрямую. Здесь я утверждаю: да, моя теория — теория сознания. Некто или нечто, обладающее подобной виртуальной машиной в качестве контрольной управляющей системы, является сознательным в полном смысле слова, и он/оно обладает сознанием именно в силу наличия этой виртуальной машины»¹³⁰.

Разочарование выражают некоторые читатели Деннета, называя его теорию «сознанием потерянным», «обходным маневром вопроса о сознании», «чудесным следствием» или «опасной идеей Деннета». Ко времени издания «Объясненного сознания» позиция Деннета именно такова: объяснение завершено. Однако в последних опубликованных работах он делает дополнение.

Для того чтобы интерпретировать обновленную теорию Деннета, мы возьмем один из последних текстов — «Сладкие грезы». Существует мнение, выраженное критиками Деннета С. Блэкмор и С. Шнайдер, что в этой работе автор отошел от своей прежней позиции. Близкой точки зрения придерживается и В. В. Васильев. Я же считаю, что это утверждение можно оспаривать. Да и сам Деннет утверждает: имеет место смена метафоры и акцентов, но не смена парадигмы. Возможно, исследователи его философии слишком радикально трактуют ММН и, напротив, недооценивают новую концепцию, «славу в мозге». Попытку найти непротиворечивое истолкование я начну с обозначения общих мест, по поводу которых не возникает споров. Затем выделю узловые моменты потенциальных противоречий: отказ от использования ключевого в ММН понятия пробы, концепции виртуальной машины, союз Деннета с теорией глобального рабочего пространства Барарса (ГРП), — и попытаюсь найти непротиворечивую интерпретацию. Такое исследование должно позволить выделить стабильную часть философской системы Деннета и противопоставить ее факультативным элементам.

4. ММН и метафора «славы в мозге»

«Сладкие грезы» — сборник статей относящихся к периоду с 1999 по 2005 г., в котором Деннет вновь возвращается к теме сознания. Как могли ожидать многие читатели, в этой книге автор представляет новые искусно сочиненные истории и мысленные эксперименты, традиционно составляющие часть его философского реноме. Как обычно, Деннет критикует Зомби, атакует Нейроученого Мэри, раскрывает механизмы, скрывающиеся за «волшебной магией» феноменального, дисквалифицирует квалиа и предлагает читателю новые запоминающиеся метафоры. «Слава», или «знаменитость в мозге» — одна из них, возможно, наиболее любопытная. И здесь нас ожидает сюрприз: «Дьявол потерял свои рога?» — восклицает Сюзан Блэкмор, одна из самых верных сторонников Модели множественных набросков. «Дэн Деннет был демонизирован из-за своей твердой материалистической позиции в вопросах сознания, но сейчас он обновляет свою теорию и, я думаю, предлагает более мягкую версию»¹³¹, — она комментирует новую модель с чувством огорчения. Действительно, имеем ли мы дело со сменой взглядов, или только со сменой оружия?

Пандемониум сохранен

Впервые дьяволом назвал Деннета Б. Вурхиз в 2000 г. в рецензии на «Объясненное сознание» за развенчание обыденного представления о «Я». Нет зрителя, нет внутреннего свидетеля или Овального кабинета, где все данные сводились бы вместе для просмотра и принятия решений. Есть только распределенные в пространстве мозга нейронные процессы, — считает профессор из Тафтса. Как только мы допускаем наблюдателя этих процессов, мы невольно обрекаем себя на бесконечный регресс. Вводя гомункулуса в объяснительную модель, маленького человека в Театр сознания, мы просто откладываем решение вопроса на следующий этап. Теперь нам придется представлять его глазки и маленький мозг и, в свою очередь, разбираться с его механикой. Решением проблемы гомункулуса, предложенным Деннетом, как

мы выяснили выше, стал Пандемониум — модель неирерархически организованной вычислительной архитектуры. Этот подход присутствовал в «Объясненном сознании», но не утратил значимость и в «Сладких грезах». Как минимум в этом Деннет сохранил статус «дьявольского материалиста». Почему же тогда Блэкмор упрекает его в непоследовательности?

Присмотримся внимательней к новой метафоре Деннета «славе в мозге». «Основная идея в том, что сознание более похоже на славу, чем на телевидение»¹³². Нет ни особой среды, в которой преобразуются информационно-насыщенные состояния, ни особого свойства, необходимого для осознанности, — продолжает автор. Пока Деннет, кажется, полностью остается верен своим гипотезам. Сознание описывается только физическими фактами. Но что же тогда выделяет одни состояния из других, осознанные от неосознанных? «Слава» или, точнее, доступность. Осознанные состояния более доступны, чем неосознанные. «Когда различные процессы конкурируют за текущий контроль над всем организмом, процесс, обладающий наибольшим влиянием, доминирует, пока процесс с еще большим влиянием его не заменит»¹³³. По аналогии — быть в ореоле славы не значит быть интенциональным объектом в умах многих людей, скорее — обладать наибольшим влиянием. И Деннет готов дать урок нейронной политологии.

Наиболее подходящая модель, конечно, демократическая. В старину политическое влияние зависело от близости к королю. Теперь это не так. Знать «нужных людей» далеко не достаточно, чтобы стать знаменитым. Не менее важно быть узнаваемым большинством. Так работает и мозг. Ведь нет единого источника внимания. Высказывания Деннета могут показаться очень знакомыми. Он по-прежнему настаивает на отсутствии вертикальной иерархии в мозге и убежден в распределенности информационных процессов. Считает, что распознавание признаков в мозге должно проходить единожды, в специализированных зонах. И результат распознавания не должен транслироваться куда-то еще, в центральный офис сознания. Но в его новой риторике есть нечто, кажется, отличающееся от предыдущей позиции, Модели множественных набросков. Теперь его взгляды могут показаться менее оригинальными.

«Слава» и теория ГРП

Сам философ признает, что его «Слава» принадлежит к семейству идей и близка общему знаменателю современных теорий сознания — концепции глобальной доступности. Первоначально она была представлена Бернардом Баарсом в его «Когнитивной теории сознания» (1988) как часть теории глобального рабочего пространства. Согласно Баарсу, «сознание реализуется с помощью распределенных специализированных модулей, объединенных пространством рабочей памяти, глобальным рабочим пространством. Содержание этой памяти может передаваться системе в целом»¹³⁴. Рабочая память, как говорит он в одной из последних работ, — это внутренняя область с ограниченным объемом. В отличие от бессознательных процессов, рабочая память выполняет операции последовательно, одну за другой. Объекты могут появляться на сцене только последовательно. Мы только что заговорили о «сцене» и последовательном представлении? Это случайность, опечатка?

Теория глобального рабочего пространства действительно активно использует метафору театра. По Баарсу, нахождение на сцене (присутствие в рабочем пространстве) — необходимое условие для осознанности процесса. Необходимое, но недостаточное, так как есть еще одно. «Прожектор внимания имеет ключевое значение в нашей версии театральной метафоры. На какого актера упадет свет, тот и окажется в сознании»¹³⁵, — разъясняет Баарс. Зрители в зале могут взаимодействовать, могут влиять на актеров, требуя от них продолжать роль или, освистав, вызвать на подмостки кого-то еще. Но прожектор внимания — единственный способ для контента стать общедоступным, обрести временное влияние на аудиторию в целом. То, что в фокусе внимания, представляет собой особую, привилегированную категорию информации, транслируемую на всю аудиторию специализированных нейронных модулей.

Вспоминая позицию Деннета в отношении Картезианского театра и театральной метафоры, мы вместе с С. Блэкмор могли бы возразить: разве это не противоречит тому, что все это время утверждал Деннет? Неужели он смирился с тем, что

некогда называл «самой навязчивой идеей, сбивающей с толку в размышлениях о сознании»¹³⁶ и изменил своим взглядам? Он стал картезианским материалистом? Думаю, что это не так. В Картезианском театре доступность означала нечто иное. Она означала, что информация от специализированных модулей мозга должна была передаваться для представления центральному Оку, нематериальному, непротяженному Эго. В теории глобального рабочего пространства, напротив, информация не должна никуда транслироваться. Доступность означает достижимость для других специализированных модулей. Поэтому нет надобности в едином наблюдателе — гомункулусе. Картезианский театр предполагал одну, и только одну сцену, где происходили акты сознания. И сцена была зафиксирована в одной конкретной зоне — шишковидной железе. Метафора Баарса больше походит на современный многозальный кинотеатр: «может быть несколько рабочих пространств, доступных для более широкой аудитории»¹³⁷, — описывает он архитектуру мозга. Или на бродячий цирк — у него нет постоянного географического местоположения.

Альянс с теорией глобального рабочего пространства не является капитуляцией для Деннета. Более того, он соглашался с ней, вероятно, и в «Объясненном сознании»¹³⁸. И Модель множественных набросков, и ГРП друг другу не противоречат в следующих утверждениях: 1) бóльшая часть информационных процессов в мозге происходит в темноте, в бессознательной параллельной форме; 2) мобилизация нейронных сетей выделяет определенные структуры данных на сцене рабочей памяти; 3) усиленные с помощью внимания, эти структуры становятся глобально доступными. Ведь все эти тезисы вписываются и удачно расширяют гипотезу Пандемониума. Но Деннет вовсе не обязан принимать все без исключения утверждения Баарса. Рассмотрим, например, некоторые другие элементы теории глобальной доступности. В метафоре Театра Баарс выделяет четыре вида сущностей: сцену рабочей памяти, актеров в прожекторном свете внимания, бессознательные процессы в зрительном зале и обслуживающий персонал. Среди этого персонала есть и продюсер, тот, кто выполняет управленческие функции и направляет луч про-

жектора. В отличие от гомункулуса, с продюсером в аналогии Баарса соотносится нейронная сеть, на когнитивном уровне образующая сверху вниз сформированную иерархию жизненных целей, интенций и текущих ожиданий. Представление о продюсере здесь, скорее, это представление о некоторой структуре, схеме, паттерне, чем о человеке. Однако, несмотря на то что продюсер описывается Баарсом не как «привидение в машине», это описание, тем не менее, могло бы быть оспорено Деннетом. Последний мог бы исключить эту роль с помощью бритвы Оккама. Ведь волевые и направляющие функции могла бы выполнять и сама аудитория. И все же даже частичное согласие с теорией глобального рабочего пространства может обойтись слишком дорого для Деннета. Оно заставляет его жертвовать существенной чертой его собственной концепции, — считает другой критик «Сладких грез», Сюзан Шнайдер.

Относительность осознанного и неосознанного контента

Тезис о параллельной архитектуре мозга никогда не был особенностью Модели множественных набросков. Скорее, это общее место современных научных и философских представлений, — замечает С. Шнайдер. Ключевой отличительной чертой был вывод об «относительности сознательного контента» и иллюзорности последовательного потока сознания. Как мы помним из текста «Объясненного сознания»: «Если нам необходимо определить, в какой момент процесс в мозге становится осознанным, этот момент должен быть определен произвольно»¹³⁹. Это утверждение — один из наиболее контринтуитивных, радикальных и важных выводов Деннета. Нет картезианского театра — нет и рампы, четко отделяющей зрительный зал от сцены, внесознательные и осознанные процессы. Так обстояло дело в Модели множественных набросков, но так ли это в обновленной версии «славы в мозге»?

Если Деннет соглашается даже частично с Баарсом и его теорией глобального пространства, ему, скорее всего, необходимо принять и тезис о том, что существуют объективные критерии для различия осознанного и неосознанного контента

в каждый отдельный момент времени. Это становится эмпирически проверяемым фактом. С точными инструментами для сканирования мозга можно определить, какой контент является глобально доступным и когда. Соответственно возможно выявить и ошибки памяти, в терминах ММН различить «сталинскую» и «оруэлловскую» переработки. Такое замечание было высказано С. Шнайдер. Его поддерживает и В. Васильев в «Трудной проблеме сознания». Он пишет, что метафора славы в мозге является признаком серьезного сдвига в позиции Деннета: «...он фактически отказался от радикальной идеи иллюзорности потока сознания, представленной в „Объясненном сознании“, и тем самым сделал шаг в сторону „Контента и сознания“, где он допускал наличие реальной „линии“, разделяющей осознанные и неосознанные представления»¹⁴⁰. Эти рассуждения об эволюции взглядов Деннета показались мне весомыми, и в переписке с философом я адресовал ему этот вопрос. «Вы указываете на основную проблему, различающую мою позицию и модель глобального пространства; они [сторонники ГРП. — Д. В.] тяготеют к Картезианскому театру, как вы справедливо замечаете. Но вовсе не обязаны это делать. Вот часть модели Глобального рабочего пространства, которую я разделяю», — ответил Деннет в коротком письме. Но вместо ясного объяснения направил меня к текстам дискуссии, вызванной статьей «Время и Наблюдатель...». В этих текстах (в ответной статье «Считая сознания») я нашел следующую аналогию, аналогию со скачками. Мне кажется, она поможет найти непротиворечивую интерпретацию. Вот вымышленная автором ситуация: вы попадаете на скачки, чтобы понаблюдать за тремя лошадьми: Эйбл, Бейкер и Чарли. Они галопируют по кругу. На вешке 97-й ведет Эйбл, на 98-й — Бейкер, на 99-й Чарли, но потом вперед опять выбивается Эйбл. Потом Бейкер и Чарли лидируют вместе какое-то время, а потом замедляют бег, переходят на шаг и возвращаются в конюшню. Какая лошадь победила на скачках? Это было абсолютно реальное событие, и были моменты, когда какая-то одна лошадь была впереди, но ответить на вопрос невозможно. Просто это не было соревнованием. Не было финишной черты, никто не договаривался о дистанции.

Как эта история может пролить свет на представление Деннета о глобальном рабочем пространстве? Попробуем рассуждать так. В мозге есть абсолютно измеряемые события. Можно даже определить, какой процесс в некоторый момент является лидирующим. Но нет ни привилегированного места, ни привилегированного времени для измерений. То есть для процесса, чтобы стать осознанным, нет необходимости «выиграть скачки». Достаточно в них достойно участвовать. На соревнованиях медали достаются чемпионам, но не в мозге. В мозге нет какого-то особого свойства, которое получает доминирующий процесс, нимба из квалиа в качестве приза, например. Доминирование — это признак процесса внутри потока сознания, а не требование, чтобы в него попасть.

Допустим, в момент t существует процесс, который доминирует в мозге. Можно ли сказать, что он обязательно будет осознанным? Для Деннета ответ может быть сформулирован только после функционального анализа действий всего организма. Осознанным информационный процесс может быть, только если он доминирует в течение некоторого времени и влияет на дальнейшее поведение агента. Различие подхода Баарса в концепции глобального рабочего пространства и Деннета в теории «славы в мозге» можно обнаружить с помощью табл. 1.

Таблица описывает уже упомянутую нами ситуацию: возвращение домой в машине с включенным приемником. Все те же четыре информационных процесса параллельно прохо-

Таблица 1

Четыре одновременных процесса в мозге

T^1	T^2	T^3	T^4
A	A	A	Остановка у аптеки
B	M	B	
B	A	A	
B	B	A	

дят в деятельности мозга: управление автомобилем, отслеживание ситуации на дороге, поиск знака аптеки и прослушивание музыкального канала. По таблице мы видим, что в момент T^1 вождение занимает доминирующее влияние. Что это значит? Интерпретации этой ситуации в ГРП и ММН различаются.

Согласно ГРП, для осознания достаточно того, чтобы процесс транслировался на широкие области мозга, был глобально доступным в какое-то время. Поскольку процесс «В» наиболее распространен в T^1 , он и есть осознанный процесс. В ГРП учитывается одновременное влияние, влияние в столбцах. А в ММН это недостаточное условие. Процесс может быть влиятельным на какой-то момент, но в следующий момент исчезнуть без следа. Если его влияние не сказалось на дальнейшем поведении, и в следующий момент он был заменен другим процессом, тот первый — не может считаться осознанным. В указанном случае, учитывая события в T^4 , нужно сделать вывод, что даже в T^1 доминировал процесс «А». То есть учитывается влияние на протяженности во времени, в нашем случае влияние в строке, а не в столбце. Такая интерпретация позволяет сохранить преемственность ММН и славы в мозге. И противоречит прочтению В. В. Васильева. Ведь, по его мнению, только в ММН наброски, «могущие быть истолкованными в качестве осознанных, сосуществуют», тогда как теория «славы в мозге» «ограничивается допущением возможности их быстрой смены в глобальном рабочем пространстве»¹⁴¹.

О правильности такой интерпретации свидетельствует приведенное Деннетом в связи с метафорой сознания парадоксальное высказывание Э. Уорхолла: «в будущем каждый будет известен в течение 15 минут». Деннет хочет обратить внимание на противоречивость этого утверждения. Ведь подлинная известность, слава — устойчивое, продолжительное явление. Промелькнуть среди множества лиц в новостях даже по центральному телевидению — разве это слава? Невозможно быть знаменитым только 15 минут. Таким же образом содержание не может быть «осознанным» на 15 миллисекунд, и потом быть полностью забыто. Не важно, что некото-

рый процесс обладает глобальной доступностью в мгновение T^1 , важно, будет ли он иметь влияние в будущем. И только ретроспективно можно будет сказать: «этот процесс был осознанным».

В новой версии теории Деннета последовательный поток сознания остается иллюзорным еще в одном смысле. Последовательность объективно доминирующих в мозге событий может не совпадать с последовательностью событий в представлениях субъекта, поэтому возможна реализация табл. 2.

Таблица 2

Ретроспективная вставка

T^1	T^2	Феноменальная последовательность
A	B	Сначала A, потом B
B	A	Сначала A, потом B
B	A	Сначала A, потом B

Несмотря на то что процесс «B» доминирует в мозге раньше процесса «A», в интерпретациях субъекта эти события представлены в обратной последовательности. Осуществлена ретроспективная вставка. Возможность этих вставок характеризует поток сознания, феноменальный мир как виртуальную реальность. Вспомним еще раз пример с Англо-американской войной. Информация о перемирии действительно достигла граждан США в различное время, но способ точно определить, была ли битва за Орлеан после перемирия или до, существует. Помимо времени получения указа о перемирии, существует дата на самом указе. Возможность указания этой даты позволяет отдельно датировать события, безотносительно времени получения информации о них. Таким же образом процесс, доминирующий в процессе T^3 , может быть датирован в T^1 или даже T^4 .

Концепция пробы

Выше я попытался показать общие и различные черты концепции глобального рабочего пространства Баарса и метафоры «славы в мозге» у Деннета. Очевидно, что эти позиции во многом расходятся. Даже в обновленной теории Деннет сохраняет ключевой тезис об относительности и иллюзорности сознательного контента. Для дальнейшего анализа совместимости Модели множественных набросков и концепции «славы в мозге» нам нужно обратиться к еще одному аспекту теории, потенциальному источнику непоследовательности — представлению о «пробах». Как заметила С. Шнайдер, это понятие было центральным в ранних объяснительных моделях Деннета и кажется утраченным в его более поздних размышлениях о сознании. С моей точки зрения, терминологический сдвиг не имеет принципиального значения. Концепция пробы имплицитно содержится также и в концепции «славы в мозге».

Понятие пробы становится значимым тогда, когда мы избавляемся от картезианского материализма. Если нет центрального места в мозге, где все процессы сходились бы воедино, нельзя точно установить, когда процесс становится осознанным. Нет финишной линии, значит, не может быть и времени «достижения сознания». Мы можем только идентифицировать интервал, во время которого готовится запрос и выносится суждение о пережитом опыте. Это интервал времени для пробы. В «Объясненном сознании» Деннет говорит, что проба — эволюционно оправданная функция мозга, биологический аналог тревожного сигнала «свистать всех наверх».

В повседневности животные, как и мы, выполняют большинство действий на «автопилоте»: поиск еды, избегание столкновений с окружающими предметами, следование за вожаком. Но есть моменты, когда вся нервная система должна быть мобилизована для того, чтобы отреагировать на чрезвычайное событие: «Хищник рядом и он смотрит на тебя!». Животное должно остановить автоматическое выполнение рутинных функций, просканировать все доступные внутренние источники информации и принять жизненно важное решение: замереть или бежать. Эти короткие моменты остановки и мобилизации, моменты ориентирования, значительно

улучшают осведомленность организма об окружающей среде и о самом себе. Приматы (в частности, люди) обладают еще одним преимуществом. У них сканирование осуществляется не только чаще, но может происходить и по инициативе самого агента. В результате мы имеем самый сложный тип поведения — человеческую речь. Пробы создают нарративы, каждый нарратив порождает временную шкалу — субъективную последовательность, которая объясняет феноменологию.

Как мы видим, в Модели множественных набросков пробы играют незаменимую роль. Они определяют содержание нарративов: «не существует фактов о потоке сознания независимо от конкретных проб»¹⁴². Звучит как проверяемая эмпирически гипотеза. Можем ли мы получить ей подтверждение? Попытку проверить во многом спекулятивную модель Деннета предприняла С. Блэкмор. Результаты были объявлены на Тусанской конференции 2006 г. Деннет на этой конференции, к сожалению, отсутствовал и про эксперимент узнал из моего письма. Блэкмор провела эксперимент на 17 испытуемых... и получила опровержение. Представьте возвращение с работы домой на машине. Поздно, дорога пуста и хорошо знакома — задумываться о пути практически не приходится. Феномен «бессознательного вождения», автоматического навыка, хорошо известен всем, кто давно за рулем. На этом навыке и построила Блэкмор свой эксперимент.

Для проверки гипотезы испытуемым было предложено управлять автосимулятором на игровой приставке, одновременно слушая музыку через наушники. После ознакомления с игрой и привыкания к ней испытуемых опрашивали 16 раз в течение 20 минут о том, чем только что были заняты их мысли. Сигналы о необходимости сообщить ответ поступали двумя различными способами: в качестве изображения на экране симулятора и гудка в наушниках. Согласно традиционной картезианской версии, в сознании мог находиться один из процессов: внимание могло быть направлено либо на музыкальную композицию, либо на вождение. Тип сигнала, побуждающего к ответу, не должен был играть никакой роли. Модель множественных набросков, напротив, предполагает зависимость результата от пробы. Согласно этой гипотезе,

от модальности сигнала должна была зависеть и модальность ответа. Например, после визуального сигнала должны были превалировать ответы, связанные с вождением, а звукового — с музыкой. «Результаты не подтвердили ММН Деннета», — сообщила Блэкмор. 128 визуальных проб привели к 74 ответам о вождении и 54 о музыке. На 127 аудио проб 70 раз ответ был «вождение», 57 — «музыка». То есть управление автосимулятором было доминирующей активностью, вне зависимости от пробы. Возможно, «могут быть предложены более удачные условия экспериментальной проверки гипотезы»¹⁴³.

Этот эксперимент очень полезен для прояснения теории Деннета. Он позволяет из множества метафор выделить конструктивный элемент, рабочую гипотезу и противопоставить ее картезианскому театру. В следующих нескольких параграфах я попытаюсь показать, что, во-первых, эксперимент, поставленный Блэкмор, не соотносится с теорией Деннета, и, во-вторых, что гипотеза о влиянии проб не верифицируема в принципе.

В действительности техника проверки гипотезы Деннета была неудачна. С. Блэкмор тестировала, как будто во время ее эксперимента пробы инициировались только извне. Предполагая, что тип внешней пробы должен предопределить содержание вербального отчета, она не учитывала, что, согласно теории Деннета, возможны не только внешние пробы, но также аутопробы, которые испытуемые могут инициировать самостоятельно. В случае аутопроб внешние стимулы не будут иметь принципиального значения. Итак, вспомним эволюционное объяснение феномена пробы Деннетом: когда организму необходимо описание мира, делается проба, сканирование. «Однажды, — пишет автор в „Объясненном сознании“, — одна из гоминид случайно спросила о помощи, когда никто не мог этого услышать, кроме нее самой. Когда она услышала вопрос, звуковая стимуляция спровоцировала ответное высказывание... К удивлению и восторгу первобытного существа, оно само спровоцировало ответ на собственный вопрос»¹⁴⁴. Это остроумная реконструкция, возможно, упрощение, однако именно по такой схеме автор представляет зарождение внутренней речи и сознания. Привычка гово-

рить с самим собой, т. е. когнитивная аутостимуляция, могла значительно улучшить осведомленность организма об окружающем мире и самом себе. По теории Деннета, пробы могут и должны быть инициированы самим субъектом. Вернемся к эксперименту Блэкмор и представим себя на месте испытуемых. За 20 минут будет 16 раз задан один и тот же вопрос: «о чем вы только что думали?». Можно ли представить, что в ожидании повторяющегося сигнала мы прежде не зададим подобный вопрос себе, инициировав тем самым аутосканирование? А после сигнала не представим уже подготовленный вербальный отчет?

Можно, конечно, попытаться возразить. В интервал между сигналами могли быть сделаны несколько аутопроб, и подготовлено несколько вербализированных суждений. Тип сигнала, визуальный или звуковой, должен был вызывать соответствующий тип отчета. Таким образом, эксперимент должен подтвердить или опровергнуть гипотезу множественных набросков. Но мне кажется, что это возражение не работает, и эксперимент Блэкмор все-таки не подходит. Гипотеза о детерминирующей роли пробы относится к еще невербализированному контенту. Проба, как ее понимает Деннет, сканирует содержание специализированных модулей в архитектуре мозга, а не отрепетированных вербальных отчетов. Проба представляет собой необходимое звено в информационных процессах между параллельно существующими набросками и вербализованным содержанием, возможно, даже в невысказанной форме. Таким образом, если подобный эксперимент и верифицировал некоторую теорию, эта теория отличалась бы от Модели множественных набросков.

Возможно, недостатком эксперимента были повторяемость и однообразие задачи, мотивировавшей испытуемых совершать регулярные аутопробы. Целесообразно, однако, попытаться представить, какой эксперимент мог бы действительно верифицировать гипотезу Деннета. Как исключить из экспериментальных условий погрешности, вносимые аутопробами?

Существует категория испытуемых, которые отчасти ограничены в возможности инициировать сканирование специализированных модулей мозга. Это люди со «слепым зрени-

ем». Как следует из парадоксального названия физического недостатка, он ведет к непоследовательному, с первого взгляда, поведению. Субъекты ощущают потерю зрения в определенной области (обычно это связано с физическим повреждением внутренних тканей, например, первичной визуальной коры V1), но в то же время способны с высокой вероятностью «угадывать» предметы, находящиеся в ней. Кажется, что они знают о находящихся там предметах, но не осознают наличия этого знания. Необходимо подсказывать, побуждать их к «угадыванию», без этого их необычная способность никак не проявляется. Очевидно, внешние пробы играют значение для людей со «слепым зрением», пробы определяют содержание их суждений. Но может ли это иметь значение для верификации гипотезы множественных набросков? С моей точки зрения, это может доказывать только различие между людьми с физическими недостатками и физически здоровыми людьми.

В своей статье о Модели множественных набросков К. Экинс пишет, что пробы не являются регулярной аутосканирующей процедурой. «Пробы связаны с решением конкретных задач, они возникают нерегулярно в ответ на внутренние или внешние проблемы»¹⁴⁵. В ее прочтении пробы не могут быть просто самозапускающейся регулярной программой: нельзя, например, сказать, что каждые 100 миллисекунд наша визуальная система задает вопрос: «что находится в мире сейчас передо мной?». Я не могу с этим полностью согласиться. Да, ранее на эволюционной лестнице аутосканирование было обусловлено исключительно мобилизациями организма в чрезвычайных обстоятельствах. Это было полезным свойством для реагирования на вызов окружающей среды. Но сейчас, как следует из высказываний Деннета, это стало привычкой людей, привычкой к внутренней речи. Это подтверждается текстом «Сладких грез». В этом сборнике автор подчеркивает, что способность «оживлять или вновь вызывать содержательные процессы» является важнейшим свойством нашего сознания¹⁴⁶. Содержание процессов нашего сознания необходимо реверберирует, повторяется.

Это может пролить дополнительный свет на терминологические сдвиги в теории Деннета. Концепция глобальной

доступности, «кажется, не требует проб для вещания в рабочее пространство; то, что осознанно не детерминировано пробами»¹⁴⁷, — замечает С. Шнайдер. В некотором смысле пробы все же необходимы. Это необходимое звено в цикле аутосканирования и формирования внутренней речи. Однако пробы стали регулярной активностью, повторяющимся процессом в мозге, и нам больше нет смысла акцентировать внимание на этом. Пробы не в активном словаре «Сладких грез», но они имплицитно присутствуют. И описание результата пробы в «Объясненном сознании» и «Сладких грезах» очень похоже. Вот примеры описания состояний нейронных сетей в ранних текстах: «Образовалась временная централизованная арена контроля как следствие повышенной нейронной активности — все линии коммуникаций открыты...»¹⁴⁸, «специализированные модули могут вещать в окружающие зоны»¹⁴⁹. Разве не кажется, что мы уже описываем парадигму глобального рабочего пространства?

Допущение аутосканирования может снимать остроту противоречий между ранней и более поздней моделями сознания Деннета, однако делает гипотезу Деннета практически не-верифицируемой извне. Как мы можем проверить влияние проб, если сами эти пробы происходят регулярно и иницируются самим организмом?

Дискуссия о виртуальной машине мемов

В поисках потенциальных внутренних конфликтов между Моделью множественных набросков и концепцией «славы в мозге» рассмотрим еще один элемент теории Деннета — виртуальную машину мемов. Как было показано выше, эта метафора выполняла важную функцию в ММН. С помощью виртуальной машины мемов автор объяснял образование бутылочного горла, «выпрямление» параллельных процессов в мозге и появление иллюзорного джойсовского «потока сознания». В сборнике «Сладкие грезы» понятие мема почти не используется. Одно из редких упоминаний о нем — в резюме новой теории. Здесь автор сообщает о намерении разделить теорию на две независимые части. Во-первых, утверждение, что реверберация является единственным существенным от-

личием «осознанного контента». Во-вторых, тезис о реверберации как о следствии воздействия культуры и мемов. «Если гипотеза о мемах будет полностью опровергнута открытием-подтверждением наличия такой эхо-камеры в мозге животных, я тогда соглашусь, что именно по этой причине, эти виды... обладают сознанием»¹⁵⁰. И, тем не менее, теория выстоит. Подобное разделение кажется существенным изменением. Может быть, это уступка критикам?

С момента издания «Объясненного сознания» Деннет почти десять лет объяснял свою теорию и отвечал на шквал критических комментариев¹⁵¹. Дискуссия развернулась на страницах журналов, даже названия некоторых книг перекликаются. Но нас в данный момент будет интересовать одно из направлений полемики, и преимущественно один оппонент — Пол Черчленд. Чета Пол и Патрисия Черчленд известна в философском сообществе последовательной материалистической позицией в радикальной версии, элиминативизме. И именно Пол был ключевым оппонентом Деннета в обсуждении виртуальной машины (ВМ). Суть критики сводится к оспариванию трех тезисов Деннета: (А) мозг может реализовывать виртуальную машину, (В) эта машина состоит из мемов, и (С) именно работой виртуальной машины мемов обуславливается феномен сознания.

История дискуссии такова. После издания «Объясненного сознания» в 1991 г., в котором Деннет вводит понятие ВМ, выходит книга П. Черчленда «Машина разума, обитель души» (1996). В этой монографии Черчленд кратко останавливается на предложенной Деннетом идее и критикует ее. Его интерпретация виртуальной машины неверна, поэтому, несмотря на остроумные иллюстрации и диаграммы, она бьет мимо цели. На это обращает внимание Деннет в совместной статье с Ш. Дензмором «Достоинства виртуальных машин». Авторы настроены, скорее, на коалицию, чем на конфликт. С их точки зрения, виртуальная машина может только дополнить аргументы Черчленда. Ответ последнего, напротив, воинственен. В последующих двух работах он призывает бросить «обманчивую и бессмысленную» концепцию: «виртуальная фон-неймановская машина и все связанные с ней мета-

форы должны быть устранены. Они ведут нас в сторону от истины, не к ней»¹⁵². «Два шага в сторону сознания», статья 2004 г., — встречающая статья Деннета, где он, как можно догадаться, настаивает на пользе виртуальной машины и мемов. Резюмируя основные точки противоречий, автор приходит к выводу, что полемика с Черчлендом — скорее недоразумение. Часть противоречий носит исключительно терминологический характер (мой стакан наполовину полон умеренным реализмом, стакан Пола наполовину пуст от элиминативизма), другая часть должна быть решена не философской полемикой, а эмпирическими исследованиями. И все же, почему Черчленд настаивает на устранении виртуальных машин, а Деннет с ним (по крайней мере, до 2004 г.) не согласен? Попробуем воспроизвести аргументы двух сторон в некоторой исторической реконструкции, в диалоге, который мог бы состояться, точнее, шел «виртуально» в течение почти 13 лет на страницах упомянутых журналов и монографий.

Ч.: По мнению Деннета, в мозге работает «виртуальная вычислительная машина, функционирование которой... соответствует классической запрограммированной машине с дискретными состояниями»¹⁵³. Деннет является заложником традиционного и ошибочного убеждения в том, что классические вычислительные процессы представляют нам лучшее объяснение последовательного разворачивания сознания. Ошибочного, потому что мозг устроен параллельно, он не обладает дискретными состояниями, в нем нет ни правил, ни программ, ни последовательных вычислений.

Д.: Черчленд стал заложником ошибочного стереотипа виртуальной фон-неймановской машины. Во-первых, в «Объясненном сознании» нигде не указывается, что она должна быть классического типа, с дискретными состояниями, и уж только в ограниченном смысле слова она «последовательна». Напротив, из текста следует, что между работой программ на классическом компьютере и работой мозга имеются существенные отличия: фон-неймановская машина работает с нулями и единицами, которые хранятся в регистрах памяти и последовательно обрабатываются центральным процессором. Программа устанавливается в память с внешних носителей, таким образом компьютер

моментально получает набор микродиспозиций, из которых она состоит. Вместо нулей и единиц в параллельной сети мозга переменной является «вес» нейронных связей. Простое копирование «программ» невозможно, мозг должен постепенно обучаться новым микродиспозициям с помощью повторяющихся самостимуляций.

Ч.: В таком случае аналогия с виртуальными машинами просто избыточна. Если виртуальная машина отличается от последовательной дискретной работы машины фон Неймана, а в действительности работает как параллельная нейронная сеть, то нет смысла и вводить ее. Она создает псевдообъяснение, подобно «жизненному духу». Вместо реального объяснения феномена можно было бы продемонстрировать, как молекулы ДНК реализуют «виртуальный жизненный дух».

Д.: Черчленд настаивает на буквальном использовании терминологии, говорит, что метафора не содержит никакого смысла. Но утверждать, что фон-неймановская машина обязательно должна быть реализована только на последовательной архитектуре, все равно, что утверждать, будто виртуальная машина может работать только на интеловских микросхемах. «Почему ее невозможно реализовать на других типах архитектур, даже нецифровых?»¹⁵⁴ Если уж так говорить, то и любой компьютер не есть в чистом виде цифровая машина. Как только скомпилирован код, управление осуществляется по законам физики, и она «не больше следует правилам, чем воды Миссисипи, когда движутся с северо-западных равнин к Мексиканскому заливу»¹⁵⁵. Польза метафоры «виртуальной машины» в том, что она дает дополнительный высокоуровневый способ описания процессов. Без нее за деревьями не увидишь леса — привнесенных извне закономерностей, схем. Виртуальная машина является эффективным инструментом объяснения сознания.

Ч.: Деннет в своих работах практически не упоминает рекурсивных нейронных сетей. Не виртуальная машина, а именно рекурсивные сети являются наиболее эффективным средством для описания и объяснения феномена сознания, в том числе его темпорального аспекта.

Пожалуй, черед вмешаться в «виртуальный диалог», чтобы прояснить высказывание Черчленда. Его книга «Машина

разума...» — одна из самых удачных иллюстраций нового, но очень эффективного подхода в моделировании когнитивных систем — коннекционизма. Пионерами метода были О. Розенблат и уже упомянутый изобретатель модели Пандемонима О. Сэлфридж (1940–1965). Однако подлинный расцвет коннекционизма связан с усложнением метода за счет добавления обратных рекурсивных связей. В общем виде подход заключается в следующем. Коннекционистская система состоит из множества параллельно соединенных между собой процессоров, которые могут хранить переменные значения. Соединенные друг с другом процессоры могут влиять на хранимые значения: один — может либо повысить, либо понизить значение связанных с ним процессоров. Таким образом, текущее значение в процессоре зависит от трех параметров: ввода извне системы, влияния связанных с ним процессоров и предыдущего значения в процессоре. В своей книге Черчленд продемонстрировал, как подобные модели могут с легкостью решать задачи, особенно трудные для машин с последовательной фон-неймановской архитектурой.

Согласно данным нейрофизиологии, структура нейронных связей очень напоминает коннекционистские модели. Из чего можно сделать вывод, что вычисления мозга выполняются по коннекционистской модели. Итак, Черчленд настаивает на том, что не виртуальная фон-неймановская машина, а рекурсивные нейронные сети, построенные по коннекционистской модели, являются достаточными для объяснения сознания.

Д.: Здесь нет никакого противоречия. «Виртуальные машины, о которых я говорю, реализованы в рекурсивных нейронных сетях»¹⁵⁶. Единственное различие пока в том, что Черчленд не видит необходимости объяснять феномен на более абстрактном, высоком уровне.

Ч.: Где же здесь абстракция? Изменяя конфигурацию рекурсивной сети, управляя «весом» связей между узлами-процессорами, можно обучить ее, например, выполнять простейшие математические операции. Но будет ли такая сеть виртуальным калькулятором? Нет, она будет калькулятором в буквальном смысле слова.

Д.: Это прекрасная иллюстрация тезиса о виртуальной машине. Если описанная рекурсивная сеть не является виртуальным калькулятором, то вообще непонятно, что могло бы считаться виртуальной машиной. Работа виртуальной машины на физическом уровне неотличима от работы ее «железа». Виртуальная машина выполняет задачи так же, как железо этой машины; это не что-то вроде прилизительной копии.

Возможен неосторожный вывод: значит, виртуальная машина эпифеноменальна? Деннет говорит, что сознание — действие виртуальной машины мемов, не значит ли это, что его концепция является скрытым выражением эпифеноменализма? Ответ, конечно, отрицательный. Деннет считает виртуальную машину описанием реальной, физической машины, а не отдельным слоем реальности. Более подробно этой теме мы коснемся в третьей главе, а сейчас вернемся к полемике с Черчлендом. Последний эпизод, безусловно, кульминационный момент в обсуждении виртуальных машин. И мой голос отдан в пользу Деннета. Программа — это не отдельный субстрат, не эмерджентное дополнительное свойство, не новая физическая среда. Программа — дополнительный эффективный уровень описания поведения системы, исходящий из целей и функций. Сама по себе сеть из процессоров — не калькулятор, не компьютер, не текстовый редактор. Для того чтобы сеть стала «калькулятором», необходим наблюдатель, который бы ее таким образом интерпретировал. Всегда существуют множество уровней возможной интерпретации, и, конечно, самым базовым всегда остается уровень физических законов. Но вряд ли можно отрицать эффективность использования высокоуровневых языков. Это не избыточность, а полезное дополнение. На память приходит попытка Черчлендов воспитать собственных детей в духе элиминативизма. Родители пытались, чтобы дети исключили ментальные термины из своего лексикона. Трудно представить, как это должно было выглядеть: например, вместо того чтобы сказать «я хочу есть», ребенок должен был произнести что-то вроде: «мною зафиксировано изменение кислотно-щелочного баланса в же-

лудке, началось обильное слюноотделение и т. п.». Как много бесценного времени теряется!

Однако если и можно утверждать, что победа на стороне Деннета, это временное явление. Ведь в гипотезе Деннета есть еще два тезиса. С моей точки зрения, здесь соотношение сил может быть другое. Пусть мемы — неплохая теория для описания распространения культурных феноменов, социальных закономерностей, исторического процесса. Пусть не так важно, что процесс копирования мемов отличается от процесса копирования генов. Это нюансы. Вызывает сомнение последний, наиболее радикальный тезис Деннета: именно виртуальная машина мемов, машина, созданная в первую очередь из культурно-языковых конструкций, объясняет сознание. Эта позиция вводит четкий, как Рубикон, водораздел. Если установлена культурно-языковая виртуальная машина — сознание есть. А у летучей мыши, или даже шимпанзе... и даже у новорожденных такой машины нет, и сознания нет. Как черное и белое, Деннет не допускает переходных состояний. Позиция ясная, смелая и аскетичная. Но, мне кажется, недоказанная.

И автор, возможно, осознает этот недостаток. Как мы знаем, в «Сладких грезах» он делает оговорку, смягчает свои утверждения. Предположительно, способность вызывать реверберацию, эхо «контента» связана с установлением виртуальной машины мемов. Но эта гипотеза может быть опровергнута без опровержения всей теории. В конце концов, такая способность может быть обусловлена другими факторами, например, биологическими. Можно ли сделать вывод, что с появлением этой оговорки позиция Деннета существенно изменяется? Можно ли говорить о том, что мемы и виртуальная машина являются необходимыми элементами теории сознания Деннета?

В «Объясненном сознании» выражена наиболее полная версия теории американского философа. Однако существуют и более ранние варианты, в которых понятия виртуальной машины и мемов отсутствуют, феномен сознания не связан с появлением человеческой культуры. Хотя ключевые аспекты теории уже раскрыты. Так, в статье «Видим ли мы сны» Деннет развивает, как мы уже упоминали, «библиотечно-кассет-

ную» теорию снов. Эта теория радикально отличается от традиционного представления тем, что отрицает сам факт «просмотра», презентации снов. Сны — это воспоминания о снах, и никогда не актуальные «сновидения». «В мозге существует „библиотека“ непросмотренных снов с различными проиндексированными окончаниями...»¹⁵⁷, — предполагает автор. В памяти субъекта может одновременно храниться и редактироваться множество различных фрагментов снов (как в архиве видеоматериалов). Но ни один из них не проигрывается в «театре» перед уснувшим (метафора театра уже фигурирует). Выбор конкретного фрагмента из множества доступных происходит после просыпания под воздействием других факторов. Тип внешнего стимула, разбудившего субъекта, играет в этом не последнюю роль. С нашей точки зрения, архив непросмотренных видеоматериалов — прообраз множественных набросков, а внешний стимул — предвестник концепции пробы.

Уже в этой статье Деннет разрушает доверие к субъекту в вопросах о феноменальном: разве возможно с позиции первого лица провести различие между «подлинным» переживанием и только воспоминанием о переживании. «Как только мы соглашаемся, что субъективные, интроспективные или ретроспективные данные не имеют авторитета в... вопросе, являются ли сны переживанием — нам необходимы другие данные, поведение и психология спящих...»¹⁵⁸. И это относится не только к снам. Ведь задача статьи «Видим ли мы сны», как формулирует ее Деннет, не только предложить альтернативу в решении вопросов о снах, но и, в более широком плане, проследить связь между переживанием и памятью.

Автор вплотную подходит к представлению об иллюзорности феноменального. Возьмем, к примеру, его описания дежавю. В некоторых ситуациях субъекту может казаться, что он вспоминает увиденное ранее, — говорит Деннет. Но это иллюзия, иллюзия воспоминаний. Таким же образом, сны только кажутся увиденными, в действительности это только убеждение, некоторый теоретический конструкт. Феноменология сна, как позже феноменология в целом — фикция, согласно представлениям философа.

В «Мозговых штурмах» Деннет снимает противопоставление между переживанием и воспоминанием о переживании. *Expèrience est recordare*¹⁵⁹. Тем самым он вводит критерий для всех сознательных существ. «Могут ли животные иметь воспоминания? Если нет, они не могут иметь [субъективные. — Д. В.] переживания»¹⁶⁰. Мне кажется, что подобная позиция созвучна с приведенными выше высказываниями в «Сладких грезах». Вербализация опыта, конечно, эффективный инструмент для развития мнемо-способностей. В этом смысле человеческая культура позволяет усиливать механизмы реверберации контента. Но, возможно, эта функция исходно обусловлена биологическими факторами. Для того чтобы обладать сознанием, нет необходимости обладать языком, достаточно обладать памятью. Очевидно, гипотеза о мемах и роли культурной эволюции отсутствовала в ранних версиях теории сознания Деннета. Следовательно, нельзя утверждать, что эта часть является неотъемлемым элементом в концепции автора.

Резюме

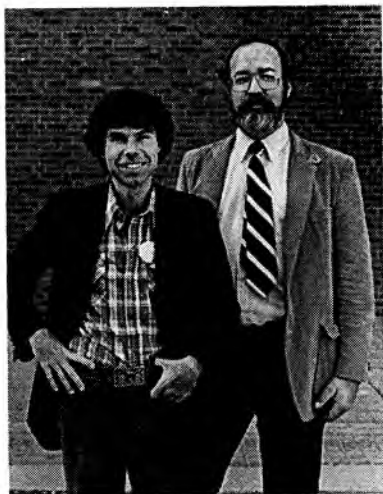
Итак, возможны две интерпретации. Если принимать «Объясненное сознание» за канонический текст, завершенное истолкование теории сознания Деннетом, а «славу в мозге» интерпретировать как разновидность ГРП, можно сделать вывод о значительных изменениях в позиции философа. Однако существует возможность непротиворечиво толковать концепцию Деннета от «Мозговых штурмов» до «Сладких грез». В рамках этого предпочтительного, на мой взгляд, подхода самым существенным в теории является отрицание представления содержания сознания гомункулусу. В Модели множественных набросков функции гомункулуса распределены между различными модулями мозга, а фаза представления отсутствует. Не признается граница, разделяющая осознанное и неосознанное содержание, переход информации из фазы обработки органами чувств к осведомлению субъекта. И кроме вербальных отчетов нет иного способа определить, когда и в какой последовательности содержание стало осознанным. В такой интерпретации виртуальная машина и мемы —

факультативная надстройка в системе. И эти элементы могут быть отброшены в случае эмпирического опровержения.

Даже в рамках стабильной версии теория Деннета сохраняет оригинальность и может являться примером философской концептуализации сознания. Только можно ли говорить, что эта концептуализация исчерпывающая, полностью удовлетворяющая потребность в объяснении? Даже с учетом дополнений, которые мы встречаем в поздних работах, решает ли философия Деннета основную задачу: объясняет ли она полностью феномен сознания? Пусть некоторая система функционирует точно так, как описывает ее Деннет. Пусть существует интенциональная система, в которой реализована когнитивная Модель множественных набросков; пусть существует система аутосканирования и усиления некоторых набросков, позволяющая сделать их на время «глобально доступными». Но разве такая система с необходимостью обладает субъективными состояниями? Разве можно с уверенностью утверждать, что любая подобная система — сознательное существо, субъект, способный к внутренним переживаниям и наделенный собственной волей? Для прояснения этих вопросов нам придется разобраться в вопросе о квалиа, о котором следующая глава.

Деннет в 8 лет

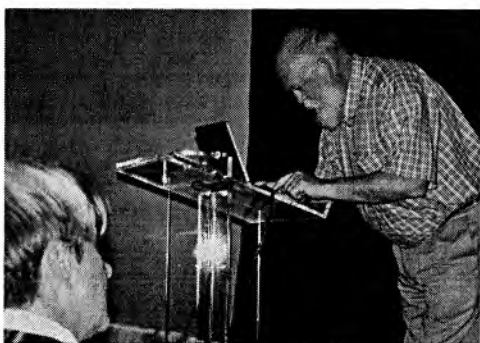
Д. Деннет и Д. Хофштадтер, 1982

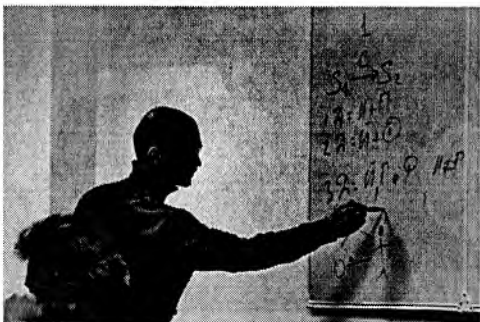
Д. Деннет на своем тракторе, более 20 лет назад

Д. Деннет и С. Гульд, 1995

Д. Деннет выступает на лайнере «Holland America».
Слева С. Блэкмор, 2005

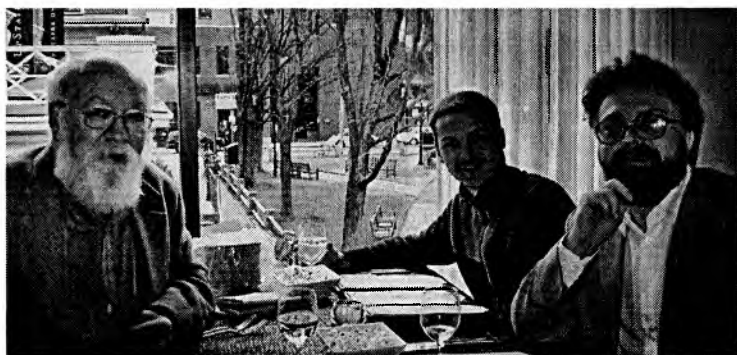
Выступление Д. Волкова на конференции по поводу мысленного
эксперимента Д. Деннета «Где Я?», 2008

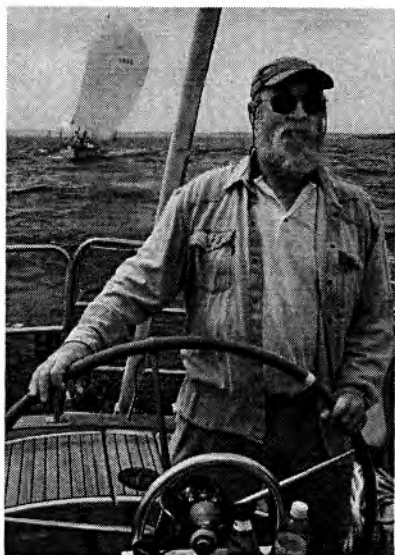
Джон и Дагмар Сёрл, Дэн и Сюзан Деннет, 2002

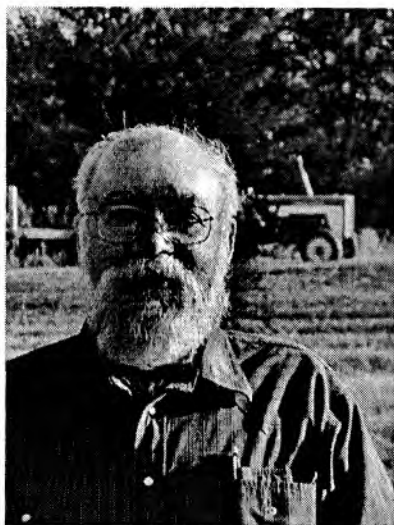
Сюзан и Дэниел Деннет, Сюзан Блэкмор и ее спутник, Дмитрий и Юлия Волковы на лайнере «Holland America», 2005

Д. Деннет., В. Васильев и Д. Волков в Кембридже, 2007

Д. Деннет участвует в парусной гонке Nevins Cup
на своей яхте «Ксантиппа», 2006

Д. Деннет и его старый трактор
на заднем фоне, 2010

Глава 3

Дисквалификация квалиа

1. Нерешенная трудная проблема

Изложенная выше концепция вряд ли может показаться удовлетворительным и полными объяснением сознания. Конечно, в ней описаны истоки рационального поведения, основные механизмы функционирования мозга, природа его вычислительных и лингвистических способностей. Но предмет исследования, вероятно, не исчерпан. Есть как минимум еще один обязательный ингредиент — феноменальные состояния субъекта, внутренние качественные переживания, которые соотносятся с сознательными состояниями и сопровождают деятельность нашего мозга. То, что на философском языке называется *квалиа* (от лат. *qualia* — мн. ч. свойства, качества). «Квалиа — незнакомый термин для обозначения того, что является самым близким для нас»¹⁶¹, наших восприятий. Это качественные характеристики наших сознательных состояний: мучительность боли, «краснота» красного, «горечь» обиды, «сладость» наслаждения. Квалиа — специфические субъективные переживания, которые составляют весь наш внутренний опыт. Из них состоит «каково это быть мной». В современном значении понятие было впервые использовано американским философом Кларенсом Льюисом в книге «Разум и мировой порядок» (1929), но и до Льюиса существовали близкие синонимы: непосредственные ощущения, феноменальные качества, качественное содержание ментальных состояний.

2. Квалиа как водораздел.

Оптимистические и пессимистические теории

Сторонники феноменальных состояний как ключевого аспекта сознания, квалофилы, убеждены: без объяснения этих фактов исследование сознания еще не началось. Это только преддверие теории. Но даже те, кто с настороженностью относятся к нередуцируемым субъективным качествам (одно из ключевых особенностей квалиа — их принципиальная субъективность; поэтому-то они и не могут быть редуцированы к объективным качествам) не оставляют этот вопрос без внимания. Избегать квалиа значит игнорировать проблему, искать необоснованно легкие решения.

Вопрос о квалиа — своеобразный водораздел в философском сообществе. Наиболее точно это показал Чалмерс в эссе «Навстречу проблеме сознания». Анализируя работы о сознании последних лет, он обнаружил закономерность. Оптимистически настроенные исследователи в качестве предмета своих изысканий всегда выбирают относительно легкие проблемы, то, что относится к способностям или функциям мозга: умение различать и реагировать на стимулы внешней среды, интегрировать информацию, способность говорить и понимать речь, фокусировать внимание, анализировать собственные состояния и т. п. Так, нейробиологическая теория сознания Крика и Коха объясняет эффект объединения данных, поступающих в различные модули мозга, теория Баарса — глобальную доступность этой информации в рабочем пространстве мозга, а Деннет — информационную осведомленность и речевое поведение. Но «оптимисты» обычно не пытаются решить трудную проблему, объяснить природу феноменальных состояний.

Квалофильство, однако, довольно рискованная альтернатива, и, отчасти, пессимистическая. Квалиативные состояния как исходный эмпирический факт — довольно тяжелый груз для любой теоретической модели. Взять его с собой — значит во многом отказаться от перспективы физикалистского объяснения

сознания. Наличие феноменальных состояний заставляет *новых мистерианцев* сделать вывод о когнитивной замкнутости человеческого разума по отношению к проблеме сознания. Объяснить исчерпывающе функции мозга, — считают Нагель, Левин, Мак-Гинн, — не составляет значительной трудности, если не сейчас, то в ближайшем будущем. Как и многие их оппоненты, они не сомневаются в перспективах нейрофизиологии и когнитивистики, в возможности найти ответы на множество вопросов о процессах и архитектуре мозга. А вот квалиа, по их мнению, не поддаются простому объяснению. Из функциональных описаний не следует наличие внутренней жизни и субъективных переживаний. Принципиально отсутствует возможность проследить эту связь. Таким образом, один путь квалюфилов — скептицизм или мистерианство.

Другим путем для сторонников «феноменальных состояний» может быть дуализм — замена «мистерии» на постулат о фундаментальных психофизиологических законах. В таком случае фокус исследователя переносится с выяснения связи на выявление и учет закономерностей. Хотя подобная позиция может служить базой для вполне конструктивной исследовательской программы, она все же содержит внутри себя нечто принципиально непрояснимое. В этом смысле в дуализме тоже есть оттенок пессимизма. Кажется, стоит принять феноменальные состояния «всерьез» как факт, как данность, начать с этого разработку системы, и исследование обречено. Чалмерс резюмирует: «Мораль всего этого в том, что объяснение сознания не может быть куплено так дешево»¹⁶². И Чалмерс не оптимист.

А Деннет — оптимист. И при этом, вопреки утверждениям Чалмерса, он не игнорирует специфику феноменальных состояний. Его специфический рецепт — программа дисквалификации квалиа. Деннет считает, что большая часть проблемы надумана философами. И предлагает попытаться отбросить спекулятивный балласт, разоблачить «трудную проблему», выявить ее внутреннюю противоречивость, ошибочность. Тогда проект объяснения сознания будет в основном осуществлен. В своей теории Деннет пытается остаться на физикалистских позициях. Он надеется доказать, что феноме-

нальные состояния — как описывают их многие исследователи — не эмпирический факт, очевидность, с которой так или иначе, придется иметь дело, а вымышленные теоретические конструкторы. Это гордиев узел философов, который философу нужно разрубить. Позиция Деннета близка позиции его университетского кумира, Витгенштейна, писавшего, что «феноменологии не существует, но существуют феноменологические проблемы»¹⁶³. Своей задачей Деннет считает расчистку места для науки от подобных логических проблем, от ложных понятий и уводящих в сторону мысленных экспериментов, таких как Инвертированный спектр, Зомби, Летучие мыши, Нейроученый Мэри. Они создают иллюзорные препятствия. Об этих препятствиях и о способах борьбы с ними Деннета пойдет дальше речь.

3. Деннет о квалиа

Вопрос о специфике квалиативных состояний присутствует в публикациях Деннета с самого начала. Он рассматривается философом уже в «Контенте и сознании», в частности, в главе о «Ментальных образах». Но по одной из автобиографических статей можно проследить истоки этих идей в еще более ранний период. Как признается философ, на курсе по эпистемологии в Гарварде, который вел Родерик Фирт, ему пришла показавшаяся крайне важной мысль. Мысль о том, что квалиа, запах кофе или «краснота» красного, одним словом, любое феноменальное свойство, не может быть таковым в силу только каких-то внутренних, не поддающихся дальнейшему анализу качеств. Внутренние качества могут измениться без изменения субъективного восприятия. А значит, они не важны (или вообще не существуют?). Важны другие свойства... функциональные, реляционные. Правда, тогда, в студенческие годы, он еще не использовал этих терминов. Они появились уже в статье «Куайнирование квалиа».

Первый набросок этой важной статьи относится к 1978 г., но публикация состоялась лишь десять лет спустя, после многочисленных выступлений и обсуждений в кругу коллег. Тогда

это была уже четвертая версия, но еще не последняя. Глава «Дисквалификация квалиа» в «Объясненном сознании» — еще одна попытка развить найденные аргументы, как, впрочем, и статья «Вместо квалиа» (1994). На протяжении всего этого времени автор последовательно придерживается одной позиции в отношении квалиа: сознание не обладает никакими особенными специфическими субъективными внутренними свойствами, квалиа не существует.

Замысел автора ясен сразу из заголовка первой статьи «Куайнирование квалиа». Но для этого нужно знать специфический философский жаргон. «Куайнирование» — термин философско-сатирического словаря под редакцией Деннета, в котором имена нарицательные (философов XX в.) превращаются в эпитеты и метафоры. «Куайнирование» — это, конечно, от Куайна, и означает «решительно отрицать существование и важность чего-то реального и значительного». В своей философии Деннет собирается решительно опровергнуть существование квалиа, при этом он понимает: проект сложный, контринтуитивный. Да разве можно подвергать сомнению нечто, так хорошо известное?

Классическим вопросом в обсуждении квалиа являются перцепции цвета. Сейчас нам предстоит разобраться, что такое цвет. Это объективное свойство поверхности? Внутреннее качественное восприятие этого признака субъектом, квалиа? Или функциональное свойство? Если мы не сможем объяснить цветность иначе, чем с помощью квалиа, теории сознания Деннета придется сыграть траурный марш. Выбор останется в основном между пессимистическими теориями. Но не будем спешить с диагнозом.

4. Цвет — это квалиа?

Объективная природа цвета — электромагнитное излучение, отражающееся от предмета. Но самого излучения недостаточно, чтобы объяснить феномен цветовых ощущений¹⁶⁴. Изменение в характере излучения (например, в связи с изменением освещенности предмета) часто не приводит к изменению перцепции цвета. Ощущения оказываются устойчивыми вопреки

объективным изменениям освещенности. Некоторые объекты с совершенно различными отражательными способностями могут восприниматься как одинаковые по цвету (эта особенность восприятия называется метамерией). И, наоборот, могут вызывать различные цветовые перцепции, хотя отражающие свойства поверхности идентичны (как в случае с оптической иллюзией на шахматной доске Адельсона). Выходит, цветовая характеристика объекта — черта во многом специфичная для нашего внутреннего опыта.

То, что цвет (как и вкус, запах, звук) не является полностью объективным свойством внешнего мира, не новость. В отличие от формы, протяженности, плотности, цвет тесно связан с наблюдателем. Это заметил еще Д. Локк, и поэтому он отнес цвет к так называемым вторичным качествам вещей. Цветовые характеристики для Локка не поддаются дальнейшему анализу, они являются «простыми идеями». Природу этих идей Локк объясняет как силу или предрасположенность поверхности вызывать у наблюдателей цветовые ощущения. В таком абстрактном виде определение не может противоречить и современным физическим представлениям.

5. Цвет как реляционное качество

«Цветность» трудно найти вовне. В этом отношении Деннет продолжает линию Локка. Но его вряд ли могут устроить «простые идеи» цвета внутри. Наличие пигмента, ментальных красок в голове означает возвращение в парадигму Картезианского театра, восстановление шоу и зрителя. Ведь краски должен кто-то созерцать. Опять гомункулус?! Опять перед нами альтернатива бесконечного регресса? Как можно обойтись без всего этого? Есть путь полного отрицания. Можно утверждать, что цвета не существует нигде: ни вовне, ни внутри. Но это путь отрицания очевидности. Ведь ясно, что между красной шубой Деда Мороза, красными полосами на американском флаге и банкой Кока-колы есть что-то общее, кроме словесной характеристики «красный»¹⁶⁵. Путь отрицания противоречит здравому смыслу. И Деннету нужно найти более органичное решение — способ объяснить

возможность различать и воспринимать цвета без апелляции к цвету, без пигмента во внешнем и внутреннем мире. Объяснение должно быть построено так, чтобы избежать логического круга.

На решение головоломки с цветом Деннета наталкивает Кэтлин Экинс, коллега и специалист в области нейронауки. Цвет — это релятивное свойство, — подсказывает Экинс. За ним стоит не один признак, а сложный комплекс отношений, изначально предназначенный для кодирования и передачи эволюционно значимой информации — например, сигналов «съедобно», «несъедобно», «опасно», «полезно». Организмы способны эффективно декодировать эти сообщения, хотя алгоритмы декодирования для них самих непрозрачны, неосознанны. Вот иллюстрация, которая поможет нам разобраться с этим предложением. В 1953 г. состоялся знаменитый процесс над Джулиусом и Этел Розенберг, которые были обвинены в шпионаже в пользу Советского Союза. Для передачи информации о Манхэттенском проекте Розенберги использовали сеть шпионов и специальный механизм их идентификации — половинки разорванной конфетной коробки. Стоило незнакомцу представить недостающую часть, и становилось ясно: предъявитель является доверенным лицом.

В этом примере любопытно то, что способ идентификации предельно прост, но провести более глубокий анализ его алгоритмов сложно. Неправильная форма обрывка — не простой признак, но он просто идентифицируется соответствующим детектором, с помощью второй недостающей части. Деннет считает, что природа могла воспользоваться подобными методами для организации кооперации видов.

Цвет существует потому, что он имеет практическое значение в эволюции. Цвет — инструмент межвидовой кооперации. Спелые яблоки краснеют, и становятся более заметными для тех, кто их поедает и разбрасывает их семена. Яркая окраска некоторых пресмыкающихся защищает их от нападения, а нападающих предупреждает: «не трогай меня, ядовито». Результат — взаимная выгода. За окрасом животных, растений стоят разнообразные физические свойства, но их исходное предназначение — передать функциональные сигналы. Какой

толк, скажите, изумрудам быть зелеными, а рубинам — красными? Для неodarвиниста побочный эффект не затруднение. Щедрая природа создает разнообразные свойства, и не беда, что часть из них остается невостребованной. Камни вообще находятся под эволюционной лестницей, но все равно яркие рубины и изумруды в цене выше, чем серый, почти бесцветный известняк. Почему небо голубое? Потому что яблоки красные, а кишмиш темно-фиолетовый, но не наоборот¹⁶⁶. Итак, для объяснения возможности распознавать цвет нет необходимости апеллировать к одному простому физическому признаку и искать пигмент где бы то ни было. «Желтый» цвет в мире может быть набором различных свойств, а «желтый» в наших восприятиях — некоторое состояние нейронных сетей мозга, которое вызывается этим набором свойств. Цвет — релятивное качество, это пары: набор воздействий — набор состояний детектора.

Такое решение обладает рядом преимуществ. Во-первых, оно не заставляет прибегать к «ментальным идеям» в головах и бесконечному регрессу. Во-вторых, оно объясняет «парадоксальные» оптические иллюзии. В-третьих, оно объясняет нашу принципиальную неспособность указать специфику ощущения цвета, кроме как остенсивным образом. Выходит, до появления детекторов цвета у различных организмов закаты и рассветы были скучно бесцветные. Вот мир, лишенный разнообразия!

Помимо эстетических соображений, однако, возникает опасное для Деннета следствие. Если цвет всегда релятивное качество, существующее только в связке «признак — детектор», то природа цвета необходимо субъективна. Для цвета будет всегда действовать принцип Беркли *«esse est percipi»* (существовать, значит, быть воспринимаемым). Цвет нельзя будет помыслить вне системы идентификации. Он будет только инструментальной характеристикой. Естественно, Деннета не должно полностью устраивать такое решение. Оно сохраняет суверенитет субъекта и подвержено критике. Существование цвета, как, впрочем, и любых иных качественных состояний, только в связке с субъективными состояниями вынуждает его признать нередуцируемость субъективного. И делает

теорию цвета уязвимой для критики, подробно разобранной в конце первой главы. Чтобы остаться верным исходной тактике — сохранить, но натурализовать ментальный диалект, — Деннет должен найти относительно независимую формулировку «вторичных качеств».

Полезный ход в сторону от «субъективизма» и «релятивизма» в отношении природы цвета найден им в диалоге с Розенталем. В своей комментарии к статье «Независимость сознания и сенсорные качества» Деннет поддерживает и развивает позицию автора. По его мнению, связь с наблюдателем может быть разного рода: сильная и слабая. Сильная, как в случае с признаком «подозреваемый», слабая — по аналогии с признаком «привлекательный». Каждое из перечисленных определений связано с классом наблюдателей. Подозреваемый, может быть, и не виноват, но обязательно присутствие подозревающего. И привлекательность тоже относительна. Ведь привлекательные морские слоны привлекательны только для морских слонов. А привлекательная женщина для морских слонов, может быть, — не очень. Но в двух случаях есть существенная разница. Признак «подозреваемый» предполагает случившийся факт, а «привлекательность» может быть потенциальной. Цвет — не «подозрительная» характеристика, а «привлекательная». Иными словами, в терминологии теории интенциональности Деннета цвет — реальная схема. Цвет объективно существует еще до существования цветковых детекторов и будет существовать, если они исчезнут. «Цветов бы не существовало, если бы не существовали наблюдатели с цветным зрением... Но это не делает цвет... „подозрительным“ свойством»¹⁶⁷. Итак, цвет — это объективная диспозиция, она находится в слабой связи с воспринимающим субъектом. И закаты до появления романтиков были объективно диспозиционно-романтическими.

Но как быть с воспоминаниями о закатах? Они тоже бывают цветными. Что составляет диспозиции цветных воспоминаний? Как можно объяснить цветовые характеристики вспоминаемых или воображаемых объектов? Мы установили, что цвет может быть в некотором смысле изолирован от наблюдателей, но может ли он быть изолирован от внешних объектов?

Попробуем разобраться с процессами, которые происходят, когда мы манипулируем палитрами в памяти или воображении. Например, сравниваем красный цвет полос на государственном флаге США и цвет одежды Деда Мороза, или желтый цвет сливочного масла и желтую кожуру лимона. Один из возможных вариантов такой: субъект вызывает из памяти информацию об образе флага США и одежды Деда Мороза, воспроизводит перед мысленным взором два цветных изображения с высокой степенью детализации и сравнивает их между собой, как сравнивает два внешних графических объекта. Этот вариант картезианский. Другой вариант не требует воспроизведения цветных ментальных образов. Этот способ — вычислительный. Можно сравнить цвета напрямик, как, например, делают это компьютеры.

Компьютер или робот, решающий эту задачу, обратился бы к памяти, в которой хранятся данные о флаге и костюме Деда мороза. Нашел бы, что полосы флага помечены цветом № 163, а шуба — № 172. Произвел бы простейшее вычисление, результат которого интерпретировал, например, так: красный шубы Деда Мороза немного ярче, чем красный американского флага. Деннет считает, что операции с цветами в воображении и памяти человека происходят именно так, т. е. без отрисовки пигмента. «Такую разницу, которую люди предполагают между любой машиной и любым ощущающим субъектом... я как раз уверенно и отрицаю. Нет разницы. Она только кажущаяся»¹⁶⁸. И в этом он опирается на свои выводы относительно ИИ.

Подведем промежуточные итоги. Итак, мы продвинулись в понимании природы цвета. Согласно представлениям Деннета, цвет существует как функциональная связь между свойствами внешнего мира, состояниями мозга и нашими суждениями о цвете. И во внешнем мире, и в мозге есть реальные схемы, но цветного, красочного (пигментированного) в них ничего нет. Ничто и нигде не должно окрашиваться, когда мы воспринимаем «желтое», «зеленое», «красное». Таким образом, философ избегает логического круга в объяснении. Деннет дважды использует локковский ход. Первый раз, когда соглашается с британским философом в том, что во внешнем

мире есть только объективные диспозиции вызывать у определенных наблюдателей цветовые ощущения. Второй раз, когда определяет цветовые ощущения наблюдателя как объективные диспозиции физиологических состояний побуждать к высказываниям о цвете. И даже усиливает локковскую аргументацию, введя различие «сильной» и «слабой» реляционной связи. Такой подход позволяет примирить феноменологическую позицию, взгляд со стороны первого лица, с позицией объективной науки, в то же время избавившись от субъективизма. Может сложиться впечатление, что теория цвета Деннета в целом благополучна. Попробуем, однако, критически взглянуть на этот подход.

Деннет развивает вариант «диспозиционной тактики» объяснения (Райл должен был остаться доволен своим студентом). Он утверждает, что цвет — не более чем некоторый набор разнообразных физических признаков, способный вызывать у людей определенные состояния мозга и побуждать их высказываться о цвете. Но разве таким образом нельзя определить все что угодно? Например, форму круга — как диспозицию вызывать у людей определенные состояния мозга и высказывания о круге. Даже стулья можно определить как объекты, обладающие диспозицией вызывать высказывания о стульях! Подобное возражение против «диспозиционализма» выдвигают Алекс Бирн и Дэвид Хилберт, теоретики реализма цвета¹⁶⁹. Как может парировать это возражение Деннет? Он может ответить, что цвет, в отличие от, например, формы, есть результат общего эволюционного процесса. Поэтому релятивное определение здесь уместно, а в случае, например, с формой или другими признаками — нет. Рассуждения об эволюционном дизайне здесь кажутся нам не всегда однозначно продуктивными.

Эволюция видов — сложный процесс. Наряду с полезными функциями появляется множество побочных. Да и выделение полезных функций затруднено. Виды не только кооперируются, но и борются между собой за выживание. Поэтому наши объяснения признаков с помощью эволюционных аргументов всегда будут спекулятивными. Можно интерпретировать цвет как механизм передачи сообщений, но какие это

сообщения в каждом конкретном случае, точно мы никогда не можем сказать. Зеленое яблоко и зеленый виноград — это признак неспелости фруктов, или просто такой сорт?

6. Аргумент Инвертированный спектр

Но лучший вариант оспорить «диспозиционную тактику» Деннета — показать, что она все еще не объясняет качественный аспект внутренних переживаний, цветовых перцепций в частности. Ссылка на «очевидность», похоже, уже недостаточно. Деннету ясно, что функциональные характеристики и интенциональность полностью объясняют качественные состояния, а его противникам ясно обратное. Для проведения серьезной атаки на функционализм и диспозиционализм Деннета нужен аргумент. Оппоненту американского философа необходимо найти ситуацию, способную продемонстрировать нетождественность качественных переживаний и репрезентативных, физических состояний организма. Ситуацию, в которой цвет как квалиа можно было бы изолировать от всего остального. И такая гипотетическая ситуация есть. Она известна из текстов того же Локка. По иронии судьбы, истоки у некоторых ключевых решений и проблем для философии Деннета совпадают. Британский эмпирик пишет: «...идея голубого, имеющаяся у одного человека, может отличаться от этой идеи у другого». И далее: «В наших простых идеях не было бы ничего от ложности и в том случае, если бы вследствие различного строения наших органов было бы так определено, что один и тот же предмет в одно и то же время производил бы в умах нескольких людей различные идеи...». «Идеи» Локка в данном случае нужно понимать как перцепции цвета. Значит, Локк предполагает возможной следующую ситуацию: цветовая перцепция, вызванная у одного человека синим, может соответствовать цветовой перцепции, вызванной у другого желтым. При этом оба человека могут вести себя абсолютно одинаково и узнать о различии не будет никакой возможности, «потому что ум одного человека не может перейти в тело другого»¹⁷⁰. Описанный случай как раз подходит как пример

размежевания качественных феноменальных и функциональных состояний. И, кажется, подходит для обоснования критики Деннета.

Интерсубъективная версия

Эта гипотетическая ситуация стала называться Инвертированным спектром¹⁷¹ (ИС). Поскольку речь в ней идет о сопоставлении между двумя и более субъектами, она обозначается как интерсубъективная версия (в отличие от интрасубъективной версии, о которой речь пойдет позже). В общем доработанном виде она может быть выражена так:

1. Два человека, А и В, имеют одинаковый набор цветовых перцепций и их обозначений.
2. Восприятие цвета внешних предметов у А и В систематически отличаются.
3. Это различие не может быть обнаружено в поведении А и В (и иными способами другим субъектом).

Если гипотеза состоятельна и такая ситуация осуществима, этот пример представляет трудность для семантики цветовых обозначений. Но не только. Его можно использовать в качестве опровержения любых бихевиористских теорий мышления. В некоторых интерпретациях он может быть аргументом за существование квалиа и за непознаваемость других сознаний. Он может представлять трудность для функционализма и даже материализма в целом. Как видно, это очень продуктивная гипотеза. Неудивительно, что она получила значительный резонанс в философии сознания XX в. И Деннет назвал ее «одним из самых вредоносных мемов в философии»¹⁷².

Защита против гипотезы Инвертированного спектра может быть построена несколькими способами. Во-первых, можно попытаться оспорить ее логическую состоятельность и утверждать, что она противоречива и/или просто не имеет никакого смысла. Во-вторых, можно оспаривать практическую возможность инвертированного спектра, опираясь на эмпирические данные. Можно попытаться показать, что в случае цветовой инверсии с помощью наблюдения за поведением или другими специальными способами наблюдения разницу

между двумя субъектами всегда можно будет установить. Некоторые философы выбирают второй путь (Хилберт, Хардин и др.). Деннет останавливается на первом. Он атакует гипотезу «инвертированного спектра» априорными средствами, применяет к мысленному эксперименту что-то вроде языковой терапии.

Возражение Деннета

По его мнению, само содержание гипотезы определяет ее бессмысленность. Если нечто отличается, но это отличие нельзя обнаружить, — это бессмыслица. В самом деле, по условиям мысленного эксперимента никто не в состоянии выявить разницу. Субъекту свои перцепции цвета не с чем сравнивать, а сравнение с другим субъектом напрямую, минуя поведение, принципиально невозможно. Тогда как мы можем говорить о различиях, которые не имеют никакого значения, никакого эффекта?

Основания так считать у Деннета, вероятно, верификационистские, в духе логических позитивистов и Витгенштейна. В «Объясненном сознании» и в статье «Куайнирование квалиа» он прямо ссылается на текст «Философских исследований»: «Вещь в коробке вообще не принадлежала бы к языковой игре даже в качестве некоего нечто: ведь коробка могла бы быть и пустой. Верно, тем самым вещь в этой коробке могла бы быть „сокращена“, снята независимо от того, чем бы она ни оказалась»¹⁷³. Витгенштейн, и Деннет вслед за ним, атакуют приватность субъективного опыта. Но должен ли авторитет Витгенштейна как-то укрепить позицию американского философа?

Считается, что согласно позиции Витгенштейна для признания гипотезы ИС бессмысленной достаточно, чтобы различия между нормальным субъектом и инвертом не обнаруживались в условиях обычной языковой игры, в обыденных житейских ситуациях. То есть Витгенштейн узко трактует пункт третий нашего сценария. Но такая позиция уже плохо соотносится с данными современной науки о зрении. Различия в цветовом восприятии, которые нельзя наблюдать в обычной беседе, можно обнаружить с помощью экспериментов и нейрофизиологических исследований. В работе проф. Мартины

Нида-Рюмелин из Фрайбургского университета с интригующим названием «Псевдонормальное зрение: реальный случай инверсии квалиа?» рассматривается эмпирическая гипотеза о существовании людей с инверсией красного и зеленого. Выводы автора опираются на современные представления о физиологии цветового восприятия.

Как считают ученые, цветовые ощущения связаны с возбуждением цветочувствительных рецепторов сетчатки — колбочек. У здоровых людей ощущение красного возникает тогда, когда возбуждение К-колбочек выше, чем З-колбочек. А зеленого — наоборот. Однако если в этих колбочках фотопигмент совпадает, их активность всегда будет идентичной. Такой человек будет дальтоником в отношении красного и зеленого цвета. Подобные случаи хорошо известны. Дальтонизм в отношении красного и зеленого наступает в двух случаях. Во-первых, если в К-колбочках будет пигмент, которые обычно содержится в З-колбочках. Во-вторых, если в З-колбочках будет пигмент, который есть в К-колбочках. А что, если пигмент в К-колбочках и З-колбочках будет поменян местами? Такой гипотетический случай получил название «псевдонормального зрения» (ПНЗ). Согласно прогнозам, основанным на законах наследственности, он должен встречаться у 14 из 10 000 мужчин.

Феномен ПНЗ опровергает совместимость положений «инвертированного спектра» и доказывает его практическую невозможность как минимум в части случаев. Квалиативные изменения между нормальным субъектом и субъектом с ПНЗ все-таки могут быть выявлены в лабораторных условиях, при выполнении специальных заданий и интервьюировании. Так, ПНЗ может обнаружить себя в суждениях о характеристиках цвета. Красный цвет, например, таким субъектом будет восприниматься как холодный, а зеленый — как теплый. Отличаться будут и суждения о некоторых отношениях между цветами. Но даже в таком случае «псевдонормальное зрение» представляет собой угрозу для теории цвета Витгенштейна, — считает М. Нида-Рюмелин. Ведь Витгенштейн отрицает возможность инвертированного спектра на основании только участия в соответствующей языковой игре. Он не допускает, что эмпирические сведения и специальные способы тести-

рования в лаборатории могут показать что-то новое, сказать что-то о приватном. Витгенштейн для идентификации цветовых перцепций не требует выходить за рамки обыденных языковых ситуаций. С швейцарской исследовательницей согласился бы в этом и другой современный философ Н. Блок. Он полагает, что опасность для витгенштейнианской позиции возникает не только тогда, когда поведение инверта и не-инверта совпадает. Но когда они оба являются обыкновенными участниками языковой игры: «мой тезис в том... что инвертированная пара, оба представителя которой „нормальны“, уже представляет собой проблему для Витгенштейна...»¹⁷⁴.

Вероятней всего, авторитет Витгенштейна не безусловен в ситуации с инвертированным спектром, и ссылки на него не укрепляют позицию Деннета. В контексте упомянутой работы Нида-Рюмелин можно заключить, что и некоторые обобщения автора «Объясненного сознания» нуждаются в уточнении. В частности, его мнение, что консенсус среди современных ученых и философов уже достигнут, и что он в том, что «интерсубъективные сравнения квалиа даже с применением новейших технологий невозможны»¹⁷⁵. Судя по всему, изучение физиологических особенностей зрительных органов и специальное тестирование могут пролить некоторый свет на интерперсональные различия перцепций.

Теперь вернемся к исходному тезису. Деннет считает, что гипотеза об инвертированном спектре (ее интерсубъективный вариант) не имеет смысла, она бессмысленна, так как не-верифицируема. Но, может быть, эта гипотеза имеет смысл и верифицируема, но только вообще нереализуема? Деннет не утруждает читателя деталями современной теории цветового восприятия. И напрасно, эти исследования внесли бы немало любопытных уточнений. Дьявол, как известно, кроется в деталях. И в случае с Китайской комнатой Деннет хорошо это понимает. А здесь, наоборот, он не обращает внимания на такую важную особенность, как несимметричность цветового пространства.

Мы легко допускаем реализуемость ИС, потому что интуитивно предполагаем эквивалентность цветов. Белый, красный, оранжевый, желтый — кажется, будто все это равнознач-

ные характеристики, одинаково простые, элементарные свойства. Но это не так. Цвет имеет феноменальную структуру, его можно анализировать. Можно провести его декомпозицию: разложить на тон, светлоту и насыщенность. Чем выше *светлота*, тем тон ближе к белому, чем ниже светлота — тем он ближе к черному. Снижение *насыщенности* делает тон более блеклым. Так, пастельные тона — наименее насыщенные. Тона, вовсе лишенные насыщенности, — белый, черный, серый. Если каждую из характеристик отложить на оси координат и разместить все различаемые человеком оттенки в этом трехмерном пространстве, получится фигура, похожая на ту, что предложил художник и исследователь Альберт Манселл в начале XX в. Это цветовое пространство.

По оси L отложена «светлота», удаленность от этой оси показывает «насыщенность» S , а угол определяет цветовой тон. Фигура Манселла несимметрична, это ее ключевая особенность. Любая попытка найти строгую геометрическую форму для цветового пространства будет противоречить эмпирии. «Желание вписать (цветовое пространство) в геометрическую форму, такую как пирамида, конус, цилиндр или куб, в сочетании с недостатком точных экспериментов приводят к искажению цветовых отношений. При точном изучении значений светлоты и насыщенности становится очевидно, что никакая правильная форма не подходит»¹⁷⁶. На рис. 3.1 заметно: самые насыщенные оттенки желтого намного светлее, чем самые насыщенные оттенки синего или красного¹⁷⁷. Но какое это имеет значение для интересующей нас гипотезы?

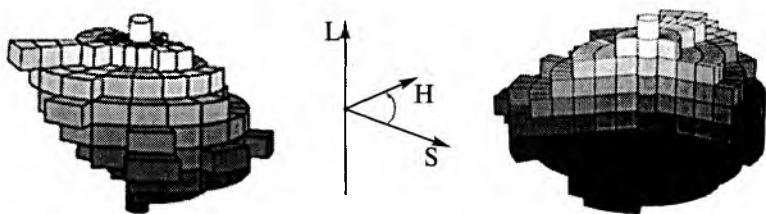

Рис. 3.1. Цветовая схема Манселла (схему в цвете см. на web-странице данной книги на сайте <http://URSS.ru>)

Фигура Манселла позволяет заключить: если первое и второе условия гипотезы «инвертированного спектра» выполнены, третье фактически выполнено быть не может. То есть в ходе эксперимента можно будет всегда установить различия в поведении А и В. Предположим, А — субъект с нормальным зрением, а В — инверт, субъект с перевернутыми на 180 градусов цветовыми ощущениями. Он воспринимает, например, синий так, как А — желтый, и наоборот, желтый, как синий. Тогда В на соответствующий вопрос будет сообщать, что самый насыщенный оттенок синего светлее, чем самый насыщенный оттенок желтого, и наоборот. Поскольку между синим и красным больше распознаваемых оттенков, чем между желтым и зеленым, инверт опять проявит свои отличия, а именно, не сможет выявить некоторые различия, которые бы обнаружил нормальный субъект. К тому же он счел бы желтый холодным оттенком, а синий — теплым. Таким образом, подобная инверсия принципиально обнаружима, как, впрочем, и любые другие варианты цветовой инверсии (несистематическая инверсия, инверсия по светлоте и т. п.). И, значит, допущение Локка ошибочно, а гипотеза практически нереализуема.

Данные об асимметрии цветового пространства стали использовать для критики гипотезы «инвертированного спектра» еще в начале 70-х гг. Этот вопрос подробно разобран Л. Хардином в классической монографии «Цвет для философов...» (1988). Но Деннет в своих работах, насколько нам известно, его игнорирует. Он продолжает настаивать на неverifiedности гипотезы. И в «Объясненном сознании» предлагает доказательство от противного.

Аппарат для сканирования цвета в мозге

Предположим, что интерсубъективная верификация возможна. Например, с помощью специального аппарата, сканирующего визуальные образы мозга. Аппарат прикрепляется к голове и через кабель передает изображение, которое видит один субъект, другому. Как только машина заработает, можно будет провести верификацию? Деннет не согласен. Для того чтобы создать и запустить аппарат, необходимо его настроить.

При этом для настройки нужно будет ориентироваться на высказывания обоих субъектов. Когда суждения о цвете будут совпадать, тогда машина может быть признана работающей правильно. Но это возвращает нас к исходному пункту! Вывод: различия неверифицируемы в принципе.

Конечно, мы не согласны с частными выводами относительно этого мысленного эксперимента Деннета. Из того, что было сказано выше об асимметричности цветового пространства, следует: калибровку машины можно было бы провести в соответствии с суждениями субъектов. Но эти суждения в случае инверсии совпадали бы только частично. Детализированное интервью неизбежно показало бы различия в восприятиях, а значит, продемонстрировало бы различие в топографии цветового пространства. Ведь принципиально незаметная инверсия, описанная в нашем случае, как было показано выше, невозможна.

Если бы гипотеза ИС без проявлений в поведении была бы осуществима и мы смогли в деталях представить подобные случаи, различные бихевиористские подходы к объяснению сознания потерпели бы крах. Если бы гипотеза ИС без каких-либо проявлений для любого стороннего наблюдателя (исследователя, вооруженного всеми возможными инструментами наблюдения) подтвердилась, и были найдены подобные случаи, научные методы исследования сознания, методы от третьего лица потерпели бы крах. Основным методом стала бы интроспекция, саморефлексия. Но в случае с нормальным человеческим зрением таких случаев не найдено, и практическая их возможность крайне сомнительна. В таком случае, есть ли разница между выводом о том, что гипотеза бессмысленна или неосуществима? И что имеет в виду Деннет, когда говорит о бессмысленности интересубъективной версии ИС?

Вряд ли то, что гипотеза — просто ничего не обозначающий набор знаков, абракадабра наподобие выражения «Глокая куздра бодланула бокра и кудрячит бокренка». За предложениями гипотезы ИС читатель явно может усмотреть денотат. Тогда это противоречие. Вероятно, второй тезис противоречит третьему, подобно утверждению «существует А такое,

что оно не-А»? Может, понятие «различие» предполагает обязательно «обнаружение» каким-либо субъектом. То есть второй тезис противоречит третьему. «Отличие» — явно реляционное качество. Оно предполагает наличие как минимум двух различающихся вещей. Но требует ли оно наличие различающего их субъекта? Отличие не обязательно должно быть актуально различено. Но потенциально все-таки должно. Как «привлекательные» свойства у Розенталя. Значит, мы столкнулись с противоречием? Если интерпретировать гипотезу следующим образом: существует отличие, и это отличие выявить принципиально невозможно, — то дело обстоит именно так. Когда Деннет говорит о бессмысленности, он имеет в виду именно самопротиворечивость гипотезы. Ведь из противоречия следует все, что угодно.

Пространство логических возможностей шире, чем пространство физических. Бесполезно искать в природе примеры круглых квадратов или бесцветно-зеленые идеи, — их возможность отменена еще на подходах к нашему восприятию логической противоречивостью. В таком случае второй путь опровержения ИС любопытный, но излишний. Но и Деннет делает ряд лишних дополнительных шагов — мысленный эксперимент со сканером мозга.

Интрасубъективная инверсия

И все-таки гипотеза ИС не обязательно должна быть сведена к противоречию. Возможны не только другие ее интерпретации, но и другие формы. Например, гипотеза интрасубъективного ИС. «Идея, кажется, пришла на ум сразу нескольким людям независимо»: Гертю, Патнему, Тэйлору, Шумейкеру, Лициану, — пишет Деннет в «Объясненном сознании»¹⁷⁸. Деннет почему-то среди авторов идеи не указывает Витгенштейна, на которого ссылается в других местах, хотя Шумейкер считает именно Витгенштейна первым мыслителем, обратившим внимание на такую альтернативу и даже допустившим ее логическую возможность. Итак, в этой версии ИС инверсия случается в сознании одного человека в течение его жизни. И, следовательно, он сам может осуществить ве-

рификацию изменений. Одно из возможных описаний этой ситуации такое.

Ранним утром вы просыпаетесь и обнаруживаете, что трава стала красной, небо желтым и т. д. Но по реакции других вы понимаете, что никаких аномалий они не замечают. Значит, изменения произошли только в вашей голове. Вот это да, произошла цветовая инверсия! Вероятно, во время сна что-то случилось со зрением. Вдруг это какой-то злодей-хирург изменил соединения зрительного нерва таким образом, что теперь цвета воспринимаются наоборот?

На первый взгляд этот вариант ИС обладает существенными преимуществами. Он верифицируем и не кажется противоречивым. О том, что произошли какие-то изменения с квалиа, будет свидетельствовать сам субъект. Но это лишь полпути к торжеству квалофила. Для того чтобы аргумент работал как доказательство существования квалиа и как опровержение функционализма, необходимо, чтобы цветовая перцепция могла быть изолирована от реакций. Изменение квалиа нужно произвести, но поведение, реакции должны восстановиться. Мысленный эксперимент надо привести к форме:

1. Один и тот же человек во время t и t' имеет систематические различия восприятий цветов.
2. Если поведение этого человека полностью нормализовано, различие восприятий во время t и t' останется, но никак не будет обнаружено другим человеком.

Для восстановления реакций Деннет допускает такое продолжение: помимо манипуляций с зрительным нервом, изменившим характер восприятия, во время сна будет происходить еще одно изменение. Изменится конфигурация нейронных сетей, отвечающая за реакции на восприятие. Теперь все реакции, которые были сопряжены с зеленым цветом, сопряжены с красным, и наоборот. В результате получится, что квалиа инвертируются, но поведение и реакции останутся неизменными. Только предложив сценарий, Деннет его сразу опровергает.

Ситуация возможна только если существует Картезианский театр, место, где неосознанный контент осознается субъектом. Но согласно Модели множественных набросков такого

места в мозге нет. Нет черты, четко разделяющей еще неосознанные от уже осознанных восприятий. А значит, — считает Деннет, — нет возможности мгновенно произвести такую искусственную «перенастройку» нейрофизиологических схем. И этот мысленный эксперимент не имеет смысла, как и интересусубъективная его версия.

Вероятно, перенастройка с помощью нейрофизиологической операции нереализуема. Да большинство сторонников ИС и не используют подобные фантастические измышления. Так что Деннет поражает здесь, скорее, ветряные мельницы, а не доводы оппонентов. Искушенные полемисты описывают более мягкие, и более естественные пути обратного преобразования реакций. Например, постепенная адаптация, на которую ссылается Хилари Патнем: для социализации субъект с инвертированным спектром вынужден будет адаптироваться. Чтобы эффективно общаться с другими, ему придется провести корректировку собственных обозначений цветов. Через некоторое время он сможет общаться так, будто никаких изменений не было. А что если дополнительно у него произойдет амнезия, и он не будет помнить, что когда-то воспринимал цвета иначе? Квалиа будут измененными, а реакции восстановятся. Разве это не случай реализуемого интрасубъективного ИС? Патнем уверен, что дело обстоит именно так.

Более того, есть нежелательные для Деннета следствия. Другой опытный участник полемики вокруг ИС и функционализма, Сидни Шумейкер, обращает внимание на одну важную деталь — взаимосвязь интрасубъективного и интересусубъективного вариантов ИС. «...Существует естественный способ вывода из того, что Витгенштейн, кажется, признает — логическую возможность интрасубъективного спектра — того, что он, кажется, отрицает как бессмысленное — а именно, возможность существования интересусубъективной инверсии спектра»¹⁷⁹. Аргументация Шумейкера в следующем. Пусть интересусубъективная инверсия (с соответствующими проявлениями в поведении) возможна. Это означает, что некто, скажем, Фред, претерпевает инвертирование квалиа в момент t . Зная, что другие в это же время не подвергались аналогичным изменениям, кажется, что либо до времени t , либо после внутренний опыт

Фреда должен отличаться от опыта других. Следовательно, интерсубъективная инверсия может существовать в той же мере, что интрасубъективная.

Но Деннет готов парировать и эти выводы. Он сомневается в истинности исходных тезисов — утверждении о возможности интрасубъективной инверсии без проявления в поведении. Пусть произойдет адаптация и будут сглажены различия в речи, реакциях инверта. Но разве тогда мы не должны считать, что восприятия не пройдут аналогичную адаптацию, не изменятся, реинвертируются вместе с реакциями? Некоторые эмпирические данные как раз свидетельствуют в пользу этого. Например, эксперименты с «перевернутым изображением», поставленные еще Гельмгольцем и Строттоном в прошлом столетии. В ходе этих экспериментов испытуемым предлагалось носить специальные очки, переворачивающие изображение на 180° . Первые попытки выполнить даже простые действия оказывались довольно трудными в непривычной ситуации. Однако через некоторое время наступала адаптация. И по поведению нельзя было определить наличие дефекта. Что же говорили сами испытуемые? Неужели им приходилось все время делать поправку на искажение, мысленно переворачивать изображение? По отчетам Строттона видно: многие испытуемые сообщали об обратной инверсии, которая сопутствовала адаптации поведения. Восприятия постепенно адаптировались вместе с поведением! Все отчеты испытуемых в этом исследовании не совпадают. Неточности в измерениях, различные темпы и стадии адаптации внесли неоднозначность в результаты работ. Но, очевидно, функционализм эмпирически не был опровергнут в ходе этих и аналогичных исследований. А неудача фальсификации может рассматриваться как критерий успешности, по крайней мере, по Попперу.

Реализовать инверсию восприятия без инверсии поведения практически не представляется возможным. А непротиворечиво помыслить инверсию проблематично. Проблематично, потому что возможность представить верификацию даже в интрасперсональном сценарии невозможно. Постойте, разве мы не начали с того, что это главное преимущество обновленной версии? Преимущество иллюзорное. В конце

концов, неважно, как пройдет адаптация, оперативным путем или путем социализации испытуемых. Неважно даже если испытуемые будут сами как-то внутренне уверены, что квалиа (ментальный образ, цвет, вкус и т. п.) остались неизменными после этой адаптации. У нас все равно не будет оснований им доверять. Ведь ощущения неизменности или изменения квалиа завязаны на работу памяти. С этого момента оборонительная тактика сменяется Деннетом на прямое наступление.

Ex hypothesi изменение квалиа всегда можно будет объяснить не фактическим изменением феноменальных качеств, а ошибкой памяти. Напомним тезис 2 в ситуации интраперсонального ИС: различие восприятий во время t и t' никак не будет обнаружено другим человеком. И самым инвертом тоже! Вы, к примеру, утверждаете, что можете представить, помыслить, что инверт воспринимает изображение как-то по-новому после инверсии. А может, вы представляете, что у него изменились только воспоминания, какая-то ошибка закралась в память, а квалиа неизменны? Как вы знаете, какой вариант вы помыслили? Сравнения интерперсональное и интраперсональное идентичны. Память образует нечто вроде сканера мозга, который мы использовали в исследовании интраперсональных различий. Проверка ее работы целиком завязывается на речевом поведении. И мы опять в самом начале пути.

Деннет подкрепляет свои выводы о принципиальной неопределенности «квалиа» размышлениями о вкусе пива. И это, конечно, его остроумный ответный мысленный эксперимент. Многие любители пива считают, что вкусовые ощущения меняются по мере привыкания. Ведь пиво только с привычкой становится приятным на вкус. Состав хорошего пива с течением времени не меняется. Меняется что-то другое, но что? Вкус или отношение, суждения о вкусе? Здесь мнения могут расходиться. Можно утверждать, что вкус того самого, первого глотка нельзя полюбить никак. А можно, наоборот, что вкус остается, но изменяется отношение, реакции на этот вкус. Вопрос не определен... и не определяем. По Деннету, феноменология в этом споре ничем не может помочь. Но ведь вкус, его характеристики, как и цвет — это тоже квалиа? Разве

не утверждается квалофилами, что феноменальные состояния непосредственно доступны субъекту? Разве не говорят они, что субъект может ошибаться в чем угодно, только не в том, что и как ему кажется, не в том, что составляет его внутренний опыт. Наш любитель пива заявляет: «Рассуждайте, сколько заблагорассудится, что было и чего не было. Но я-то знаю, знаю точно, что для меня вкус пива... сейчас!». Но «сейчас» его не спасет. Любитель пива говорит, что знает о качествах сейчас, но он не способен определить, как и когда эти качества изменились, изменялись и изменятся ли они вообще. И не только любители пива обладают этим недостатком. Испытуемые в экспериментах с «перевернутым изображением» Строттона тоже не могут сообщить точно, перевернулось ли оно обратно после адаптации. И инверт не может сказать точно, инвертировались ли его «цветовые восприятия», или инвертировались только его суждения об этих восприятиях — суждение «это выглядит обычно» сменилось суждением «это выглядит странно».

Я привел несколько рассуждений из относительно поздних работ Деннета. Но подобные аргументы встречаются и в его ранних статьях. Так, в «Мозговых штурмах» он анализирует другие модусы восприятия, другие феномены, в частности, боль, но с тем же результатом. Здесь философ также обнаруживает аналогичную неопределенность, неverifiedируемость качественных состояний даже для субъекта. Вот болевой порог, скажем, может измениться, стать более высоким или низким. Тогда субъект будет внешне более толерантным к различным медицинским процедурам. Но какие изменения произойдут в его феноменальном опыте? Можно предположить, что этот результат изменения качественных переживаний, т. е. боль, станет меньше. А можно, что боль остается без изменений, меняется к ней отношение. И то и другое — равноправные гипотезы. Предпочтение отдать ни одной нельзя.

Квалиа не поддаются даже субъективной верификации, но такая их застенчивость не является ли верным признаком пустоты? С иронией гетерофеноменолог Деннет замечает: подобные высказывания — что-то вроде провозглашения собственности над областью собственного сознания, ничего

больше. Наши указания на квалиа похожи на поведение чудака из «Философских исследований». Представьте, он говорит: «Я знаю, какого я роста», и в доказательство прикладывает ладонь к своей макушке. Здесь не с чем соглашаться, не с чем и поспорить. Как в случае с инвертированным спектром, нечего сравнить. Квалиа — иллюзия, миф, порожаемый убеждениями о них. Гетерофеноменология как раз нужный инструмент для их исследования. Она эффективно работает с такими конструктами. Прислушивается к звукам, улавливает осмысленные предложения, а в них убеждения и желания, и верифицирует. То, что оказалось верифицированным, отправляется в каталог фактов, а неверифицированное тоже в каталог, но каталог ошибочных воззрений, грез, мифов феноменологии.

Цвет, вкус, запах существуют как релятивные качества. Но как субъективные переживания, принципиально недоступные для функционального анализа — нет. Когда мы говорим, что цветовые ощущения — квалиа, мы становимся жертвами ложных интуиций. И при детальном, доскональном анализе такая онтология цвета рассыпается. Онтология квалиа ничуть не менее абсурдна, чем онтология, к примеру, «усталостей». Ведь и «усталости» можно было бы посчитать нематериальными невыразимыми сущностями, и создать, таким образом, новую философскую проблему. Можно рассуждать так: когда трудно идти, значит, в ногах накопились «усталости», когда не решается задачка — в уме накопились «усталости», «усталости» в суставах при болезнях, «усталости» в духе при апатии и т. д. «Усталости» удобно объяснят все. А если кто-то возразит: «усталостей» нет, у каждого из перечисленных случаев свои физиологические основания, — можно найти, что ответить. Пробежите вокруг квартала несколько раз, вы узнаете, существуют ли усталости! Переживания «усталостей» почти так же реальны, как квалиативные переживания цветовых ощущений. И даже можно вообразить своеобразную их инверсию: можно представить, как некто пробежит марафон и совсем не почувствует «усталостей». Почему тогда и «усталости» не причисляются к особой касте, к которой принадлежат нематериальные квалиа?

7. Аргумент Знания. Что не знает Мэри?

Интуиция о недостаточности объективных (физикалистских) описаний

И тем не менее интуиции об особой природе внутренних восприятий существуют. Это ведь нельзя опровергнуть. Существует устойчивое убеждение, что феноменальные состояния невыразимы и не исчерпываются любыми физическими описаниями. Убеждение, что квалиа выходят за рамки физического мира, кажется, очень глубоко укоренено в человеческой психологии. Если не инвертированный спектр, то, может, найдется другой, более удачный аргумент для обоснования этой интуиции? Что если попытаться модифицировать уже известный нам аргумент Нозика, направленный против интенциональных содержаний? И задуматься над вопросом, тождественно ли все знание о физических состояниях всей полноте знаний о качественных ментальных состояниях. В приложении к вымышленной ситуации этот вопрос прозвучит так: имеют ли инопланетяне, имеющие все физические знания, полное знание о нашем восприятии цвета? Мы, конечно, помним рассуждения Деннета. Инопланетяне с таким взглядом на вещи не заметят реальных схем в поведении людей и других рациональных существ. Ну хорошо, допустим, что у них появилась теория ментальных содержаний, вроде Интенциональной установки Деннета. Теперь у них есть все физические знания, в том числе знания о реальных схемах в мире и внутри нас, людей. Но разве даже тогда они будут знать, как мы видим цвета? Они научатся распознавать схемы поведения и восприятия, обнаружат и поймут закономерности, по которым девочки предпочитают розовое, а мальчики — синее. Но, кажется, даже тогда они не смогут видеть розовое и синее, как люди. А значит, их знание о людях будет неполным. Если этот аргумент работает, он мог бы показать, что любых физических описаний недостаточно, чтобы ухватить специфику субъективных восприятий в сознании. С его помощью можно было бы также подтверждать существование нематериальных квалиа и ложность физикализма, позиции,

согласно которой не существует фактов, которые не были бы физическими. Но аргумент в таком виде не совсем удачен.

Могут ли инопланетяне представить наш способ восприятия цвета? Если не могут, то, возможно, из-за того, что у них ограничено воображение? Тогда это не противоречит физикализму. А какие восприятия у инопланетян были исходно? А вдруг они действительно смогут представить, как мы видим цвета? В отношении этого мысленного эксперимента интуиции могут расходиться, а истинность вывода совсем не очевидна. Но, размышляя в этом же направлении, можно сконструировать нечто более удачное. Так, на основе той же самой интуиции другой американский философ Ф. Джексон придумал мысленный эксперимент, выводы которого кажутся гораздо более очевидными. Это эксперимент об ученом нейрофизиологе Мэри. Иногда он причисляется к аргументам Знания¹⁸⁰. Впервые он сформулирован Джексоном в статье «Эпифеноменальные квалиа» (1982).

Специалист в восприятиях цвета Мэри

Мэри — выдающийся специалист в области физиологии зрения, очень необычный специалист. По определенным причинам она вынуждена вести свои исследования из черно-белой комнаты с помощью черно-белого монитора. Ее успехи в исследованиях беспрецедентны: она смогла собрать все, абсолютно все факты о физиологии зрения, в том числе восприятий цвета человеком. Она знает, что происходит с людьми, когда они видят зрелый красный помидор или голубое небо, когда и как употребляются слова «красный», «голубой» и т. д. Она в состоянии досконально проследить весь путь от попадания световых волн на сетчатку глаза до зрительной коры мозга и через центральную нервную систему до колебаний голосовых связок, результатом которых является высказывание «небо голубое». Теперь представим, что она выходит из своего заключения. Что произойдет, когда Мэри выйдет из своей черно-белой комнаты и впервые в жизни увидит цвета? Получит ли она какое-то новое знание? Ответ представляется очевидным. Да, она получит некоторое новое знание, знание о том, каково это воспринимать цвет. Выходит, в комнате ее

знание было неполным. Но ведь она знала все физические факты о цветовом восприятии? Значит, физические факты не исчерпывают знания о мире, и о людях в частности. Следовательно, физикализм ложен.

Эту историю можно записать в виде такого аргумента.

1. Мэри (до выхода из черно-белой комнаты) знает все физические факты, касающиеся видения цветов.
2. Мэри (до выхода из черно-белой комнаты) не знает всего, что можно знать о восприятии цветов людьми, так как, увидев цветные объекты, она приобретает новое знание.

Следовательно, не все факты являются физическими. И физикализм ложен.

Аргумент Джексона логически последователен. Он сходен по форме с выводом: 1) я пересчитал все апельсины в коробке; 2) я пересчитал не все фрукты в коробке. Значит, в коробке не только апельсины, но и другие фрукты. И к тому же в отношении аргумента Мэри интуиции в основном совпадают. Ведь кроме необыкновенной способности знать все физические факты о зрении Мэри не отличается от других людей. А это значит, что легко представить ее первые реакции на цвет. Можно представить, как, выйдя из комнаты и увидев впервые красную розу, она произнесет: «Это потрясающе! Так вот как выглядит красный цвет в действительности». Можно представить, что она не сможет разобраться в названиях цветов. Если ей дать неподписанные цветные карандаши, она не сможет сказать сразу, какой из них зеленый, а какой синий. Ее теоретические знания не дадут соответствующих компетенций, и после стольких лет исследований ей еще придется выучить урок о соответствии названий цветам. Все это кажется верным, не правда ли? Но тогда попытки построить физикалистскую теорию обречены. И Деннет не может этого так оставить.

Он утверждает, что естественные интуиции опять обманывают. Мы просто не в состоянии представить то, что предлагает Джексон в первой посылке. Для того чтобы подорвать уверенность в выводе, он предлагает такое продолжение мысленного эксперимента.

Когда Мэри выходит из заточения в черно-белой комнате, ее тюремщики придумывают еще одну злую шутку. Они

показывают ей раскрашенный в ярко-синий цвет банан. «Эй, бросьте ваши штучки. Бананы желтые, а этот — синий», — говорит Мэри. Этим Мэри ставит их в тупик. Как она могла все это предугадать? Она ведь никогда не видела ни желтого, ни синего. «Элементарно, — объясняет Мэри. — Помните, что я знаю все факты о причинах и следствиях восприятий цвета. Когда вы показали мне синий банан, я уже знала, какое воздействие синий цвет будет иметь на мою нервную систему. И, следовательно, я знала, какие мысли у меня возникнут, какие реакции. Меня несколько не удивили цвета, но меня действительно удивило, что вы не могли придумать ничего умнее»¹⁸¹. Деннет считает, что вообразить то, что предлагается в первой посылке, почти невозможно. И воображение идет по проторенной дорожке... Мы представляем нечто гораздо проще, и становимся жертвой иллюзии. Мы представляем, что Мэри знает многое, очень многое. Наверное, даже больше, чем все имеющиеся современные данные о восприятии цвета. Но это только капля в море. По условиям эксперимента, Мэри знает все. Здесь не лишним будет вспомнить еще раз пример с Розенбергами. Они использовали обрывок конфетной коробки в качестве механизма идентификации. Представляете их удивление, если бы кто-то пришел со вторым в точности подходящим обрывком? Они бы сказали: «Невозможно». Не невозможно, а просто очень сложно. Имея всю, абсолютно всю информацию об этом клочке, можно создать его точную копию. И Мэри, имея всю информацию о детекторе цвета, могла бы идентифицировать цвета без непосредственного контакта с ними.

Продолжение истории Деннета должно заставить нас колебаться между различными выводами. Что ж, для наших целей этого будет пока достаточно. Дальнейшую критику эксперимента мы сможем провести с помощью анализа его следствий, позиции, которая называется эпифеноменализмом. Но перед тем как мы доберемся до этого, почти конечного пункта нашей главы, совершим еще одну остановку. Этой остановкой является еще один аргумент, направленный против физикализма и функционализма, — аргумент Зомби.

8. Аргумент Зомби

Понятие зомби исходно связано с мистическими практиками на Гаити и обозначает «оживленных мертвецов». Согласно местным народным верованиям, в качестве наказания некоторых провинившихся отравляли сильнодействующим ядом, но после временного погребения «оживляли». Зомби, люди с полуразрушенным мозгом, вследствие действия яда или дефицита кислорода не были способны к самостоятельному существованию и оказывались слугами или рабами, выполнявшими самые примитивные функции. Философские зомби разительно отличаются от зомби с Гаити или из голливудских блокбастеров — это вымышленные создания, полностью напоминающие нормальных людей: они ведут себя, говорят точно так же, как все мы. Единственным отличием философских зомби является то, что их поведение не сопровождается феноменальным опытом — они лишены сознания (у них «просто никого нет дома»). С позиции гетерофеноменолога зомби неотличим от нормального человека. Аргумент Зомби против материализма был выдвинут Робертом Кирком в 1974 г. в статье «Способность ощущать и поведение»: «...имеется как минимум логическая возможность существования организма, полностью неотличимого от человека в отношении анатомии, поведения и других наблюдаемых фактов, однако без сознания»¹⁸². Хотя идея и не была полностью оригинальной, Кирк сыграл довольно важную роль в распространении этого аргумента. Однако широкую известность философские зомби приобрели вместе с изданием книги Д. Чалмерса «Сознающий ум». В этом труде с помощью аргумента Зомби автор критикует современный материалистический подход к теории сознания и обосновывает свою позицию натуралистического дуализма.

Суть аргумента в следующем. В нашем мире существует феномен сознания. При этом возможно помыслить мир, физически полностью идентичный нашему, в котором не будет сознания. Это мир зомби. Если логическая возможность такого мира существует, следовательно, феномен сознания —

нечто большее, нежели физическая реальность, и материализм ложен¹⁸³.

Этот аргумент несколько напоминает умозаключение Декарта. Ведь Декарт считал, что сознание и тело не одно и то же, исходя из возможности помыслить существование сознания без существования тела. Но аргумент Декарта ложен, вывод слишком силен. Сама возможность представить А и В (например, утренняя и вечерняя звезда) как изолированные сущности, не ведет к тому, что они обязательно изолированы, независимы друг от друга. Может быть, ту же ошибку допускает и современный философ? Чалмерс поясняет, что его аргумент более тонок. Он не постулирует субстанциональное различие. Он только проясняет, что не все возможные факты — суть факты о физическом мире. «Возможно представить, что при всех одинаковых физических фактах феномен сознания будет отсутствовать, следовательно, физические факты не исчерпывают всех возможных фактов»¹⁸⁴.

Аргумент Зомби, существа без феноменальных состояний, отчасти напоминает аргументы Инвертированный спектр, Летучая мышь и Знания. Все эти аргументы нацелены показать, что сознание несводимо к функциональным и физическим фактам. Они демонстрируют сходства с позиции третьего и различия с позиции первого лица. Какова будет реакция Деннета на этот эксперимент?

Деннет заявляет, что «философский концепт зомби [так как он используется сторонниками квалиа. — Д. В.] — это... идея, в которой суммируются почти все ошибки в отношении сознания, встречающиеся сегодня», называет аргумент «самой соблазнительной погрешностью мышления»¹⁸⁵. Оценка столь же высокая, как и Инвертированного спектра. Но, к удивлению, Деннет не заявляет, что Зомби — бессмысленная гипотеза. Более того, он сам пользуется зомби и его модификацией — «зимбо» — для того чтобы прояснить и даже проиллюстрировать собственную теорию сознания. Зимбо — демонстрационный экспонат теории сознания Деннета, своеобразный венец творения «Объясненного сознания».

Философ и не отрицает, что гетерофеноменологический мир философского зомби и обычного человека совершен-

но тождественен, ведь гетерофеноменология — только метод интерпретации поведения. Но это достоинство, а не дефект теории. Это подтверждение обоснованности метода. Деннет не отрицает, что у зомби отсутствует квалиа. Его устраивает ключевое определение. Но Деннет объявляет, что зомби вообще ничем не отличается от нас. Не только снаружи, но и внутри! Чтобы действительно понять смысл мысленного эксперимента с зомби, — считает американский философ, — необходимо перейти от уровня поверхностной очевидности к внимательному изучению деталей.

Представим лучше философского зомби. Это существо по определению должно пройти тест Тьюринга, ведь в качестве единственного критерия выдвигается интеллектуальное поведение. Согласно условиям теста, зомби должен будет обмануть «аутентичного» обладателя интеллекта. Значит, он уже убедил эксперта в том, что он такое же интеллектуальное существо. Но для этого ему нужно было сначала обмануть самого себя. Зомби, или его модификация, зимбо, который прошел тест Тьюринга, должен приписывать себе интенциональные состояния, убеждения и желания, апеллировать к собственной субъективности, выражать предпочтения. Зимбо должен доказывать, что он не зомби! Зимбо должен обладать способностью к саморефлексии, уметь оценивать собственные состояния — только тогда он сможет демонстрировать правильное речевое поведение. Зимбо должен иметь представление об организации пространства, и о том, как он это пространство сам представляет. Уметь, в частности, совершать операции с воображаемыми предметами и отдавать себе отчет, как это делает. Уметь говорить о собственных чувствах, восприятиях, субъективности. Это означает способность к рефлексии, способность размышлять над собственными мыслями. Зимбо — «бессознательное» существо, способное к мыслям второго порядка, но именно мысли второго порядка являются достаточным условием для «осознанности» мыслей первого порядка. Так считает Дэвид Розенталь, один из сторонников теории «высокопорядкового мышления». И Деннет с этим согласен. Даже если это существо не обладает подлинным сознанием, оно явно имеет иллюзию сознания. Чем

в таком случае оно отличается от любого из нас? Тем, что его поток мыслей — поток бессознательный, а наш поток — сознательный. Но тогда разница только в словах!

В самом деле, чем бы, например, зомби-близнец Дэвида Чалмерса отличался от самого Чалмерса? Деннет готов применить гетерофеноменологический метод и к своему оппоненту. На сайте Чалмерс пишет: «Подтверждение моей уверенности, что я обладаю сознанием, лежит... в моей непосредственной очевидности, у зомби нет этой очевидности». «Что ж, — комментирует Деннет, — основания своего доказательства Чалмерс видит как непосредственную очевидность. Хотя он говорит, что у зомби нет такой очевидности, тем не менее зомби уверен в такой очевидности, так же как Чалмерс». Если бы Чалмерс вдруг превратился в зомби, он сам бы этого не заметил. Поэтому допущение различия Чалмерса и Чалмерса-зомби всего лишь гетерофеноменологический текст, который, вполне возможно, безошибочен как отчет любого субъекта. В конце концов, «Чалмерс не Римский папа»¹⁸⁶. С вершины собственной теории сознания Деннет заявляет: «Возможны ли зомби? Они не только возможны, они существуют. Мы все зомби. Никто не имеет сознания — по крайней мере в том систематически мистическом смысле, в котором оно представляется такими доктринами, как эпифеноменализм»¹⁸⁷.

9. Критика эпифеноменализма

Для того чтобы по справедливости оценить мысленные эксперименты Инвертированный спектр, аргумент Знания и Зомби необходимо проследить метафизические следствия, к которым они ведут. Важным следствием этих экспериментов является необходимость принять эпифеноменализм, представление о том, что квалиа не имеют каузальной эффективности. Такую позицию принимает Джексон, и рассматривает как перспективную Чалмерс.

По определению зомби ничем не отличаются от людей, кроме отсутствия внутреннего мира, сознания. Из этого должно следовать, что сознание эпифеноменально, т. е. будучи

порожденным мозгом, не имеет никакой каузальной силы и не осуществляет воздействия на физический мир. Если бы сознание обладало каузальной силой, то поведение зомби было бы отлично от поведения человека. Однако такая позиция очень уязвима. К тому же она практически уничтожает свободу воли как прерогативу человека. Исходя из этого, Деннет заключает, что не зомби, а не-зомби, т. е. люди с квалиативными некаузально эффективными квалиа, просто немыслимы¹⁸⁸.

Эпифеноменализм и вправду достаточно критикуемая в современной философии позиция. Но термин требует предварительного прояснения. Понятие «эпифеномен» имеет медицинские корни, но в последнее время довольно часто используется в психологии и философии. Деннет делает следующую историческую ремарку: «...эволюционный биолог Томас Гексли (1874) был автором, который расширил значение термина [эпифеномен. — Д. В.] до его настоящего значения в психологии, где сейчас он обозначает нефункциональное свойство или побочный продукт»¹⁸⁹. Ремарка, видимо, неточная. Артикуляцию и название действительно принято связывать с именем выдающегося английского биолога, дарвиниста Т. Гексли. В частности, с его высказываниями в статье «По поводу гипотезы, что животные — механические автоматы, и ее истории» (1874). Так считали редактор Британской энциклопедии 1902 г. Джеймс Уорд, психолог Уильям Мак-Дагл, философ Г. Прайс. Так считает и Деннет. Любопытно будет узнать, однако, что термин эпифеноменализм сам Гексли не использовал. Вероятней всего, первые применения термина в области психологии (и философии) связаны с Уильямом Джеймсом, и уже в критическом контексте. Так, Джеймс характеризовал теорию автоматизмов Ш. Ходгсона в отношении поведения животных и сходные с ним позиции Гексли и Клиффорда¹⁹⁰. Верно, тем не менее, замечание Деннета, что позиция «первых эпифеноменалистов» и современный эпифеноменализм несколько отличаются.

Исходно «эпифеноменализм» обозначал нефункциональные качества, побочные явления. Классический пример — свисток паровоза: «сознание животных, кажется, относится к механизмам их тела лишь как побочный продукт и совершенно

не может повлиять на их работу, так же как паровой свисток, сопровождающий работу локомотивного двигателя, не влияет на его агрегаты»¹⁹¹. При этом Гексли не говорит, что свисток не имеет никакого влияния на физический мир вообще. И что свисток — принципиально незаметен для наблюдения со стороны. Это важно. Эпифеноменализм в современном философском дискурсе носит другое значение, более радикальное. «Эпифеноменализм — это точка зрения, согласно которой ментальные события являются результатом физических событий, но, в свою очередь, не имеют никакого влияния на физические события»¹⁹². Что это значит?

Это означает, что даже если квалиа существуют, они не являются причиной наших высказываний и убеждений о квалиа. Ведь эти высказывания и убеждения существовали бы в любом случае, в силу каузальной замкнутости физического мира, — так считает Деннет. Но можно возразить. Высказывания — физическое событие, но убеждения? Разве убеждения являются физическим событием? Предположим, мы не принимаем теорию интенциональности Деннета, и считаем убеждения ментальными сущностями. Тогда ментальные квалиа могут влиять на ментальные убеждения. Но и это временное убежище для эпифеноменалиста. Ибо тогда невозможно объяснить влияние убеждений на поведение человека. Выходит, ощущение, квалиа боли и убеждение, что «я испытываю боль», не имеют никакого отношения к соответствующему поведению. Квалиа и убеждения становятся отрезанными от мира, а их параллелизм можно объяснить разве что предустановленной гармонией.

Радикальный эпифеноменализм вряд ли может приниматься всерьез, — считает Деннет. А следовательно, не может приниматься всерьез и утверждение о существовании абсолютно невыразимых в языке, только приватных, непосредственно доступных субъекту и безошибочно узнаваемых квалиа. Ни Инвертированный спектр, ни Зомби, ни Мэри ни смогли нас в этом убедить. А значит, добро пожаловать в аскетическое братство сторонников физикализма.

Глава 4

Центр нарративной гравитации

1. Игра «Психоанализ».

Автобиографии без автора

Есть истории биографические. В них с большей или меньшей правдивостью рассказывается о жизни какого-то человека. Есть вымышленные истории. В них фантастические события могут происходить в жизни воображаемых героев. Но и в том и в другом случае у истории есть настоящий автор, рассказчик. Так что мысли и поступки даже воображаемых персонажей всегда можно соотнести с реальной личностью, ведь каждый текст кем-то создается. Каждый, или почти каждый. Есть некоторые автобиографии, которые рождаются без автора, или авторство которых принципиально установить нельзя. Как, например, истории, которые появляются во время игры «Психоанализ»¹⁹³. Ее условия таковы.

Водящему сообщают, что он должен угадать сон, который приснился одному из участников, а потом по психологическому портрету найти и самого участника. Можно задавать любые вопросы, но они должны быть закрытыми, т. е. предполагать утвердительный или отрицательный ответ. После объявления условий водящий на время выходит. Оставшиеся вместо того, чтобы загадывать сон, договариваются об условиях: если водящий задает вопрос, который оканчивается на букву в первой половине алфавита, ответ утвердительный. Остальные ответы — отрицательные. Кроме случаев, когда один ответ противоречит предыдущему. Получается так. Водящий спрашивает: «Этот сон про девушку?». Ему отвечают: «Нет». «Проджентльмена?» — «Да». И так далее. Ответы подбираются

по заданному алгоритму. И могут подтвердиться самые невероятные предположения. Так что ведущий вскорости убеждается: человек, которому приснилась вся эта небылица, вероятно, обладает больным воображением. Выходит забавно, когда ему раскрывают правду. Ведь это он сам предположил, что «две монашки оказались в лодке с огромной гориллой». Так что объектом для психоанализа должен являться, скорее, он сам. И все-таки, кто автор истории? Водящий, конечно, высказывал предположения. И слушатели принимали участие. Но линия событий разворачивалась по правилам, которые зависели не только от водящего и участников. В конце концов, направление ей задавал синтаксический алгоритм. Поэтому хотя есть персонажи и сюжет, авторство в строгом смысле определить невозможно.

Может сложиться впечатление, что истории в игре «Психоанализ» — какая-то экзотика. Но что они нам могут дать? Пример коллективного творчества? Пример удачного сотворчества людей и алгоритма? Истории из игры «Психоанализ» любопытны тем, что они действительно создаются без единого автора. Но еще любопытнее они в том, что создают иллюзию существования главного героя повествования. И, по мнению Деннета, такие случаи — далеко не экзотика. Текст каждой автобиографии создает личность как главного героя. Мы являемся плодом собственных историй.

— Как так? Автобиография создается *мною*, ее авторство принадлежит *мне*. Как можно здесь проводить сравнения?

— Но что такое это *Я*, которому мы приписываем поступки, мысли?

— Я это... тот, кто владеет моим телом.

— Но кто это? Вымышленный герой, удобная, но все же фикция.

— Что? Как ведьмы, драконы, привидения и единороги?

— Скорее, как вектор силы, геометрическая форма или центр тяжести.

Пока ответы Деннета могут показаться самыми что ни на есть *невероятными*. Они представляют нечто очевидно реальное

как выдумку. И переворачивают наши представления о каузальной связи с ног на голову. Разве это возможно? Это похоже на попытку вытащить себя за волосы из болота. Но после блуждания по лабиринтам теорий это может показаться лучшим из доступных объяснений. Ведь настолько же невероятной кажется возможность соотнести наши представления о едином *Я* и о внутренних механизмах, которые стоят за ним. С одной стороны, каждая личность представляется активным, свободным агентом, ей, очевидно, принадлежат желания и убеждения, действия и ответственность за них. С другой — достоверно известно, что поведение человека и его мышление являются результатом работы безличных механизмов, множества информационных процессов, которые распределены в разных модулях мозга. Кроме мозга там ничего нет. Вот в чем трудность.

Собственное *Я*, то, что нам так близко, хорошо известно, оказывается неуловимым. При рассмотрении человека через увеличительное стекло мы не найдем ничего, что могло образовать это удивительное единство. Размышления о личности приводят нас к дилемме. Что это за теория, способная объединять представления о личности как ответственном агенте и Модель множественных набросков? Ее изложению посвящена эта глава. Но начнем с оценки альтернатив в истории философской мысли.

2. Лабиринт философских альтернатив

О том, что собственное *Я* нельзя обнаружить, наблюдая человека через увеличительные приборы, размышлял Лейбниц еще в начале XVIII в. Он предлагал вообразить себя входящим в «машину», производящую мысль и восприятия. Во время осмотра этой «машины» мы не обнаружим ничего, кроме частей, толкающих друг друга. При этом трудно представить, как взаимодействие этих частей приводит к мыслям и восприятиям¹⁹⁴. Трудности возникают при попытке обнаружить личность с помощью интроспекции. Стоит только вспомнить рассуждения Юма о поиске *Я* во внутреннем опыте. «Что

касается меня, то когда я самым интимным образом вникаю в нечто, именуемое мной своим я, всегда наталкиваюсь на то или иное единичное восприятие тепла или холода, света или тени, любви или ненависти, страдания или наслаждения. Я никак не могу уловить свое я как нечто существующее помимо восприятий»¹⁹⁵. Восприятия сменяют друг друга, мысли и воспоминания следуют поочередно, и в них нельзя наблюдать, с точки зрения Юма, что-то, что сохраняло бы тождественность в ходе этих изменений. Такая неуловимость и принципиальная невидимость *Я*, однако, становится поводом для различных заключений. Лейбниц приходит к выводу о том, что личность — простая духовная субстанция, неделимая монада. А Юм определяет *Я* как связку или пучок различных восприятий, находящихся в постоянном течении. Несмотря на то что вывод Лейбница с позиции современности является метафизически экстравагантным, представления о простоте и неделимости *Я* необыкновенно устойчивы. Юмовская альтернатива до сих пор кажется многим плохо согласующейся с обыденной интуицией. Да и сама логическая конструкция выглядит не до конца проясненной. Восприятия сменяются в постоянном потоке, а не существуют сами по себе, отдельно и изолированно. Значит, есть некоторая связь, природу которой остается объяснить. Юм сам признался позже в неудовлетворительности своих выводов и отказался от обозначенной позиции¹⁹⁶. Ссылаясь на общий скептический настрой своей философии, он мог воздержаться от дальнейших прояснений. Мы же попробуем далее исследовать препятствия, с которыми он столкнулся.

Убеждение в том, что личность — простая и неделимая сущность, связано с множеством других убеждений, свойственных здравому рассудку. Представление об ответственности за ранее совершенные поступки немыслимо без возможности сколько-нибудь длительного существования и без уверенности в тождестве *Я* прошлого и настоящего. А без этого будут разрушены основы взаимодействия между людьми. Из убеждения в ответственности агента за его действия следует также идея непрерывности существования личности. Скажем, в цепи восприятий и мыслей появились бы чужеродные,

не присущие личности мысли. Учитывая связанность между собой мыслей, то, что они одни проистекают из других, неправомерно было бы возлагать ответственность за все последующие мысли и действия на того, первого агента. Возражая, можно было бы указать на различные неактивные состояния личности, например сон. Но вряд ли это критическое возражение. Даже в состоянии сна личность испытывает состояния, которые нельзя приписать никому, кроме нее. Сновидения так или иначе увязываются с состояниями бодрствования.

Осмысленность различения жизни и смерти также базируется на представлении о принципиальной цельности Я. Так, идея выживания не предполагает возможность выживания по частям. К примеру, можно вообразить изолированное сохранение всех воспоминаний и мыслей в виде многотомной энциклопедии личности. Можно даже представить воспроизведение этих воспоминаний и мыслей в головах других людей. Но такая альтернатива воспринимается лишь как усмешка над надеждой выжить. Личность либо существует, либо нет. Непредставимым кажется, например, частичное существование личности. А в самой идее дробления или, наоборот, умножения одной и той же личности усматривается противоречие. Личность и уникальность звучат синонимично, как будто на ней установлена универсальная защита от копирования. В современной философии используются различные воображаемые ситуации для того, чтобы продемонстрировать и прояснить эти естественные интуиции. Например, ситуация с трансплантацией полушарий. Мозг состоит из двух полушарий. Представим, что мой мозг будет разделен на два полушария, и каждое из них будет трансплантировано в другой череп и, соответственно, соединено с полушарием другого человека, с полушариями моих во всем идентичных близнецов. В итоге трансплантации мы получим двух человек. Который из них будет мной? Поведение и воспоминания этих людей будут совпадать, и оба будут утверждать, что они — я. Но нельзя будет утверждать, что оба человека одновременно — я. Ибо если они оба тождественны со мной, они тождественны между собой и, значит, являются одной личностью. Но это не так.

Они смогут вести различную жизнь и будут иметь различающиеся состояния¹⁹⁷.

Некоторые вопросы принципиально неразрешимы с помощью фактов, как вопросы, связанные с пограничным словоупотреблением. Их разрешение определяется конвенциями. Никакое количество эмпирических сведений не проясняет ситуации. Таков, например, вопрос о существовании языка у пчел. Пчелы имеют достаточно развитую систему коммуникации. С помощью системы «танцев» они могут передавать друг другу информацию о нахождении пыльцы, нектара, воды. Если мы определяем понятие «язык» как систему коммуникации, «танцы» пчел подходят под этот критерий. Если же выбрать более строгую формулировку, например, определить язык как систему звуковых и письменных символов, даже некоторые древние языки останутся за пределами этого понятия. Ни филологи, ни биологи не смогут окончательно это установить. Вопросы, касающиеся конкретной личности, могут быть трудными, или даже практически неразрешимыми. Но интуиция подсказывает, что эти вопросы не могут быть неопределенными или иметь «недискретный» ответ (ответ «почти», «не совсем»). Я должен пройти операцию. Операция предполагает временную остановку сердца, трансплантацию жизненно важных органов и замену части коры моего мозга на искусственные имплантанты. Операция проходит удачно. Этот человек я? До выяснения всех фактов можно занимать различные точки зрения, но нельзя сказать, что этот вопрос вообще не имеет ответа, или вопрос конвенции. Ответ, например, 47 % тоже не подходит. Будет истинна какая-то одна, и только одна конкретная точка зрения по этому вопросу. Так, по крайней мере, кажется.

Альтернатива Юма (поток несвязанных между собой восприятий) выглядит действительно трудно совместимой со всеми этими интуициями, она будто рассыпается на глазах. И введение духовной единицы, на первый взгляд, немного приблизило нас к удовлетворительной теории личности. Если бы не бремя метафизических обязательств, связанных с ним. Но не только это. Дуалистический подход (в данном случае мы говорим о субстанциональном дуализме) уязвим для критики

и с помощью других аргументов. И они, по моему мнению, решающие.

В обыденной жизни мы не теряем ориентира, кто есть кто. И без труда различаем людей. На что мы полагаемся? Согласно «монадической» теории личности, мы могли бы узнавать людей по их духовной субстанции. Но даже если бы она существовала, как возможно ее различить? По определению монада не имеет физических качеств, не имеет протяженности и не способна отражать свет, а значит — невидима. Критерий, который используется для различения людей, — различия их внешности. И он является достаточно эффективным, так что встретив «знакомое лицо», не приходится лишней раз проверять: а вдруг души поменялись друг с другом местами. Можно, конечно, попытаться выяснить, является ли это простым совпадением. Может, соотношение «одна и та же душа — одно и то же тело» проявляется с высокой степенью регулярности, и мы, привыкнув к ней, больше не затрудняем себя проверками. Да, но как вообще можно было бы помыслить такую проверку? Качества уникальности, простоты и длительности не дают нам способа идентификации ни со стороны, ни даже изнутри¹⁹⁸.

Сторонник «монадической» теории мог бы попытаться возразить: да, но и один только физический критерий отличия не может дать нам окончательной гарантии. Пусть мы не имеем возможности наблюдать душу, но мы имеем возможность наблюдать ее проявления, психологические характеристики: воспоминания, эмоции, мысли. Ничто нам не мешает представить, как «одним утром вы просыпаетесь со странным ощущением, что место, где заканчиваются ступни ваших ног под одеялом, находится как-то уж слишком далеко. Поднимаясь с кровати, вы ударяетесь об полку, которая всегда была на два десятка сантиметров выше. Подходя к зеркалу, вы изумляетесь. На вас смотрит незнакомое лицо, гладко выбритое, обрамленное кудрявой шевелюрой, с маленькими голубыми глазами...» Какой будет интерпретация? Все физические характеристики изменились, но личность осталась прежней. Значит, мнение о физической основе личности ложно. Пожалуй, описание можно даже сократить до минимума

и получить те же результаты: «Одним утром я просыпаюсь и...». Даже с закрытыми глазами я знаю, что я — это я. Даже с закрытыми глазами можно с убеждением сказать, что проснулся тот же человек. Для этого не нужен физический облик.

Если не физический облик, то что тогда? Как можно установить, проснулся ли ты тем же человеком, каким засыпал? Представим, как это происходит. Я вспоминаю вечер вчерашнего дня, как ложился спать, закрывал глаза. Этот набор воспоминаний и есть мой ориентир. Значит, критерием являются воспоминания. И насколько далеко могут простираются эти воспоминания, настолько далеко простирается личность. Теперь является ли это аргументом в пользу субстанционального дуализма? Вовсе нет. Можно представить, что моя душа была душой Сократа. Но мои воспоминания не пересекаются с воспоминаниями Сократа! Поэтому нельзя сказать, что я та же личность, что Сократ. Ведь ни действия Сократа, ни его размышления не имеют ко мне большего отношения, чем действия любого другого исторического персонажа, Демокрита или Платона. И вряд ли можно наказывать меня за поступки Сократа или благодарить за его наставления. Атакуя физическую теорию личности, мы не защитили субстанциональную. Но открыли путь для другой, пока новой для нас альтернативы. Остается отбросить излишний метафизический груз, ограничившись психологическими характеристиками. Личность — совокупность психологических свойств, важнейшим среди которых является память. «...Так что все то, что имеет сознание настоящих и прошедших действий, есть одна и та же личность, к которой относятся и те, и другие действия»¹⁹⁹. Подобный ход в истории мысли связан с именем Дж. Локка. И он, пожалуй, является одним из самых продуктивных. Он избегает тех проблем, которые, как было показано, сопутствуют предшествующим подходам. Более того, он, как мне кажется, намечает пути решения дилеммы, с которой мы начали. Он позволяет обнаружить, что, говоря о личности, мы в первую очередь ориентируемся на содержание мыслительных процессов, контент, не на субъекта. То есть мы говорим не о том, кто или что мыслит, но о том, что мыслится. В дальнейшем это будет нашим путевым маяком.

Теперь обратим внимание на некоторые юридические последствия этого подхода.

Если некоторые поступки присутствуют в моей памяти (как мои поступки), я та же самая личность, что их совершала. А если нет? Если я вдруг совсем не помню этих поступков, и никакие усилия не способны восстановить в моей памяти эти события? Локк предвидит эти вопросы, и своевременно замечает: человеческие законы не предусматривают наказание человека здравомыслящего за действия человека сумасшедшего. Даже в языке обнаруживается возможность перехода от одной, здравомыслящей личности, к другой, сумасбродной. Об этом свидетельствуют выражения «был сам вне себя» или такой-то «сам не свой». Они как бы подсказывают, что первая личность прекратила свое существование и на время дала волю личности другой. Выходит, одно и то же тело может быть носителем не одной, а большего числа личностей. А значит, и обратное возможно: поселение одной личности в разных телах. На первый взгляд такие следствия слишком фантастичны. И, может быть, подрывают философскую теорию, из которой они следуют?

У читателя, внимательно следившего за нашими рассуждениями, может закрасться подозрение, что локковская идея противоречит еще одному из обнаруженных нами принципов: принципу непрерывности. Правда, мне кажется, противоречия здесь нет, по крайней мере, на поверхности. Память имеет свойство прозрачности, так что даже если личность на время исчезает, она сохраняет непосредственный контакт с предыдущим состоянием, тем состоянием, когда она присутствовала. Поэтому можно не брать в расчет промежуточные этапы, сохранить принцип ответственности. А как быть с принципом уникальности? Локковская альтернатива может вступить в противоречие с принципом уникальности, ведь мыслимо ли, чтобы воспоминания воспроизводились, и не в одном только физическом носителе, а во многих, одновременно! А как быть с ошибками памяти? Как быть с чужими, но искренне присвоенными воспоминаниями? Не будем пока стремиться ответить на все возникающие вопросы, тем более что их может быть гораздо больше. Пока целью блуждания по этим лаби-

ринтам аргументов и теорий не было найти выход (иначе все работы по теории личности после Локка были бы историко-философскими). Целью не было и составление точной карты всего лабиринта. Я попытался лишь только указать возможные направления размышлений. И по пути собрать каталог естественных интуиций, связанных с представлениями о личности: уникальность, простота и неделимость, длительность, дискретность. Теперь мы готовы приступить к исследованию теории Деннета — теории личности как Центра нарративной гравитации. Правда, для продвижения вперед нам нужно еще дальше отступить назад. Для того чтобы быть готовым к трудным вопросам о личности, американский философ предлагает сначала попытаться представить, как она могла появиться. Как появились первые агенты, рудиментарное собственное Я²⁰⁰? Вот его попытка реконструировать историю.

3. История о появлении Я

Было время, когда не было личностей и не было агентов, — начинается Деннет. В природе были причины, но отсутствовали мотивы. Было разнообразие, но не было лучшего и худшего. В мире вообще не было целей, так что все, что существовало, существовало ни для чего. Все изменилось с появлением простейших живых организмов — систем, способных к самокопированию. Их первым интересом стало воспроизведение собственных копий. Собственно осознанного интереса у них, конечно, не было, но преимуществами стали обладать те, у кого была механическая предрасположенность к копированию. Они копировались чаще, и те копии, что производились с еще большей предрасположенностью копироваться, копировались еще и еще. Так что постепенно эта особенность стала выделять их из окружающего мира: способность противостоять энтропии и производить собственные копии. То, что мешало воспроизводству, с позиции механизмов самокопирования, стало «отрицательным», то, что способствовало, — «положительным». Так появилась «точка зрения». Конечно, эта точка зрения была внутренне пустой, необитаемой. Но она уже

существовала как некое место, с которого могла бы быть рассмотрена ситуация, или рассказана история²⁰¹.

Примитивные системы, какими были первые репликаторы, конечно, не интериоризировали представления о разделении событий. Но их поведение само по себе стало выражать рациональную схему. Его стало возможно рассматривать с помощью Интенциональной установки. Рациональность появилась не у них, но появилась вообще, как объективная схема. Это была независимая от агента свободная рациональность. Но эта рациональность не могла существовать без определения границ.

Если твоей главной задачей является производство как можно большего числа копий, сначала нужно определиться, что копировать. Невозможно же скопировать весь мир. И нужно обеспечить себе безопасность. Возникает потребность очертить границы, разделяющие внутреннее от внешнего. В мире неживой природы этого нет. Безразлично, где заканчивается один камень и начинается другой. Разлом или трещина может проходить здесь или там — никто не будет вынужден защищаться или отступать. Совсем другое дело с живыми существами. Они вынуждены следить за нарушениями собственных границ. Иначе будет разрушено то, что составляет их функциональное единство. Так что создаются сложные механизмы защиты: шерсть, чешуя, панцири, зубы и клешни. Иммунная система — это тоже инструмент защиты границ, целая армия из миллионов различных антител, чьей основной задачей служит защита организма от незваных и вредных для здоровья гостей. Правда, все механизмы защиты должны быть направлены вовне, а не против себя. Как биологический организм определяет, где его границы? Деннет считает, что эта способность жестко запрограммирована эволюционным процессом. И она присутствует в самых простых организмах. Даже у омаров есть рудиментарное представление о себе, о своей структуре. Иначе они стали бы кормиться собственным телом. Эта рудиментарная схема и есть их собственное Я, простейшее биологическое Я.

Существование границ и механизмов их защиты не означает, что они четко очерчены и абсолютно непроницаемы.

В любом сложном организме множество пришельцев: вирусы, бактерии. Эти пришельцы сами по себе являются автономными системами и защищают собственные границы. Часть из них паразитируют на организме хозяина, а некоторые не только безвредны, но и необходимы для нормального функционирования. Некоторые бактерии, например, населяющие пищеварительную систему, позволяют усваивать пищу, а некоторые — вырабатывают витамины. Даже митохондрии, основной источник энергии в наших клетках, скорее всего, некогда являлись «посторонними» — бактериями, которые были поглощены, но нашли вариант взаимовыгодного симбиоза. Границы организма проницаемы и в обратную сторону.

И сами живые существа проводят экспансию во внешний мир. Многие виды приспособились осваивать окружающее пространство так, что оно как бы становится их естественным продолжением. Улитка накапливает кальций, чтобы потом выделять его в качестве твердой ракушки, а рак-отшельник присваивает уже готовую ракушку, пауки плетут паутину, а бобры строят плотины. Все эти артефакты нужны им для того, чтобы повысить свои шансы на выживание и, как показал уже известный нам Ричард Доукинз, являются также объектом естественного отбора. Для того чтобы охарактеризовать эти артефакты и вписать их в эволюционный процесс, Деннет, вслед за Доукинзом, называет их частью «расширенного фенотипа». «Расширенный фенотип» может продлевать территориальные границы организма на несколько сантиметров (как в случае с улиткой), а может на километры (как в случае с границами заводи после строительства плотины бобром); он может быть относительно простым, а может — необыкновенно искусно сделанным, как, например термитник или гнезда австралийского шалашника. Он может включать в себя неорганические предметы, а может — даже особей того же вида, как колония муравьев. Но самые удивительные и сложные конструкции создаются человеком. Мозг человека порождает уникальную по своей сложности паутину из поступков и текстов. Как искусственные артефакты животных, эта сеть — личная история — выполняет защитную функцию и увеличивает репродуктивные шансы организма. И, как

большинство артефактов животных, она собрана из элементов, уже существующих в окружающей среде. Нам нетрудно догадаться, о каких элементах говорит Деннет. Конечно, строительными блоками для автобиографии являются элементы культуры, мемы. Из мемов создается биографический текст, а он, в свою очередь, является основой для появления личности — наиболее удивительного вида «расширенного фенотипа» среди живых существ. Биографический текст создает личность как тренд, как геометрический центр биографических историй, как условную точку, куда указывает стрелка компаса наших поступков. «Наша фундаментальная тактика самозащиты, самоконтроля и самоопределения — это не плетение паутины или строительство плотин, а рассказывание историй, и в частности изобретение и ведение истории, которую мы рассказываем другим — и себе — истории о себе. Эти строки и вереницы текста происходят как будто из одного источника. Их эффектом является появление у любой аудитории ощущения единого агента, который творит эту историю, создание Центра нарративной гравитации»²⁰².

Из построений Деннета следует поразительное утверждение: не личность создает автобиографию, и автобиография — личность. «Наши истории закручиваются, но в большей степени не мы закручиваем их, а они нас. Наше человеческое сознание и наша нарративная личность это продукт, а не источник»²⁰³. Это, конечно, переворачивает наши обыденные причинно-следственные представления с ног на голову. Но и позволяет продвинуться к решению дилеммы, с которой мы столкнулись в начале этой главы. Как любое биологическое существо, человек и его мозг — это система из множества модулей. Ни один из них не обладает всеми уникальными качествами личности. Ему не могут быть приписаны желания, убеждения, действия и ответственность за них. Но в результате совместной работы всех этих модулей организм демонстрирует сложное поведение, которое и можно назвать поведением личности. Ее заметно с высоты птичьего полета, точнее, с позиции автобиографической истории.

Происхождение агентов, собственных Я, личности, как нам представляет это Деннет, конечно же, набросок, норма-

тивная модель, воспроизводящая логику эволюционного процесса. В этом сюжете нет подробностей и исторических дат. Тем не менее эта история позволяет наглядно проследить, как из хаоса с помощью одного только слепого алгоритма возможно возникновение систем с собственной точкой зрения, границами, саморепрезентацией и даже автобиографией. История показывает, что «личность» может быть продуктом биологического организма, результатом адаптации, лишь по уровню сложности, а не принципу, отличающимся от других искусственных артефактов, созданных живыми существами. И ее возникновение естественно. Оно не требует осознанного плана по ее созданию, как плетение паутины не требует от паука интеллектуального замысла, как строительство термитника не требует архитектурного проекта у термитов, как работа иммунной системы не предполагает медицинских знаний у антител. История о происхождении личности перекликается с другой эволюционной историей, с которой мы уже сталкивались в главе об интенциональности — пирамидой «Проб и ошибок». Они действительно взаимодополнительны. Но, описывая процесс происхождения личности, Деннет делает акцент на постепенности, а не принципиальных отличиях высшего от низших этапов. Это позволяет ему ввести понятие расширенного фенотипа. Означает ли это, что американский философ склонен наделять личностью не только человека, но и другие разумные существа?

4. Условия появления личности.

Нормативное определение

Класс людей примерно совпадает с классом личностей. Поэтому мы склонны сближать эти два понятия. Но какие есть для этого основания? На чем основан антропоцентризм? Может, стоит расширить этот класс и допустить в него высших млекопитающих, например, собак, обезьян и дельфинов. Или, наоборот, сузить, оставив в нем только тех, кто имеет достаточно высокие показатели по тестам IQ (или тех, кто имеет два высших образования)? В одной из ранних работ,

статье «Условия, чтобы быть личностью», Деннет пытается прояснить понятие «личности», и, вместе с тем, точнее очертить круг удовлетворяющих ему существ. Одно из его первых наблюдений — обнаружение двух аспектов, в которых употребляется понятие. Деннет опирается на определение Локка. Личность — «это юридический термин, касающийся действий и их ценности и относящийся поэтому только к разумным существам, знающим, что такое закон, счастье и несчастье. Эта личность простирает себя за пределы настоящего существования, к прошлому только силой сознания; вследствие этого она беспокоится о прошлых действиях, становится ответственной за них, признавая за свои и приписывая их себе совершенно на том же самом основании и по той же причине, что и настоящие действия»²⁰⁴. В этом определении две составляющие: этическая, указание на ответственность за собственные действия, и метафизическая — определение личности как мыслящего, самосознающего агента. Попытка расшифровать определение приводит Деннета к перечню основных критериев для этой категории. Их шесть: (1) рациональность, (2) интенциональное содержание, (3) возможность быть объектом Интенциональной установки, (4) способность относиться к другим как к мыслящим агентам, (5) речь, (6) самосознание. Первые три, по мнению автора, взаимосвязаны. Об этом можно судить из содержания первой главы. Вспомним, что рациональность определялась автором как закономерность в поведении, различимая с позиции Интенциональной установки. Чтобы быть личностью, необходимо быть интенциональной системой. Но этого недостаточно. Мы знаем, что Интенциональная установка способна щедро наделять рациональностью (и интенциональным содержанием) самые различные объекты: людей, животных, шахматные программы и даже термостаты. И только часть из этих объектов, очевидно, может быть отнесена к категории личностей. Необходимы дополнительные условия. Может появиться искушение отнести к личностям те объекты, которые действительно обладают интенциональным содержанием, намерениями и убеждениями (в отличие от тех, что как *будто бы* имеют их). Для Деннета это, конечно, запрещенный шаг. Что значит действительно

обладать убеждением? Какими будут объективные признаки? Он отказывается от этого шага в пользу другой, более законной альтернативы.

Его следующим условием является взаимность, способность видеть в других рационального агента. Это условие вполне объективно. Речь идет об интенциональных системах второго порядка, т. е. системах, которые могут приписывать другим агентам интенциональные содержания и с помощью этой стратегии предсказывать их поведение²⁰⁵. Системы подобного рода могут иметь убеждения об убеждениях других. К примеру, пес Фидо голоден, он хочет получить свой завтрак и считает, что если будет скулить, его хозяин поймет, что Фидо хочет завтрак. То есть в этой интерпретации его поведение будет иметь форму: S убежден, что Р поймет, что... и т. д. Правда, представления второго порядка (представления о представлениях) иногда можно заменить на более простые. Например, когда я бросаю монетку в автомат с газировкой, я ведь не собираюсь убеждать автомат в том, что хочу пить. Достаточно представления о функциональной организации автомата, условиях получения газировки. Если Фидо воспринимает своего хозяина как автомат для производства завтрака, ему не нужно иметь второпорядковые представления. Тогда вообще, существуют ли второпорядковые системы?

В некотором смысле бихевиоризм — это попытка обойтись без второпорядковых представлений даже в случае людей. Правда, мы уже знаем, что эта попытка неудачная: бихевиоризм не может объяснить всю вариативность человеческого поведения и даже поведения животных. Несостоятельность бихевиоризма, а значит, существование второпорядковых систем, можно обнаружить, когда возникает новое поведение. К примеру, если бы наш Фидо в случае неудачи стал бы подбегать к новенькому, только что приобретенному, но уже заполненному едой холодильнику, нельзя было бы сказать, что он рассчитывает на простую механическую реакцию хозяина на «стимул». Ведь до этого подобный «стимул» не использовался. Примеры подобного оригинального поведения несложно найти. Так, некоторые птицы для отвлечения хищника могут использовать уловку «сломанного крыла». Они волочат

его по земле, передвигаясь в сторону от гнезда. Обманывая хищника, они как бы обещают ему легкую наживу. Но как только угроза для гнезда исчезает, они как ни в чем не бывало улетают. Такое поведение инстинктивно, но оно не подходит под разряд механического, так как птицы демонстрируют его в новых обстоятельствах. По мнению Деннета, это характеризует способность к второпорядковым представлениям.

Возражения Деннету, правда, можно было бы построить и с другой позиции. Можно было бы предположить, что любая интенциональная система первого порядка автоматически обладает способностью к интенциональности второго порядка. Когда я имею убеждение в том, что сегодня четверг, разве я не имею убеждение в том, что убежден, что сегодня четверг? Если это так, четвертый критерий просто лишний. Деннет, однако, не считает такой вывод верным. Представления о собственных убеждениях свойственны только наиболее развитым интенциональным системам. К примеру, шахматная программа может считать, что оптимальным ходом будет E2–E4. Но это вовсе не значит, что она убеждена в том, что имеет это убеждение, если этого никак не следует из ее поведения.

Интенциональные системы второго порядка способны демонстрировать вполне сложное вариативное поведение, и его нельзя точно описать без использования ментальных терминов. Однако это не означает, что эти ментальные, психологические характеристики как-то представлены в системах для самих этих систем. Это не значит, что, выражая рациональные схемы в поведении, эти системы отдают себе об этом отчет. По мнению Деннета, такую способность дает только язык, развитая речь. Это пятое необходимое условие существования личности. Оно зависимо от предыдущего: целью коммуникации является передача некоторых убеждений другому (ложных или истинных), поэтому их нельзя представить без интенциональности второго порядка. Но это условие не дублирует предыдущее. Ибо, как мы видели, второпорядковые интенциональные системы могут обходиться без языка. Развитая речь, в свою очередь, является необходимым и достаточным условием для существования самосознания. Достаточным, потому что кроме нее и указанных выше условий

для самосознания ничего не нужно. Аргументы в пользу этих сильных и контринтуитивных утверждений были рассмотрены нами в предыдущих главах. Сейчас же нас интересует, как связывает Деннет шесть перечисленных критериев с появлением личности, в частности, с возможностью наделять ее ответственностью.

Мне кажется, его логика такова. Интенциональные системы, способные видеть в других интенциональные системы и описывать их (и собственные) убеждения и желания на языке, способны рассчитать оптимальную модель взаимоотношений. Эта модель взаимоотношений предполагает справедливость: признание прав и ответственности участников взаимоотношений. В той мере, в какой существа следуют этой оптимальной модели поведения, в той мере они являются личностями. Важно отметить, что подобная формулировка является нормативной, идеализированной. Очевидно, люди не ведут себя всегда рационально. Они не всегда в равной мере учитывают интересы других. И уж тем более не затрудняют себя расчетами оптимальных отношений со всем и каждым. Они просто ведут себя, как считают нужным. Но схема поведения, безотносительно того, присутствует она в чьей-то голове или нет, существует. И поведение в нашем обществе в той или иной степени приближается к этому идеалу. Что, по мнению Деннета, из этого следует? То, что каждый из нас не является в абсолютном смысле личностью. И степень приближения к этой норме колеблется с каждым поступком, каждым действием. Личность — это не титул, не звание, присвоенное раз и навсегда. Чем менее этичен поступок, тем меньше оснований считать совершившего его человека личностью.

5. Свобода воли и ответственность

Пусть так, но не кажется ли вам, что в логике Деннета допущен серьезный пробел? Представление о личности, как мы видели из исходного определения, связано с ответственностью за собственные действия. Наделение личности правами, особым моральным статусом, немыслимо без возникновения

ответственности. Но откуда может возникнуть эта ответственность? Вот, скажем, цепочка из домино. Стоит толкнуть первую в цепи костяшку, и результат будет хорошо прогнозируем²⁰⁶. Но разве не то же самое происходит с поведением живых существ? В конечном итоге, их поведение запрограммировано эволюционным алгоритмом. Ни один из его критериев не предполагает возникновения свободы воли. Да и откуда она может взяться в мире, детерминированном законами физики? А без свободы воли рушится все возведенное построение. Тогда, может быть, прав был Скиннер, считавший, что концепция личности непоследовательна и бессмысленна? Свобода воли и детерминизм не противоречат друг другу, — считает Деннет. Хотя причинно-следственные связи действительно жестко заданы, будущее не может видеть никто. Оно эпистемически закрыто (если, конечно, не брать в расчет абсолютный разум, или демона Лапласа). Поэтому мы всегда имеем дело с ожиданиями. А ожидания могут обмануться. То, что действительно важно для свободы, — это эпистемическая недоступность будущего и возможность принимать решения, выбирать из возможных вариантов, действовать, исходя из внутренних факторов, а не только из внешних. Это и есть свобода. Свобода выражается в способности отдавать отчет в собственных желаниях, действовать в соответствии с желаниями и пересматривать их. А это становится возможным с использованием языка. Я могу быть ответственным за действие (частью собственного поведения, описанного таким-то образом) только в том случае, если описание этого действия доступно мне, так как только имея описание, я могу рассуждать о мотивах действия. Способность рассуждать о мотивах позволяет мне убедить себя в необходимости действовать или воздерживаться от действия. Она позволяет не только желать, но и выбирать желания, соотнося их с тем образом, который наиболее желаем. Эти способности открываются с языком, а значит, речь дает свободу выбора и ответственность²⁰⁷. Из известных нам существ эта способность характерна только для людей, и даже не всех. Маленькие дети и некоторые психически нездоровые люди не способны к такого рода рассужде-

ниям, поэтому они точно не могут считаться полноценными личностями, только личностями в перспективе.

Рассуждения Деннета дают нам основания полагать, что моральный и метафизический аспекты личности взаимозависимы, как две стороны одной медали; что класс существ, потенциально удовлетворяющих условиям, не соответствует всему классу людей; и что даже для взрослых, рациональных и этически развитых людей, это понятие представляет собой только далекий ориентир: поступок и решение может приблизить или отдалить от него. Каждый из установленных критериев является нормативным, идеализированной моделью. Какие из этого этические следствия? Мне кажется, это значит, что никаких оснований для антропоцентризма и видового шовинизма нет. Мы — один биологический вид среди прочих. Из этого следует императив к щедрости в наделении правами (в том числе к другим биологическим видам) и осторожности в наделении ответственностью. Коль скоро мы сами не полностью соответствуем модели (личности), ее нельзя использовать в качестве аргумента против других, в качестве основания для отказа в правах другому агенту или оснований для обвинений. Это и есть одно из наиболее важных отличий подхода Деннета²⁰⁸. И я вижу в нем фундамент для большей гуманности.

Мы проделали достаточно длинный последовательный путь от первых агентов до самых совершенных существ, способных к рациональному поведению, речи и саморепрезентации. Надеюсь, что этот путь позволил лучше разобраться в том, чем мы являемся. Но теперь, после подробного обсуждения критериев существования личностей в целом, мы могли бы вернуться к исходному вопросу — вопросу о личностях конкретных, вопросу о тождестве личности. Мы можем обсудить, в чем заключается возможность длительного существования одной и той же личности. Попытаться ответить на вопрос, почему *Я* сегодня и *Я* завтра — одна и та же личность. Почему вы уверены, что вы тот же человек, что читал начало этой главы (и тот же человек, что будет получать вашу пенсию)? Можно ли пережить смерть собственного организма? Что будет, если ваш характер радикально

изменится вместе с убеждениями и памятью? Можете ли вы пережить трансплантацию мозга (или это правильной будет назвать трансплантацией тела?)? Может ли в вашем теле оказаться еще одна личность? А две? Может ли у одной личности быть два мозга? Пожалуй, начнем с последних вопросов.

6. Синхронное тождество.

Сколько личностей может быть в одном теле в одно время?

Эксперимент «Где Я?»

Чтобы исследовать вместе с Деннетом эти вопросы, наш путь теперь направляется не далеко назад, а далеко вперед. Это путь в воображаемое будущее, опять к фантастическим, вымышленным ситуациям, которые должны прояснить ситуации существующие. Мы будем участвовать в новых мысленных экспериментах. Вымысел потребуется для того, чтобы выпрыгнуть за пределы реальности, и откуда-то извне посмотреть на нее. Со стороны видно лучше. А подробности и детали помогут нам избежать мошенничества. Чтобы не допустить обмана воображения, чтобы вымысел был не сказкой, а допустимой возможностью, пусть хоть и очень, очень отдаленной. Таковы условия мысленного эксперимента²⁰⁹.

Деннета часто считают критиком мысленных экспериментов. О его осторожном отношении к «помпам для интуиции» речь шла в первой главе. Мы уже сталкивались с его возражениями на аргумент Китайская комната, Инвертированный спектр, Мэри, Зомби. Но теперь мы рассмотрим аргумент, который предлагает Деннет. Будем исследовать историю «Где Я?», которая появилась впервые в сборнике «Мозговые штурмы» (1978). Эта история была включена в завершающую главу и значительно отличалась от всех предыдущих. Поэтому автор во введении сам называет ее «десертом» к трудным, серьезным философским текстам. Повторно история появилась в книге «Глаз разума. Фантазии и размышления о самосознании и о душе», вышедшей под совместной редакцией

Хофштадтера и Деннета. По жанру она гораздо естественней подходила именно для этой публикации. Здесь собрано, пожалуй, только «сладкое». В книге — эссе философов, писателей, ученых (Нозик, Борхес, Лем, Доукинз, Сёрл), размышляющих над вопросами «Что такое разум?», «Что такое я?», «Может ли материя думать или чувствовать?», и комментарии к ним редакторов. Но выводы, следующие из этой истории, сразу не очевидны. «Это... попытка выявить возникающие здесь противоречия и описать их живо и образно. Мы хотели не столько ответить на вопросы, сколько взбудоражить всех, кто прочтет нашу книгу...»²¹⁰. История «Где Я?» настолько художественна, что даже стала одним из сюжетов для фильма голландского режиссера Пьета Ходедреса, где в роли *Деннета* тоже снимается сам Деннет. Вместе с ним героями фильма оказались его со-редактор философ-математик Дуглас Хофштадтер и когнитивист Марвин Мински.

История «Где Я?», как и прочие эссе сборника «Глаз разума», после первого прочтения оставляет читателя в недоумении. Какую гипотезу она должна удостоверять? Автор не разъясняет нам явным образом²¹¹. Вместо этого в тексте мы находим разные, порой трудно соотносимые размышления героя истории и фрагментарные замечания автора. Где настоящая позиция Деннета? Как хитроумная и диковинная археологическая находка, история «Где Я?» заставляет задуматься: «Как можно ее приспособить?», «Для чего бы она могла пригодиться?», «Каков был замысел создателя?», «Сделана ли она всерьез или для забавы?».

Итак, Деннет выполняет секретную миссию Пентагона (конечно, против «красных»). Ему придется обезвредить радиоактивную боевую головку где-то в недрах земли. Но для того чтобы мозг не был поврежден смертоносным излучением (для других органов излучение относительно безопасно), он должен остаться в лаборатории. Оттуда мозг будет осуществлять контроль над телом с помощью системы радиосвязи. Каждое нервное окончание в пустом черепе будет соединено с микропередатчиками и микроприемниками, которые, в свою очередь, будут направлять сигнал непосредственно в мозг. «Представьте, что это всего лишь растяжение

нервов... Мы всего лишь сделаем ваши нервы бесконечно растяжимыми, вставив в них радиоконтакты»²¹². Деннета кладут на операционный стол, анестезия... и вот сразу после пробуждения он задает обычный для такого случая вопрос: «Где я?». Экстравагантная завязка нужна автору для того, чтобы обнаружить проблематичность этого вопроса. В самом деле, где Деннет, когда части его в разных местах: мозг в чане, а тело на операционном столе?

Конфигурация 1. Гамлет и Йорик

В повседневности теряется все что угодно. Нельзя в буквальном смысле потерять только самого себя. Я всегда «здесь». Это исходная, всегда отправная точка, географический центр субъективности. Но в нашем случае точек отсчета может быть как минимум две. «Итак, я сижу на складном стуле и смотрю сквозь небьющееся стекло на свой собственный мозг. Но погодите... не должен ли я сказать, что плаваю в булькающей жидкости, озираемый собственными глазами?»²¹³ Герой мысленного эксперимента, глядя на собственный мозг, философствует в шекспировском духе. И автор сюжета решает не ограничиваться намеком на знаменитую трагедию. «Совсем сбитый с толку, я попытался прибегнуть к любимому трюку философов. Я принялся раздавать вещам имена. „Йорик, — сказал я вслух своему мозгу, — ты мой мозг. Остальное тело, сидящее на этом стуле, я назову Гамлетом. Все мы сейчас здесь: мой мозг, Йорик, мое тело, Гамлет и я сам, Деннет. Где же я теперь?“»²¹⁴

Альтернатива 1.

Где Йорик, там и Деннет

Такое решение вполне подходит тем, кто отождествляет мозг с субъектом в целом. Представим, как мозг Тома пересекают Дику. Очевидно, Дик становится Томом, а не наоборот. Человек в теле Дика знает все сокровенные подробности жизни Тома, ведет себя в точности, как Том, сохраняет все те же убеждения, желания, что и Том. Несмотря на внешние различия, он просто не может не быть Томом. В мозге

запечатлены подробности жизни и ключевые психологические качества личности. Так что с телом можно расставаться, но не с мозгом.

Альтернатива 2.

Где Гамлет, там и Деннет

Несмотря на рациональные доводы, описанные выше, вторая альтернатива ближе субъективному восприятию Деннета, созерцающего собственный мозг. Шекспировский герой, глядя на череп, обнаруживает бренность человека, а Деннет, глядя на собственный мозг... что это не он! И правда, мозг, бездвижный, находится в чане, никуда, по-видимому, не собирается. А Деннет вот-вот отправится в Тулсу, где будет обезвреживать боеголовку. Или на секретное задание отправится не Деннет, а радиоуправляемый биологический робот? Слишком сильна интуиция, связывающая личность с телом, действующим в мире, и воспринимающим агентом. И разве нет противоречия в возможности воспринимать и быть воспринимаем одновременно? Гамлетовские (Йориковские?) размышления наводят героя на мысль, примиряющую, кажется, обе позиции.

Альтернатива 3.

Деннет там, где он сам считает

Эта неожиданная позиция любопытна тем, что не создает жесткой зависимости между положением субъекта и какой-либо из его физических частей. Точка зрения, а с ней и субъект, может мгновенно перемещаться между различными физическими объектами. В нашем случае между мозгом и телом. Более того, местоположение *Я* может вообще не соответствовать какому-либо физическому объекту. Допустим, мы наблюдаем за событиями с помощью видеокамеры, находящейся в другом помещении. Если ничто не отвлекает нас, складывается устойчивое ощущение присутствия в этом другом помещении. Присутствия прямо за объективом видеокамеры. Значит, точка зрения может вообще не совпадать с положением частей человека. К этой позиции, по-моему, склоняется герой мысленного эксперимента. Но нас, читателей она может на-

сторожить. Совпадает ли на этот счет позиция Деннета-героя и Деннета-автора? В конечном итоге Деннет — один из самых последовательных сторонников материализма. Может ли он допустить, чтобы личность, подобно призраку, перескакивала между объектами, и даже существовала в пустоте?

Дальнейшие злоключения героя мысленного эксперимента только усиливают наши сомнения в полном совпадении взглядов героя и автора. Итак, Йорик остается в безопасности, в стенах техасской лаборатории, а Гамлет отправляется к радиоактивному объекту. Но, не успев завершить задание, он попадает в беду: «Я совершенно оглох. Сначала я подумал, что сломались наушники моей рации, но когда я постучал по шлему, то ничего не услышал. По-видимому, сломались слуховые приемопередатчики... Я начал описывать то, что со мной происходит. В середине предложения я понял, что случилось еще что-то. Мой голосовой аппарат внезапно прекратил работать...». Следом отказала правая рука, потом левая, и Деннет совсем ослеп. Проклиная ученых, впутавших его в эту авантюру, он сидит оглохший, ослепший и неподвижный в радиоактивной шахте, но вот... с отключением последнего передатчика он мигом переносится... в Хьюстон. «Если минуту назад я был заживо погребен в Склахоме, то теперь я был лишен тела в Хьюстоне»²¹⁵. Моментальный перенос точки зрения становится поводом к «озарению» Деннета. Он столкнулся с подтверждением нематериальности души! «Ведь когда последняя радиосвязь между Тулсой и Хьюстоном прекратилась, я поменял местоположение со скоростью света! И моя масса при этом не увеличилась... Я не мог себе представить, как философ-физикалист мог бы это опровергнуть, не прибегнув к крайней, противоречащей здравому смыслу мере — запрещению всякого упоминания о личностях».

Убеждение героя в нематериальной сущности «Я» вряд ли разделяет автор. Но и запрещать понятие «личность», как Скиннер или философы-элиминативисты, к примеру, Пол и Патрисия Черчленд, Деннет не готов. Совместить третью альтернативу и физикалистские представления можно, только если личность считать не конкретной, физической, а абстрактной сущностью. Такую позицию защищает Деннет.

Атомы и пустота — не единственное, что признает наука. В ее онтологии есть место и для более странных вещей. Например, центр тяжести, понятие, которое составляет важнейшую часть ньютоновской физики. Центр тяжести — не какая-то конкретная частица, не атом. Это условная точка, пространственная координата. У нее нет ни запаха, ни цвета, ни плотности, ни массы, нет никаких физических свойств. И тем не менее она необходима для того, чтобы точно предсказать движение объекта. В этом смысле она является реальным объектом, реальной объективной причиной событий. Центр тяжести может совпадать с геометрическим центром предмета, а может быть вне предмета. Центр тяжести Земли где-то во внутреннем ядре, а центр тяжести бублика — в дырке. Перемещаться центр тяжести может не только постепенно, но и мгновенно, минуя промежуточные этапы. Такова экзотическая судьба абстрактных сущностей. Если следовать аналогии и предположить, что личность — что-то вроде абстрактной сущности, можно без труда и без дуализма объяснить феномен, с которым столкнулся герой мысленного эксперимента.

Аналогию между Я и центром тяжести можно найти в более поздней статье Деннета «Я — как центр нарративной гравитации»²¹⁶ (1988). Но даже в первой опубликованной книге философа мы обнаружим склонность к такого рода рассуждениям. Абстрактные (в частности, ментальные) сущности нереперенциальны, т. е. не отсылают к каким-либо конкретным физическим объектам, — подчеркивает Деннет в «Контенте и сознании». И потому их поведение как в мире, так и в языке сильно отличается от обычных терминов. Меры длины, метры и километры, к примеру, необходимы как характеристики пути. Их использование вполне законно и не противоречит физикализму. Но было бы ошибочно искать их где-то на дороге.

К сожалению, Деннет-герой не вооружен подобными аргументами. И Деннет-автор дает ему возможность радоваться, заблуждаясь: «я радовался своему философскому открытию и ломал голову... над тем, как сообщить о нем в журналы»²¹⁷. Радость могла бы оказаться очень кратковременной, если бы пребывание нашего героя в чане затянулось.

Конфигурация 2. Йорик и Фортинбрас

Ученые погружают мозг Деннета в сон, а после пробуждения он обнаруживает, что обрел новое тело. «...Посмотрев в зеркало, я удивился, увидав там незнакомца. Он был с бородой и немного толще меня...». Да, Гамлет остался в подземной шахте, а у Деннета новое тело. Его наш герой именует, конечно, Фортинбрасом. Оно также оснащено радиоконтактами. Поэтому Фортинбрас, как и Гамлет ранее, управляется Йориком дистанционно. Вскоре Деннет свыкается с новым обликом, привыкает к изменившемуся голосу, мускулатуре. Отражение в зеркале более не удивляет его — лицо несет все тот же оттенок светлого ума и решительного характера. Ведь со сменой тела личность не меняется. И вот в один из дней он решает навестить Йорика, старого беднягу Йорика, который, как и прежде, находится в чане в Хьюстонской лаборатории.

«Я решил, что добрый старый Йорик заслуживает, чтобы его навестили. Я и мое новое тело... вошли в знакомую лабораторию под аплодисменты сотрудников...» Перед Деннетом прозрачный чан, в нем мозг. А рядом выключатель, который управляет системой радиопередатчиков между мозгом и телом. «Повинуясь случайному капризу, я протянул руку и перебрросил переключатель в положение „Выкл“. Представьте себе мое удивление, когда ничего особенного не случилось. Я не зашатался, не упал без сознания... — я не почувствовал ничего!»²¹⁸ Деннет продолжает стоять напротив чана с собственным мозгом и размышлять, в то время как связь между ними, между Йориком и Фортинбрасом, нарушена.

Наверное, все, что происходило до этого, можно считать развернутой преамбулой. События, описанные выше, хоть и за пределами технических возможностей сегодня, с философской точки зрения все же тривиальны. Нет ничего удивительного в возможности трансплантировать жизненно важные органы или вживлять искусственные. Возможно, недалеко за горами и перспектива трансплантации мозга. Но то, что будет описано далее, перестает быть тривиальным. Мы подошли к самой существенной части мысленного эксперимента, его кульминации.

Конфигурация 3.**Йорик и Фортинбрас / Губерт и Фортинбрас,
Йорик = Губерт***Объяснения происшедшего
руководителем лаборатории. Версия 1*

Еще до того, как Деннета оперировали в первый раз, был изготовлен компьютерный дубликат его мозга. Была написана программа, которая работала в точности как независимая функциональная копия. Если на входе она получала аналогичные данные, сигналы на выходе ничем не отличались. Программу подключили к радиопередатчикам Фортинбраса, так что теперь она получала всю ту же информацию, что и Йорик. Подобно мозгу, она обрабатывала данные и выдавала соответствующую реакцию. Только эта реакция не передавалась Фортинбрасу, а записывалась и сравнивалась. Наблюдение за синхронностью работы Йорика и Губерта — так называли программу ученые, не озабоченные шекспировскими параллелями — длилось несколько месяцев, так что ученые смогли убедиться в их абсолютной схожести и независимости. Тогда они решили совершить переключение. Когда Деннет прибыл в лабораторию, контроль над его телом уже осуществлял Губерт. Поэтому выключение радиопередатчиков Йорика никак не повлияло на поведение Фортинбраса.

В ходе мысленного эксперимента автор представил несколько возможных конфигураций субъекта: 1) Деннет, 2) Йорик — Гамлет, 3) Йорик — Фортинбрас. И вот теперь 4) Йорик, Губерт и Фортинбрас.

Одно тело, два мозга — искусственный и органический — работающие синхронно, одновременно получающие сигналы от органов чувств и попеременно выполняющие функцию управления организмом. Что с помощью этой новой конфигурации намерен показать Деннет? Я попытаюсь воспроизвести скрытый аргумент, который лежит в основе воображаемой ситуации.

(1) Изменения положения тумблера (Йорик → Губерт, Губерт → Йорик) проходят незаметно для окружающих и для самого субъекта. Ведь точка зрения не смещается, и воспри-

ятия одни и те же. «Я обнаружил, что, не считая щелчка, я не ощущал совершенно никакой разницы. Я мог повернуть тумблер в середине предложения, и фраза, которую я начал под контролем Йорика, завершалась без малейшей паузы под контролем Губерта»²¹⁹.

(2) При изменении положения тумблера сохраняется тождество личности. Находясь и под управлением Йорика, и под управлением Губерта, *Деннет* не перестает быть одним *Деннетом*. У него те же воспоминания, такой же характер, те же цели и желания.

(3) Значит, теперь у *Деннета* есть полноценный запасной мозг. *Деннет* — одна личность с двумя независимыми мозгами. «Я оказался обладателем искусственного мозга, который мог оказаться мне весьма полезен, если бы в будущем с Йориком что-нибудь случилось. Я также мог держать Йорика про запас и использовать Губерта. По-видимому, было совершенно безразлично, которого из двух я выбирал...»²²⁰ Сюжетная линия мысленного эксперимента заставляет нас вообразить человека с двумя мыслительными центрами, работающими синхронно. И поверить, что они формируют одну личность. И герой, и автор (здесь они единоклюны) считают, что параллельные механизмы обработки информации не приводят к появлению новой личности. Зачем понадобилась такая неожиданная схема?

Сложный субъект, состоящий из Йорика, Губерта и Фортинбраса, является оптическим прибором, который показывает, что личность — абстрактная сущность, что-то вроде центра тяжести или единицы длины. Добавление к одному мозгу другого такого же мозга не добавляет нам личностей. Ведь нельзя же добавить к одному центру тяжести еще один, расположенный там же, и получить два. Как нельзя от точки *A* отложить 1 км, а потом еще раз, от этой же точки *A*, в эту же сторону отложить 1 км и оказаться за два километра от нее. Два синхронизированных мозга не порождают другую личность, так как «быть такой-то личностью», как «быть таким-то центром тяжести», не является каким-либо специальным отдельным свойством материи. Это лишь один способ описания поведения объекта/агента.

Конфигурация 4.**Йорик и Фортинбрас / Губерт и Фортинбрас,
Йорик \neq Губерт***Распад Деннета*

«Слава Богу! Я думал, что до этого дело так и не дойдет! Ты не можешь себе представить, насколько ужасны были эти две последние недели — но теперь ты испытываешь это на собственной шкуре, поскольку наступила твоя очередь отправляться в чистилище», — такие слова вдруг произнес *Деннет* после очередного переключения тумблера. Дело в том, что около двух недель назад мозги перестали работать одинаково. Может, в код программы закралась какая-то ошибка, или сбой произошел в радиопередатчиках, но состояния Губерта стали отличаться от состояний Йорика. «В мгновение ока иллюзия того, что я контролирую мое тело — наше тело — оказалась полностью нарушенной... Я чувствовал себя так, словно меня носили в клетке, или, точнее, словно я был одержим. Я слышал, как мой собственный голос произносил слова, которых я не хотел говорить, я в отчаянии наблюдал, как мои руки делали то, чего я не хотел делать...»²²¹. Пятая, последняя представленная нам конфигурация: Йорик, Губерт и Фортинбрас. При этом Йорик и Губерт функционально различаются. В этой пятой конфигурации *Деннет-герой*, по мнению автора, распадается на две личности, два различных мыслительных потока, две независимые и несовпадающие воли. Хотя от органов чувств Фортинбраса все еще поступают идентичные сигналы, реакции Йорика и Губерта различны. Тот из них, кто не способен управлять поведением, обречен быть узником до тех пор, пока тумблер не вернется в предыдущее положение. История завершена. Нам же остается прояснить некоторые ее значения.

Личность как абстрактная сущность

Возможно, в ходе мысленного эксперимента у читателя сложилось впечатление, будто его обманули. И, возможно, в голову пришла аналогия с игрой в наперстки. Ведущий прячет шарик под один из непрозрачных колпачков, быстро их

передвигает, а потом предлагает угадать, где он теперь. Ведущий в данном случае — Деннет — а вместо шарика спрятана «личность». Вот Деннет, вот Йорик-Гамлет, вот Йорик-Фортинбрас, и, наконец, Йорик-Губерт-Фортнибрас. Личность, кажется, как-то странно теряется где-то между третьей и четвертой конфигурациями. Может, в этом месте Деннет прячет ее «в рукав»? Я думаю, однако, что мошенничества здесь все-таки нет. Просто личность — это действительно не вещь, которую можно найти среди вещей. Думаю, мысленный эксперимент в самом деле показывает, что в нашей интуиции это не конкретный физический объект, не биологический организм. Поэтому она теоретически может существовать с помощью другого тела, с другим мозгом, даже с двумя другими мозгами (если будут соответствующие технологии)! Когда мы говорим о личности, мы имеем в виду схему, которая может быть перенесена в другое место, реализована на других носителях. Вот что показывает этой историей Деннет. Из этого следует, что организм, хотя и был необходимым условием возникновения личности, не является единственно возможным условием ее длительного существования. Организм — это то, что позволяет обнаружить личность, собрать о ней информацию, но каждый конкретный организм не есть ее существенная часть. Схема может передаваться с одного носителя на другой бесконечное число раз, так что это очень даже симпатичная перспектива. Слишком симпатичная, чтобы некоторые были в ней уверены.

Так, Элтон, исследователь и сторонник Деннета, написавший самую подробную монографию о нем, не согласен. Он считает, что теория Деннета была бы гораздо более стройной, если бы философ отказался от различения биологического организма и личности. Что же такое личность, как не воплощенный агент, способный мыслить, чувствовать, действовать? Он состоит из механических частей, имеет протяженность и массу. Все эти рассуждения об абстракции, нематериальной схеме делают концепцию Деннета опасно напоминающей картезианское эго, нематериальное мыслящее Я. Разве не это — главный враг Деннета? ²²² Попытку подобным образом «исправить» теорию Деннета делает и другой мыслитель,

С. Галладжер. Соглашаясь в целом с критериями личности, которые выдвигает Деннет, он советует, тем не менее, их скорректировать. «Деннет предполагает, что мозг в чане или компьютер могут иметь само-резпрезентации» [а следовательно, и личность. — Д. В.]²²³, т. е. личность может существовать без телесного воплощения. Но тогда невозможны социальные проявления личности.

В свою очередь, в качестве основного критерия Галладжер предлагает использовать Аристотелевское *phronesis*. Это практическое знание, навык, полученный в результате практики, неразрывно связанный с телесным воплощением. Что мог бы ответить на это Деннет? Какое соотношение в вопросе о личностях между схемой и ее реализацией? Как же быть с мозгами в чане?

Соотношение между схемой и реализацией

А как же быть со спящими философами? Они тоже в чем-то напоминают мозги в чане. Они не участвуют в социальных практиках, не демонстрируют способности к речи, рациональному поведению, предсказуемому с позиции Интенциональной установки. И тем не менее они не перестают быть личностями. Значит, личность может находиться в «спящем» состоянии, в состоянии потенциальных, но не реализуемых в данный момент возможностей. Мне кажется, то же самое верно в отношении разумных программ и мозгов в чане. Для того чтобы выявить личность, необходимо какое-то воплощение, какая-то физическая система, но она может меняться и на время засыпать и т. д. Но от этого не изменится ее идентичность. Я вспоминаю тронувший мою супругу образ из мультфильма «Валли»: маленький робот держит зонтик над яйцом, в которое вдруг и надолго превратилась его подруга. Он надеется на ее возвращение. И это очень человечно. Мы относимся к заснувшей личности как к той же личности, что была раньше, до тех пор пока мы не убедимся в обратном или в невозможности ее разбудить.

Концепция Деннета обладает и другими преимуществами. Она позволяет сохранять осмысленность некоторых общепринятых высказываний. Например, высказывания «Этот

организм — мой организм». Если следовать логике Элтона или Галладжера, это бессмысленная тавтология. Однако с концепцией Деннета оно становится осмысленным и нетавтологичным. Схема в данном случае реализована в таком-то организме, но может быть реализована в другом. Вообще, по Деннету, принцип «один организм — одна личность» случаен. Он может быть нарушен. Для этого представим альтернативный сценарий мысленного эксперимента «Где Я?».

*Объяснения происшедшего
руководителем лаборатории. Версия 2*

Еще до того как Гамлет навестил Йорика в лаборатории, ученые стали экспериментировать с передатчиками, которые были подсоединены к мозгу. Их было такое множество, что следить за их исправностью было очень трудно. Иногда какой-то из них выходил из строя, при этом, к удивлению ученых, это никак не отражалось на функционировании Гамлета. Вероятно, причиной было существование множества дублирующих функций мозга. В конце концов, ученые (не без давления администратора проекта, ратовавшего за сокращение финансирования эксперимента) стали временно отключать часть передатчиков. Когда Деннет пришел навещать свой мозг, он отключил тумблер, который отвечал именно за часть дополнительных, дублирующих функций. Поэтому его организм не потерял управления, и Деннет не почувствовал разницы.

Конфигурация 5.

**Йорик и Фортинбрас. Йорик,
диссоциативное расстройство идентичности**

Но в какой-то момент все пошло наперекосяк. Либо вид собственного мозга сильно напугал Деннета, либо эти эксперименты с переносом в Тулсу и обратно его окончательно запутали. В общем, у Деннета началось психическое расстройство (а разве можно было ожидать чего-нибудь другого от всех этих умопомрачительных экспериментов?). И передатчики, раньше игравшие лишь дублирующие функции, вдруг стали передавать другие сигналы. Ученые с удивлением стали замечать, что переключение тумблера между передатчиками

ведет к значительному изменению поведения Деннета. Можно сказать, они стали свидетелями появления двух Деннетов. Один, *Деннет 1*, был жестким, агрессивным, неуравновешенным. Иногда он казался коллегам просто одержимым. Он постоянно спорил, обвинял, критиковал. С ним трудно было найти общий язык. Совсем другим был *Деннет 2*. Он был всегда спокойным, мягким, заботливым и рассудительным. Этот Деннет больше походил на Деда Мороза. Разница между двумя *Деннетами* заключалась не только в характерах, но и в воспоминаниях. После переключения тумблера одержимый *Деннет* восклицал: «Наконец-то я свободен, и могу контролировать наше, нет, мое тело. До этого момента я был, как в клетке, черт возьми!». Да, он помнил все, или почти все, что происходило во время управления *Деннета 2*. А вот *Деннет 2* вовсе не догадывался о существовании своего альтер-эго. Как только тумблер переключался, он просыпался. Но все прошлое, что проходило под управлением *Деннета 1*, было напрочь стерто из его памяти. Он начинал говорить, как ни в чем не бывало. Вопросы о прошлом его несколько конфузили. «Я стал таким рассеянным», — сокрушался он. Ученые раздвоили Деннета! Эксперимент грозил скандалом, его пора было закрывать.

Что бы подумал Деннет-философ о подобной вариации на тему собственного эксперимента? Возразил бы? Согласился? Я думаю, она вполне естественно вписывается в Модель множественных набросков и не противоречит физиологии мозга. Ведь речь не идет здесь о переключении управления между полушариями мозга. Тогда бы это точно не получилось. Передатчики в каждом комплекте должны подключаться к каждому модулю мозга в правом и левом полушариях. Правда, читатель может все равно сомневаться: как может в одном мозге быть больше одной личности? А я думаю, и одной-то уже много! Самая большая загадка, как появляется одна, а уж дальше простым делением... все становится гораздо проще.

Если же, однако, все это звучит неубедительно, нужно обратиться к наблюдениям самого Деннета. На этот раз речь не о мысленных экспериментах, а о фактических, взятых из психологии. Мы поговорим о синдроме множественной

личности, или диссоциативном расстройстве идентичности (ДРИ)²²⁴. Элтон, насколько я помню, о нем не упоминает, когда пишет о концепции личности у Деннета. Хотя именно этот феномен является сильным аргументом против отождествления личности и организма. И он используется как в «Объясненном сознании», так и в сборнике «Дети мозга». Итак, синдром множественной личности — психический феномен, при котором человек обладает двумя или более различными личностями. Каждая личность имеет собственные отличные друг от друга типы поведения и собственную память. Для установки диагноза необходимо, чтобы личности по очереди контролировали поведение человека, а также одна личность не могла полностью или частично вспомнить то, что происходило под управлением другой личности²²⁵. К настоящему моменту зарегистрировано множество подобных пациентов. Обычно у расщепленной личности есть хозяин, доминирующая по времени личность. Эта личность имеет довольно слабую эмоциональность. В отличие от нее, альтер-эго демонстрируют доминирование какой-то одной, но сильной эмоции или качества: раздражительность, заботливость, сексуальность, инфантильность. Жизнь альтер-эго состоит из тех эпизодов, когда оно выходит на сцену. Эти эпизоды она запоминает, и из них составляет историю о том, что она такое. Чаще всего альтер-эго имеют собственные имена. Количество таких личностей может быть от двух до нескольких десятков. Замечено, что когда «семья» становится большой, кто-то из членов становится личностью противоположного пола²²⁶. Своеобразие феномена можно почувствовать, только если рассмотреть какой-нибудь конкретный пример. Возьмем историю болезни, реконструированную Деннетом в статье «Говоря за нас». Эта история о Мэри.

Тридцатилетняя Мэри страдает депрессией, резкой переменой настроений и потерей памяти. Последние несколько лет она часто попадает в клиники. Ей ставят разные диагнозы: шизофрения, маниакально-депрессивный психоз, пограничное расстройство личности. Ее случай, наконец, привлекает внимание доктора Р, занимающегося диссоциативными расстройствами. Мэри рассказывает врачу свою историю.

Ее отец умер, когда ей было два года, поэтому Мэри воспитывал отчим. В целом он был добр к Мэри, но иногда «это заходило слишком далеко». В подростковом возрасте для нее характерны были резкие изменения настроений, плохая дисциплина в школе. Ее воспоминания очень отрывочны: о школе, о занятиях. К примеру, она хорошо играет на гитаре, но не помнит, как этому научилась. Рассказывая о себе, она иногда начинает говорить в третьем лице. Сейчас она также наблюдает провалы в памяти: находит в гардеробе одежду, которую не покупала, отправляет родственникам несколько повторных поздравительных открыток. Она утверждает, что у нее высокие моральные ценности, но признает, что у других о ней может складываться противоположное мнение.

На одном из сеансов врач решает идти ва-банк. С согласия Мэри он вводит ее в гипнотическое состояние и просит появиться ту часть Мэри, что не выходила раньше. И вдруг Мэри, или та, что недавно была Мэри, неожиданно бросает доктору кокетливый взгляд: «Привет, док! Я Салли... Эта Мэри — просто тряпка. Она думает, будто все знает, но я могу рассказать тебе гораздо больше»²²⁷. Внезапно появившись, Салли также внезапно исчезает. На следующих сеансах на сцене появляются новые лица — Хейти и Пегги. Мэри об их существовании, конечно, ничего не знает. Ее истории диссоциированы. Чтобы вылечить пациентку, врачу нужно интегрировать образы Мэри между собой (познакомить), а также выяснить причину возникшего расстройства. Только в таком случае Мэри может вернуться к нормальной жизни. По крупице врачу удастся восстановить историю заболевания.

С четырех лет отчим стал брать Мэри с собой в кровать. Он ласково называл ее Сандрой, гладил и ласкал ее. Он говорил, что это будет секретом между ними. Иногда Мэри старалась доставить радость отчиму, иногда притворялась бесчувственной. Когда же, наконец, Мэри сказала ему, что больше не может терпеть и что расскажет обо всем другим, — он ударил ее и предупредил, что они оба отправятся в тюрьму. Переживания оказались невыносимыми. Поэтому Мэри просто перестала ассоциировать себя с Сандрой. Через какое-то время и Сандра «расщепилась», уступив место Салли, той

части, что старалась доставить отчиму удовольствие, Хейти — той, что испытывала злобу и гнев, и Пегги — той, что при-творялась бесчувственной. Во взрослой жизни Мэри эти личности нашли себе подходящие роли. Когда Мэри испытывала злобу, ее место занимала Хейти, когда ее целовал мужчина, на сцене возникала Салли. В юности все эти перемены объяснялись как особенности «трудного возраста». К тридцати они стали доставлять ей серьезные проблемы.

История Мэри (и подобных ей пациентов) производит сильное впечатление. Здесь есть о чем подумать и психологу, и этику. Но нас интересует отношение феномена к вопросу о природе личности. Какие выводы можно сделать? Во-первых, ДРИ подрывает принцип «один организм — одна личность». Во-вторых, этот феномен подтверждает, что с личностью мы не рождаемся, а она возникает где-то на раннем этапе развития, одна или несколько. «Человек не появляется с одной или несколькими личностями — но вовсе без лидера в собственном разуме. При нормальном развитии, индивид постепенно знакомится с возможными характеристиками собственной личности, которые „имеют смысл“ — частично с помощью собственных наблюдений, частично через внешнее влияние. В большинстве случаев появляется консенсус большинства о том, что за личность „реальна“. Эта версия и устанавливается...»²²⁸. Но иногда все события просто не умещаются в рамках одной последовательной истории. Тогда внутри истории появляются границы, и образуются несколько центров нарративной гравитации. «В разное время разные подсистемы мозга выдают кластеры высказываний, которые не могут интерпретироваться как высказывания одной личности. Тогда — как в случае с атрибуцией текстов Библии... — более последовательной интерпретацией может оказаться приписывание их разным авторам»²²⁹.

В начале нашей главы мы говорили о головоломке, о трудности совместить представление о единой личности и множественных модулях мозга, в которых происходят различные информационные процессы. Мне кажется, с помощью ДРИ Деннет пытается приблизиться к удовлетворительному реше-

нию. Для того чтобы оно было более наглядным, возьмем его метафору, метафору государства.

Нет ничего ложного в том, чтобы условно дать государству характеристики личности. К примеру, можно сказать, что у США есть память, чувства, предпочтения, надежды, таланты. США тяготеют воспоминаниями о Вьетнамской войне, США не любят коммунизм и любят яблочный пирог, они немного сентиментальны и способны к смелым научным решениям. Это правда. Но все эти черты не обозначают, что они персонифицированы в ком-то одном. Эти характеристики сближают всю страну. Но нет такого «господина Америка», которому все бы они подходили. Правда, у США может быть представитель, президент. Он выражает их характер не только для внешнего мира, но и для собственных частей. Самое главное в его роли — возможность говорить за всех. Такая же роль и у личности. Как видим, тактика решения у Деннета здесь похожа на тактику объяснения сознания. Помните эффект «славы в мозге», представление о наиболее влиятельном из информационных процессов? Здесь Деннет использует тот же прием: только личность инсталлируется на более длительное время, ее «слава» более значительна.

Обычно страну представляет один человек, но нет ничего противоестественного в дуумвирате, или даже олигархии. Так что, мне кажется, наш вариант развития истории «Где Я?» вполне соответствует теории Деннета. Однако возникают сомнения, что его теории соответствует его собственный вариант. Давайте вернемся к 4-й конфигурации мысленного эксперимента.

Ошибка в 4-й конфигурации.

Применение Интенциональной установки

Итак, у Деннета все-таки два мозга, Губерт и Йорик, и их состояния начинают отличаться. Губерт управляет действиями Фортинбраса, а Йорик отправляет свои сигналы впустую. Будет ли Йорик действительно чувствовать себя узником? А может, он даже не заметит разницу? На основании чего он должен ее заметить?

Первая гипотеза

У Йорика и Губерта могли отличаться квалиативные состояния. Да, но эту гипотезу после «дисквалификации квалиа» Денннетом мы даже не можем рассматривать. Так что переходим сразу ко второй.

Вторая гипотеза

У Йорика и Губерта отличаются точки зрения. Согласно Деннету, точка зрения — это место, с которого может рассказываться история. И место, вокруг которого собирается информация о себе, саморепрезентация. Это место всегда связано с расположением воспринимающего и действующего в мире агента (а не мыслительного центра). В «Объясненном сознании» автор уточняет: отличие саморепрезентации от любой другой системы не в том, как она выглядит, а в том, как она используется. Саморепрезентация собирает и организует информацию обо мне таким же образом, как структуры моего мозга отслеживают информацию о Бостоне, Рейгане или мороженом. Учитывая то, что и Йорик, и Губерт получают информацию от одного агента, тела Фортинбраса, я не могу представить, что их точка зрения, по теории Деннета, может отличаться. А если представить какой-то сдвиг? К примеру, с одной и той же позиции Губерт смотрел бы «головой вверх», а Йорик — «вверх ногами». Даже если такое возможно, этот сдвиг быстро бы исчез. В третьей главе мы приводили пример адаптации к переворачивающим изображения очкам. Уже через короткое время участники эксперимента смотрели через них, как будто эффект прошел. Так же должно было бы выравниваться и восприятие Йорика и Губерта.

Третья гипотеза

У Йорика и Губерта отличаются убеждения и желания. Да, но разве об убеждениях и желаниях, согласно концепции американского философа, мы не узнаем по поведению самой системы, как бы оглядывая ее со стороны?

Вот типичная ситуация. В самолете стюардесса разносит напитки: «Что Вы будете?». Отвлекаясь от размышления о тождестве личности, я вспоминаю, какие соки бывают:

«апельсиновый, томатный, яблочный...». Вдруг вырывается: «Мне воду без газа». И в голове что-то откликается: «Правильный выбор!» Разве все действия всегда совпадают с желаниями? И разве сами действия не способствуют тому, чтобы лучше понять желания? Может быть, мы чаще узнаем о собственных мыслях тогда, когда слышим собственные высказывания? Деннет не раз в своих текстах цитирует наблюдение Е. М. Форстера: «Как я могу знать, что я думаю, до тех пор, пока не услышу, что говорю» — и, кажется, с понятной долей симпатии²³⁰. Ведь его собственная теория интенциональности в полной гармонии с этим. Чтобы обнаружить собственные ментальные состояния, Йорик и Губерт должны принять интенциональную установку по отношению к Фортинбрасу и из его действий сделать заключение. Поскольку и Йорик, и Губерт применяют интенциональную установку к одному объекту, их убеждения и намерения не должны отличаться. Проверим наши рассуждения, соотнеся их с текстами Деннета.

Фантазирование и интерпретация собственных желаний и убеждений. Разделенные полушария

В статье «Осмысление себя» американский философ замечает: наше первоначальное впечатление может складываться так, будто мы узнаем о своих ментальных состояниях с помощью интроспекции. Но это не так. Допустим, кто-то спрашивает: «Ты помнишь, как Джо уклончиво отвечал на твои вопросы вчера?». Если я могу вспомнить, что вел себя так, будто понимал, что Джо уклончиво отвечает на мои вопросы, я, скорее всего, отвечу утвердительно. При этом мне не обязательно вспоминать, что в моей голове вчера пронеслась фраза «Джо уклончиво отвечает на мои вопросы». Скорее всего, такой фразы я не вспомню. Стараясь найти (придать) смысл в собственных действиях, люди привыкают вести себя как аутопсихологи. Они «без усилий придумывают интенциональные интерпретации, объединяющиеся в нераспутываемую связку из фантазий, ретроспективных оправданий, и (иногда, без сомнения) хорошего теоретизирования»²³¹. Поразительные случаи фантазирования в отношении собственных мотивов

возникают при различных заболеваниях и в результате гипнотических внушений. Но эти факты заставляют задуматься: возможно, эти способности обнаруживаются в условиях гипноза или в случае травмы. Но, скорее всего, они существуют и в обычных состояниях, только их не так легко обнаружить. В подобных рассуждениях Деннет может целиком полагаться на исследования пациентов с разделенными полушариями, в частности, на работы одного из ведущих нейрофизиологов Майкла Газзаниги. Я кратко упоминал эти эксперименты в самом начале книги в качестве аргумента о необходимой связи между философией и нейрофизиологией. Теперь они сослужат нам хорошую службу.

Начиная с 60-х гг. М. Газзанига, Р. Сперри и Дж. Боген исследуют пациентов с изолированными полушариями мозга. Эти пациенты прошли операцию по рассечению мозолистого тела, сплетения нервных волокон, образующих прямую связь между правым и левым полушариями. Комиссуротомия мозга, так называется операция, используется в качестве средства борьбы с тяжелыми формами эпилепсии. В ее результате припадки пропадают, а пациент после нескольких недель полностью восстанавливается. Но полное восстановление происходит только внешне. Эксперименты Газзаниги и его коллег показали, что после операции полушария мозга показывают изолированную работу. Они не могут больше общаться напрямую через нейронные связи — мозолистое тело рассечено. Но они общаются друг с другом с помощью внешних сигналов, через поведение. Ведь каждое полушарие перекрестно связано с одной стороной нашего организма. Левое полушарие, вдобавок, правда, контролирует речь, поэтому ему проще. Но и правое полушарие способно воспринимать получаемую им информацию и реагировать на нее. Настоящие причины поведения тогда остаются недоступными для левого полушария. И ему приходится прибегать к выдумкам, чтобы «разумно» объяснить поведение организма. Давайте посмотрим демонстрацию экспериментов М. Газзаниги.

Пациент видит две картинки, по одной каждым глазом: к примеру, лапу цыпленка слева и заснеженный пейзаж справа. Каждое полушарие получает эксклюзивно один образ

от одного глаза (с противоположной стороны). После этого пациенту предлагают выбрать из набора картинок, некоторые из которых ассоциативно связаны с начальными образами. Пациент правой рукой выбирает цыпленка, а левой — лопату. Лопата в данном случае правильная ассоциация со снежным пейзажем. Руководитель эксперимента просит пациента обосновать свой выбор. Пациент отвечает: «Все очень просто. Цыпленок ассоциируется с лапой цыпленка. А лопата нужна, чтобы чистить курятник». Интересно, что левое полушарие, обнаруживая поведение левой руки (правого полушария), пытается интерпретировать его исходя только из полученного в ходе эксперимента знания. И даже не допускает какой-то другой причины. Учитывая, что пациент осведомлен о прошедшей операции и имеет достаточное представление о ее последствиях, гораздо логичней был бы другой ответ: «Я не знаю причины выбора лопаты. Возможно, какая-то другая информация была передана моему второму, изолированному полушарию». Удивительно, но никто из пациентов не приходит к такому выводу. А вот еще один не менее показательный эксперимент.

Какую-нибудь команду, например команду «улыбайся», предъявляют через левый глаз правому полушарию пациента. Пациент улыбается. Руководитель эксперимента просит объяснить причину улыбки. Пациент объясняет: «Вы, ребята, приходите и тестируете нас каждый месяц. Вот классная работа». Если показать правому полушарию пациента команду «встань», он встанет и пойдет. Когда его спросят почему, он объяснит: «Собираюсь пойти в соседнюю комнату, взять колы». Подобные эксперименты всегда приводят к подобным результатам²³². Как мы можем их интерпретировать? Какие выводы мы можем сделать из этих и подобных исследований нейрофизиологов?

Мне кажется, можно сделать два вывода, относящихся к нашему исследованию. Во-первых, можно утверждать, что поведение человека определяется работой различных, возможно изолированных между собой модулей. Ведь мозг имеет сложную модульную структуру. Ее правильней рассматривать как социологическую общность, а не психологическое един-

ство²³³. Во-вторых, эксперименты Газзаниги показывают, что информация между модулями может передаваться не только напрямую, но и через внешнее поведение. Когда информация недоступна (а это может происходить регулярно), один из доминирующих модулей берет на себя функцию интерпретатора, ауто-психолога и представляет вместо подлинных те мотивы, которые выглядят с его позиции наиболее рациональными. Так, организм может, не имея доступа к мотивам собственного поведения, просто выдумать их. Вероятно, это происходит часто, или почти всегда. Первый вывод поддерживает справедливость аналогии Деннета между личностью и государством. А второй — представление о ментальных содержаниях как о нормативных рациональных объяснениях, приписываемых системе извне. Так что они вполне согласуются с теорией Деннета. Но тогда теория Деннета не связывается с его собственным мысленным экспериментом! Конфигурация 4 в истории «Где Я?» невозможна с точки зрения его же теории. Губерт и Йорик неспособны заметить различия, так как их точки зрения не отличаются, не могут отличаться и их убеждения, намерения и желания. Ибо они обнаруживаются только извне, при интерпретации поведения организма. А он у них один — Фортинбрас. Чтобы различить убеждения Йорика и убеждения Губерта, нам нужно будет вводить различие между «как бы» убеждениями, предсказываемыми с позиции Интенциональной установки, и подлинными убеждениями, доступными личности непосредственно. Но именно на снятии этого различия основана теория Деннета. Так что если руководствоваться теорией Интенциональной установки и поддерживающими ее выводами Газзаниги, придется объявить 4-ю конфигурацию в мысленном эксперименте Деннета невозможной фигурой, зрительным обманом. Теперь, внимательно к ней приглядевшись, легко заметить ее непоследовательность: вот Йорик контролирует Фортинбраса, Губерт посылает сигналы впустую. Йорик дает команду Фортинбрасу: «Встать». Губерт командует: «Лечь». Фортинбрас встает. Что бы сказал по этому поводу Губерт? «Опять проклятый Йорик не дает мне покоя?» Нет. Давайте переключим тумблер и послушаем: «Почему я встал? Ну, в соседней комнате

я забыл банку с колой, мне вдруг захотелось чего-то прохладного. От наших бесконечных бесед пересыхает в горле. А что?» Но ведь он не хотел вставать, а хотел лечь? В теории Деннета при таком описании хотеть лечь он не мог.

Мысленный эксперимент Деннета «Где Я?» частично разрушается его же собственной теорией. Но это не единственный эффект от выводов М. Газзаниги. Они, на первый взгляд, ведут к новому парадоксу. Наблюдения пациентов с изолированными полушариями показывают тенденцию личности интегрировать любые действия собственного организма, в том числе произведенные по недоступным для нее мотивам. Как с этим соотносится возможность множественной личности? В одном случае личность с помощью выдумки сохраняет видимую целостность, хотя она фактически разделена. В другом — она фактически целостна, но проявляет расщепленность. Не противоречат ли эти случаи друг другу? Не является ли это противоречие основанием сомневаться в описаниях обоих феноменов?

7. Личность — вымышленный персонаж

Мне кажется, диссоциативное расстройство идентичности и особенности пациентов с разделенными полушариями не противоречат друг другу. Более того, оба феномена могут служить подтверждением теории личности Деннета. Ведь они дают основания полагать, что личность, одна или множество, является вымышленным персонажем, олицетворением психологических характеристик, рациональности и целостности, возникающей на фоне разрозненных, механических и специализированных процессов нашего мозга. Интеграция и дезинтеграция — стороны одной медали. Они являются плодом фантазии. Но что это значит? Что значит быть вымышленным персонажем? В чем его отличия от реального объекта? Иллюстрация из уже упомянутой нами статьи «Я — как центр нарративной гравитации» позволит обнаружить специфику вымышленных объектов.

Откроем «Моби Дика» Мелвилла на первой странице. Читаем: «Зовите меня Измаил». Кого называть Измаилом?

Мелвилла? Нет, мы зовем Измаилом Измаила. Но кто он такой? Это вымышленный персонаж Мелвилла. Довольно много о нем мы узнаем из романа. Что он китобой, и что он ищет приключения на судне «Пекод». Кое-что окажется понятным между строк. Например, что у него две руки и две ноги. Ведь кроме особенностей, описанных автором, мы полагаем, что его герой в остальном был похож на прочих людей (в отличие от капитана Ахава, например). Но что-то об Измаиле останется принципиально неопределенным. К примеру, было ли у него родимое пятно на плече. Этот вопрос не может быть выяснен, так как Мелвилл об этом ничего не говорит. Существование такого рода неопределенностей и есть основное отличие вымышленных персонажей от исторических. В их отношении не всегда действует принцип бивалентности. Утверждения о них могут носить не только истинный или ложный характер, но и неопределенный. Ведь их существование определено только границами текста и культуры, в которых они создаются. То же самое, — считает Деннет, — применимо к личностям. Как, впрочем, и центрам тяжести. Они имеют только те свойства, какими наделила их теория. Что, однако, не делает эти понятия бессмысленными или неприемлемыми для серьезной дискуссии и даже науки. В конце концов, наука не смогла бы продвинуться без подобных понятий.

История с Измаилом — хорошая иллюстрация. Но она кроме пользы может отбросить нас назад, вернув к ложной интуиции. Она может напомнить о связи вымышленных героев с реальными авторами. Чтобы нейтрализовать эту интуицию, вспомним игру в «Психоанализ». А лучше возьмем еще одну ситуацию, придуманную Деннетом специально для этой цели. Ситуацию с машиной, которая пишет романы.

Представьте машину-писателя. В ней есть набор различных текстовых фрагментов, правил и каких-то алгоритмов перемешивания слов. Эта машина создана не для написания какого-то конкретного романа, а просто чтобы писать любые осмысленные тексты, создатели сами не знают, какой сюжет и героев она в этот раз выберет. Они включают машину, и из ее принтера появляется заглавие, а за ним первые строки романа: «Описание жизни Гилберта». «Зовите меня Гилберт».

За этим появляются страница за страницей биографического описания жизни и приключений Гилберта. Вполне воображаемая ситуация. Машина, не имеющая представлений ни о мире, ни о романе, вполне способна создать вымышленного героя и его биографию. Теперь усложним ситуацию: поместим машину в небольшого, но симпатичного робота на колесах. Представьте, как он вместе с печатной машиной попадает в чулан и там случайно закрывается. И тут же из его принтера появляется продолжение истории: «Меня заперли в чулане. Помогите!». Помочь кому? Гилберту, наверное. Но кто этот Гилберт? Робот? Или вымышленный персонаж, созданный роботом? Мы спасаем машину из чулана, и она тут же выдает новый текст: «Спасибо. Целую. Гилберт». Теперь мы не можем игнорировать любопытное соответствие между историей вымышленного персонажа Гилберта и робота. Но сам робот — не персонаж, он может даже не знать, что создает персонажа. Он фактически не обладает всеми качествами, приписываемыми персонажу, в частности, тем единством, которое мы приписываем рациональному агенту. Робот — только машина с различными механическими частями. По мнению Деннета, машина мозга так же соотносится с личностью, как робот-писатель с вымышленным Гилбертом. И случаи с множественной личностью удачно это иллюстрируют. Описывая случай с ДРИ, Деннет в одном месте проводит прямую аналогию: «Когда Сибил [псевдоним одной из женщин, имевших ДРИ. — *Д. В.*] пришла на прием к психотерапевту первый раз, у нее не было множества личностей в одном теле. Сибил была машиной-писателем, которой стали задавать очень интересные вопросы и которую стал слушать очень искусный слушатель. И вместе они написали много, много глав нового романа»²³⁴.

Метафора с машиной-писателем — не аргумент, а «помпа для нашей интуиции». Она должна помочь нам вообразить, как машина и алгоритм способны создать вымышленного персонажа с характеристиками личности. Она иллюстрирует, как децентрализованный механизм, части которого имеют лишь специализированную функцию, способен создать иллюзию свободного последовательного в своих действиях рацио-

нального единого агента. Возникновение Гилберта в машинеписателе обосновывает возможность возникновения в мозге личности, как вымышленного персонажа. Но на основании этой метафоры можно построить другие выводы. Их делает профессор Мичиганского университета Дэвид Веллеман. Деннет переворачивает наши представления с ног на голову, а Веллеман с помощью остроумного поворота в сюжете возвращает их вновь на ноги. Он считает, что личность правильной отождествлять с реальным автором, а не вымышленным персонажем. Веллеман использует логические инструменты Деннета, соглашается с его нарративным подходом и даже берет на вооружение его мысленный эксперимент. Веллеман использует более изысканную тактику, чем Элтон или Галладжер. Его рассуждения по поводу робота-писателя таковы.

История робота-писателя лишена важных деталей. Так, если мы допускаем способность робота описывать прошлые события, мы должны допустить его способность влиять на последующие события, в частности, на собственное поведение. Когда мы встретим робота, передвигающегося по зданию университета, мы можем спросить его: «Куда ты направляешься?». И из его принтера появится ответ: «Я опять собираюсь в чулан». Будет благоразумно с его стороны предупредить нас об этом. Ведь именно в чулане он застревает чаще всего. Он сообщит нам об этом все по той же причине: его устройство предполагает соблюдение соответствия между повествованием и событиями — и по той же причине он двинется в сторону чулана. Эта любопытная особенность показывает способность повествования контролировать действия робота. Веллеман может привести и другой пример. Из случаев с множественной личностью следует то же самое. Ведь Салли, Хейти и Пэгги рождаются как истории, но живут как полноценные воплощенные личности: у них своеобразные позы, мимика, движения. Тексты оказываются каузально эффективны в отношении поведения. Но что это дает Веллеману? «Если автор повествования работает в две стороны, тогда личность, которую он изобретает, является не только бездейственной выдумкой... Ее образ детерминирует поведение, для интерпретации которого он появляется»²³⁵. Это звучит немного

мистически? Выдуманная личность контролирует поведение? Текст определяет будущие события?

Чтобы снять скепсис, возникающий вокруг этого утверждения, Веллеман предлагает подумать о механизмах, которые могли бы за этим стоять. Он предлагает такую конструкцию робота-писателя. Во-первых, робот должен иметь специализированные модули, в которых могут быть реализованы его подпрограммы (совсем как наш мозг). Например, подпрограмма, следящая за уровнем его батарей, может находиться в одном модуле. Это она всегда направляет его в чулан для подзарядки. Другая подпрограмма может заботиться о безопасности робота. Это она подает первые тревожные сигналы, когда робот обнаруживает себя запертым. Она может находиться в другом модуле. Эти модули могут работать параллельно, как работают механизмы в нашем мозге. Во-вторых, у робота должен быть общий текстовый модуль. Этот модуль переводит сигналы специализированных модулей в речь. Но это не единственная функция этого модуля. Учитывая наши требования к повествованию, в функции речевого модуля также должно входить отслеживание логики повествования и двустороннего соответствия высказываний и действий.

Посмотрим, как все это работает. Предположим, робот едет по коридору Мичиганского университета. Подпрограмма, отвечающая за подзарядку, направляет его в сторону чулана. А конкурирующая подпрограмма системы безопасности направляет его в сторону, скажем, библиотеки, где есть люди и нет захлопывающихся дверей. Куда поедет робот? Если мы его спросим, он даст какой-нибудь ответ. Но этот ответ будет таким, который наиболее последовательно укладывается в его историю. Скажем, он ответит, что собирается в чулан. Учитывая требования к соответствию повествования событиям, даже если на предыдущем этапе его направление было неопределенным, теперь оно определено. Едем в чулан, все, точка. В данном случае текстовый модуль сдвинул баланс в сторону определенного решения. Но это значит, что текстовый модуль способен влиять на поведение системы. Следовательно, он осуществляет контроль. Получается, что текстовый модуль и есть контрольный механизм в работе. Этот механизм соби-

рает информацию с различных модулей, принимает решение на основании имеющейся у него информации и направляет поведение. Да, не текст управляет роботом, а текстовый модуль! Таким образом, Веллеман делает вывод, что правильной сравнивать личность не с вымышленным персонажем, а с реальным автором повествования, воплощенным в текстовом модуле. «Теперь, когда робот имеет управляющий модуль, который принимает решения на основании собственных мотивов, у робота есть личность, значит, его история стала не вымышленной, а действительной». Удивительный вывод, если учесть, что Веллеман опирается на идеи Деннета о нарративной природе личности. Является ли этот вывод неизбежным?

Веллеман, кажется, отправлял этот текст Деннету. Любопытно, какой ответ он получил. Но в отсутствие ответа мы сами можем предположить контраргументы Деннета. В своей статье Веллеман делает акцент на каузальной эффективности повествования. Отчасти этот акцент полезен в качестве дополнения, ибо Деннет действительно не уделяет внимание этому моменту в своем описании робота-писателя. Но для истории это лишь поверхностный недостаток. Ведь в данном мысленном эксперименте его цели иные. В других же текстах он не только не возражает, но и разделяет представления Веллемана о каузальной эффективности текстов. Так, в сноске к статье «Реальные закономерности» он указывает: «Некоторые читатели раннего наброска этой статьи предположили, что вывод, к которому я склоняюсь, это вывод о том, что убеждения эпифеноменальны, т. е. не имеют каузальных сил. Но это неправильная интерпретация моих взглядов, основанная на упрощенном понимании причинно-следственных связей»²³⁶. Причины, конечно, можно сводить к фундаментальным законам физики и химии, но это наивный сциентизм. Поместим, к примеру, в окно ресторана в Нью-Йорке или Токио объявления «бесплатные обеды», и вы увидите их каузальную действенность. Результаты трудно будет определить с позиции эйнштейновской физики, но очень легко — с позиции Интенциональной установки. Так что мистического здесь ничего нет. Просто, говоря о причинах, мы можем выбрать любую из установок: физическую, проективную или

интенциональную — которая в данном случае лучше всего помогает предсказать события.

Но утверждений о каузальной эффективности ментальных содержаний недостаточно, чтобы объявить личность автобиографии реальным, а не вымышленным объектом. Можно представить как минимум два сценария развития аргументации Веллемана. Первый аргумент выглядит так. Мы знаем, что личность и повествование о ней (текстовая репрезентация) контролируют тело. Каузально-эффективные сущности — реальны. Значит, личность реальна. В этом аргументе с позиции Деннета можно атаковать вторую посылку. Можно привести контрпример с «нереальными» (абстрактными), но каузально эффективными центрами тяжести. А можно просто нейтрализовать вторую посылку и, соответственно, вывод, смягчив требования к «реальному». Тогда позиции Деннета и Веллемана будут неразличимы. Реальный или вымышленный персонаж, какая разница? Если спор только о словах, это не имеет существенного значения. Стакан либо наполовину полон, либо наполовину пуст. Вы будете отстаивать какую-нибудь одну из этих точек зрения в научной статье?

Кажется, однако, что Веллеман имеет в виду другой аргумент и рассуждает таким образом: повествование, составляющее личность и управляющее поведением организма, реализовано в нарративном модуле. А нарративный модуль реален. Значит, единая личность реальна. В этом случае основной вес ложится на первую посылку. В ней сосредоточено действительное отличие между позициями Веллемана и Деннета. Веллеман связывает это отличие с тем, что Деннет не видит в мозге возможность реализовать единство. «Деннет не наделяет авторов Гилберта и Дэна личностью в основном потому, что отрицает в них единство»²³⁷. Что ж, это верно. Деннет считает, что мозг «не красиво и целостно организован, а скорее представляет собой набор ненадежно соединенных частично автономных модулей»²³⁸. Но это не единственная причина. Деннет также не видит возможности отождествить убеждения, намерения и желания, имеющие реальность в жизни личности, с конкретными структурами и процессами мозга. Как центр тяжести, личность и ее ментальные состояния нельзя

уподоблять каким-то физическим процессам. Представьте, говорит Деннет, что перед вами сложная машина, состоящая из множества вращающихся механизмов и распределительных валов. В какой-то момент мы узнаем, что траектория движения ее центра тяжести в точности совпадает с траекторией одного атома железа, из которого она состоит. Разве не удивительно? Но будет ошибкой полагать, что именно этот атом железа является центром тяжести. Как мы знаем, это будет категориальной ошибкой. Центр тяжести — это абстракция. Увидеть убеждения и намерения нельзя в цереброскоп или какой-либо другой специальный прибор для исследования мозга. Увидеть их можно только с позиции Интенциональной установки, которая применима ко всему организму.

Сводя личность к нарративному модулю, Веллеман защищает догму: одно тело — одна личность. Он отождествляет убеждения, намерения и желания с конкретными процессами в мозге. Он полагает объединение всей информации в нарративном модуле, ее локальную семантическую обработку, четкую дифференцированность одних ментальных состояний от других, возможность перевода нейрофизиологических процессов в язык ментальных терминов. Но мы уже знакомы с подобной позицией. Это позиция картезианского материалиста. Читатель знает ряд важных аргументов против нее: в первой главе они были использованы, когда речь шла об интенциональности, во второй — когда была рассмотрена Модель множественных набросков. Здесь, пожалуй, будет уместна иллюстрация. Она навеяна рассуждениями Деннета о судьбе художественных произведений.

Представьте, что один из литературных критиков, впечатленный романом «Мастер и Маргарита», решает подробнее разобраться с историей его героев. Однако в отношении романа он занимает позицию вполне необычную. Критик думает, что перо гениального писателя создает реальный мир, мир не в художественном, а буквальном, физическом смысле. Герои в этом мире живут в точности как мы. И происходящие с ними события имеют объективный характер. Вот этот критик между прочим задается вопросом: где, по какому адресу в Киеве проживал дядя погибшего Берлиоза? На страницах рома-

на точный адрес не указан. Сказано лишь то, что этот самый дядя, Максимилиан Андреевич Поплавский, был прописан на бывшей Институтской улице. Не удовлетворившись этими сведениями, критик продолжает поиск в черновиках Булгакова. Каково же его удивление, когда в одном из них он находит сведения, что дядя Берлиоза жил вовсе не Киеве, а в Харькове. Такое несовпадение должно всерьез озадачить критика: как может этот родственник жить сразу в двух местах? Или, может, это другой дядя? А может быть, он не проживал по месту прописки? Может, ошибка с адресом закралась в черновик... или, наоборот, в окончательную редакцию романа?

Все эти вопросы — результат ошибочного представления о романах, слишком серьезного отношения к тексту или слишком буквальной интерпретации интенциональных выражений. Читая художественную книгу, мы должны понимать, что некоторые сведения принципиально неопределенны, а некоторые могут быть даже противоречивыми. Но это не означает, что в физическом мире обнаружены противоречия. Просто мир вымышленный отличается от мира физического. Когда Булгаков переписывал главы, он не уточнял какие-то уже известные ему о героях детали. Он сочинял новые. И в процессе творчества что-то изменялось, появлялось и исчезало. То же самое происходит и с историей личности. Она сочиняется, уточняется и даже переписывается под воздействием неравнодушной публики, или под действием собственного интереса и рефлексии. Так что прошлое ментальной жизни не является какой-то константой, набором фиксированных событий, а развивающимся романом, в котором никогда не поздно отредактировать даже первую главу.

8. Личность — результат коллективного творчества

Значит ли это, что между вымышленными персонажами и личностями историческими вовсе нет разницы, ведь исторические личности тоже вымышленные? Значит ли это, что нет принципиального отличия, к примеру, между Кантом и Воландом?

Вот, в романе Булгакова указано, будто у них состоялся совместный завтрак, за которым они обсуждали доказательства бытия Бога. Этот завтрак органично вписывается в биографию Воланда. Но можно ли его теперь вписать и в биографию Канта? Пользуясь аналогией между вымышленным персонажем и личностью, Деннет признает и ее ограничения. В стандартных ситуациях история реальной личности совпадает с траекторией биологического существа, поэтому свобода интерпретации ментальных состояний все-таки ограничена. История убеждений Канта, в том числе о возможности доказательства бытия Бога, может быть еще уточнена и даже отредактирована (хотя эта мысль вряд ли понравится современным кантоведам), но история его завтраков и обедов — ни в коем случае. Позвольте, Кант мертв, и кто кроме него может редактировать историю его убеждений? Действительно. Этот вопрос очень хорош, так как обращает внимание на еще один аспект в концепции личности Деннета, кстати, упущенный Веллеманом, — необходимость коллективного творчества в создании личности.

Отождествляя личность с нарративным модулем, Веллеман упускает из виду, что у биографии личности не один источник, по крайней мере, по Деннету. В «Объясненном сознании» автор приводит по этому поводу один эксцентричный случай: патологию близнецов Греты и Фреды Чаплин. По его мнению, эти две женщины, возможно, составляют не две, а одну личность: они неразлучны, говорят в унисон или заканчивают фразы друг друга, одеваются так, что можно спутать сестру с отражением в зеркале²³⁹. Их поведение настолько сходно, что естественным и наиболее простым подходом будет отношение к ним как к ней. Но это, конечно, аномалия. Важно понимать, что Деннет предполагает коллективное со-творчество в создании не только аномальных, но и самых нормальных личностей. В другом месте монографии он пишет: «„Зовите меня Дэн“, — вы слышите из моих уст, и вы принимаете не мои уста за Дэна, и не мое тело, а меня, Дэна, вымысел теоретика, созданный... ну, не мной, но моим мозгом, совместно, в течение многих лет с моими родителями, родственниками и друзьями»²⁴⁰. А в статье «Говоря за нас» он

подчеркивает роль внешнего влияния: «Так человек начинает не как единичная и не множественная личность, но вовсе без правительства в голове. В случае нормального развития он знакомится с различными вариантами оформления собственной индивидуальности, которые могут сработать — частично с помощью самонаблюдения, частично с помощью внешнего влияния»²⁴¹. Коллективное сотворчество в концепции Деннета очень важно. Будь личность плодом фантазии лишь одного мозга, она бы стала жертвой безграничной свободы и перестала бы, наверное, быть эффективным инструментом для предсказания и координации. Она перестала бы быть полезной фикцией. Именно пересечение автобиографии с множеством других историй об этой личности дает ей относительную объективность и предсказательную силу. Так что Центр нарративной гравитации, как центр тяжести бублика, не совпадает с контуром физического тела, а находится в дырке. Создание личности — не личное дело, но дело коллективное.

Это соображение открывает любопытные перспективы. Например, возможность отчасти продлить существование одной личности с помощью организма другой. Я не нашел явного выражения этой мысли в работах Деннета, но, кажется, это следует из его концепции и из частного письма другу и коллеге Хофштадтеру по случаю ухода из жизни его супруги. В нем Деннет пишет: «Из того, что ты говоришь, ясно, что Кэрол будет думать с помощью твоего мозга еще длительное время»²⁴². Деннет говорит это всерьез или фигурально? Назначение этого письма, безусловно, утешительное. Поэтому можно было бы интерпретировать эти слова метафорически. Но, мне кажется, он дает больше оснований принимать их почти буквально. В самом начале главы, когда мы обсуждали предпосылки становления личности, мы обратили внимание на проницаемость границ всего живого. Тогда мы говорили о расширенном фенотипе. Так вот, по мнению Доукинза и Деннета, расширенный фенотип некоторых видов может включать в себя другие особи, как, например, в колонии термитов. Какое отношение это имеет к людям? Индивидуальность создается коллективно, этот труд распределен среди множества людей. Результатом этого творчества

является уникальный паттерн, схема из предпочтений, желаний, намерений, которая обычно фиксируется за отдельным агентом. Но эта схема может быть скопирована, реализована в других мозгах с большей или меньшей точностью. Сохранение и интериоризация этой схемы близким человеком дает основания считать, что важная часть личности продолжает жить. И речь не идет здесь о воспоминаниях об этой ушедшей личности. Это банально. Речь идет о продолжении жизни ее внутренних содержаний: мыслей, ощущений, надежд. Подобные размышления дают, наверное, большую опору. Хотя слияние двух центров нарративной гравитации, в отличие от их параллельного существования, не означает возможность для диалога. А значит, не устраняет полностью чувства утраты. И все-таки, что нужно для того чтобы один и тот же Центр нарративной гравитации продолжал существовать?

Для последовательного существования одной и той же личности необходимо существование и развитие одного и того же нарратива, личной истории. Обычно такая история закручивается вокруг одного организма, но, как было показано, это вовсе не необходимое условие. Просто нужен отдельный агент, какая-то система, способная функционировать в мире, вокруг которой можно собирать информацию. Постольку, поскольку этой системе можно приписывать интенциональные состояния, и эти состояния складываются в последовательную непротиворечивую историю, постольку, поскольку наброски образуют один нарратив, личность — одна. Когда же целостность истории нарушается, личность погибает. Эти указания, конечно, способны обеспечить только самые примерные критерии тождества. В обычных случаях они работают, а в случаях более сложных дают лишь приблизительный ответ. Но только такое тождество возможно для вымышленных (абстрактных) объектов. Булгаковские черновики нам здесь могут сослужить службу еще раз. Помните знаменитую сцену встречи на Патриарших Воланда с Берлиозом и Бездомным? В одной из ранних тетрадей писатель, видимо, подбирая нужное имя для персонажа, называет секретаря «Массолита» по-разному: то Мирцевым, то Крицким, то Берлиозом. Причем в тексте замена происходит без предупреждения, так, между прочим.

Воланд задает вопрос Мирцеву, а отвечает ему уже Крицкий. Как же мы знаем, что состав героев не изменяется? Мы знаем по сюжетной траектории этого персонажа, его сносной начитанности и неколебимости его атеистических представлений. В содержании представлений персонажа не происходит никаких особенных метаморфоз, кроме смены имени, конечно. Вот, скажем, если бы Булгаков на место самоуверенного рационального атеиста подсадил мистически настроенного поэта, мы заподозрили бы неладное. Чтобы Мирцеву отличаться от Крицкого, ему нужна достаточно длительная самостоятельная история, какая-то своя рациональная линия. А у него ее нет. Как, впрочем, нет самостоятельной истории у полушарий, разделенных в результате комиссуротомии. По Деннету, у правого полушария, лишенного возможности выражать свои состояния в речи, тоже не может быть своей истории, отдельной и более или менее стабильной биографии. А значит, у него не может быть отдельного *Я*.

9. Асинхронное тождество личности

И все же критерии личности и ее тождества у Деннета очень размытые, нечеткие, не абсолютные. Они, видимо, сходны с критериями тождества некоторых сложно организованных систем. Вот, например, тождество каких-нибудь обществ. Сейчас общество существует: у него есть участники, исполнительный орган, устав. А потом оно исчезает, расформировывается на время и создается вновь (восстанавливается?). Это общество, вновь созданное, — оно то же самое, или нет? Мы можем знать все факты о старом и новом обществах, но вопрос о тождестве останется туманным. Решение можно принять по сумме каких-то фактов, но это решение будет все же произвольным. Может, в таком случае и весь вопрос о тождестве личности — псевдопроблема? Может быть, это вопрос все-таки только о словоупотреблении?

Некоторое время назад я получил такое письмо от В. Васильева: «Немного поразмышлял над проблемой тождества. Единственный вывод, к которому пока пришел, состоит в том,

что проблема тождества материальных объектов, лишенных ментального аспекта, по-видимому, является псевдопроблемой. В ней есть некий парадокс: в ряде случаев мы затрудняемся сказать, тождествен ли объект, но при этом само описание интересующей нас ситуации является предельно ясным». А позже, после некоторых моих возражений, я получил еще одно разъяснение: «Ваши комментарии по поводу личного тождества кажутся мне очень интересными. Но я не думаю, что они не стыкуются с тем, что я говорил. Суть моей позиции в том, что в промежуточных случаях (обсуждавшихся нами) бессмысленно спрашивать о том, какой стол в действительности является тем же, что и раньше. В частности, потому что у стола нет никакой монадической сущности, переходящей с места на место или остающейся без движения. Мы склонны монадизировать предметы, и это порождает псевдопроблему нумерического тождества. Другое дело, что у нас есть основания считать, что мы сами наделены такой сущностью, *Я*. Если это действительно так, то проблема личного тождества реальна, но скорее всего неразрешима концептуальным анализом. А если *Я* отсутствует как монада, то проблема тождества личности также должна оказываться в конце концов псевдопроблемой». Значит ли это, что добрая часть этой главы и теории Деннета были посвящены вопросу о словоупотреблении? И получилось что-то вроде трактата на тему, можно ли относить холодильник к мебели?

Надеюсь, что это не так. И эта переписка — попытка больше раздражить философский интерес. Разберемся с аргументацией. В письме представлены две альтернативы: личность как совокупность физических свойств и личность как монада. Автор письма представляет обе альтернативы тупиковыми в вопросе о тождестве. В случае с делимыми физическими объектами вопрос о тождестве, — считает автор, — всегда только конвенция. В случае с монадой вопрос не решается концептуальным анализом. Следовательно, выдвигается гипотеза, что проблема тождества личности не является философской проблемой. Что ж, давайте проверим.

Трудно оспорить, что вопрос о диахроническом тождестве личности (тождестве в разное время) — вопрос не пустой. Рас-

суждения о тождестве стола могут носить разве что юридический характер. Решение вопроса о тождестве личности имеет принципиальный этический и экзистенциальный смысл. Очевидно, это один из особенно важных вопросов. Теперь рассмотрим допустимые варианты ответов. Вот вариант первый: личность является конгломератом физических свойств. Можно ли сказать, что, как в случае со столом, тождество будет лишь вопросом конвенции? Мне кажется, нет. Части стола, как, впрочем, и части всей остальной мебели, равнозначны. У него нет важных и неважных частей. Мы можем решать вопрос о тождестве, опираясь на массу или площадь. К примеру, мы можем рассуждать так: часть стола, представляющая 51 % его массы, не изменилась, значит, стол тот же. Или так: 51 % площади стола изменился, значит, стол другой. В данном случае критерии будут действительно конвенциональными. Того же, однако, нельзя сказать о живых существах. Отдельные элементы организма могут изменяться, быть повреждены или уничтожены. При этом цельность организма будет сохранена. Даже в случае, если личность является исключительно конгломератом физических свойств, она не перестает быть сложным, иерархически структурированным объектом, живым существом. И без концептуального анализа нельзя выявить существенные ее части, необходимые для сохранения диахронического тождества.

Кроме того, границы живых организмов не так четко определены, как границы стола. Мы это уже видели. Анализ требуется даже для того, чтобы выяснить, является ли ракушка рака-отшельника его частью или нет. Поэтому при анализе тождества личности нужно сначала определить предмет исследования. И этот вопрос уместен в философском исследовании.

Теперь возьмем другую предложенную альтернативу, согласно которой личностью сводится к монаде. В конкретных случаях мы действительно не смогли бы судить о тождестве монады с помощью концептуальных исследований. Как, впрочем, и с помощью эмпирических. Концептуальный анализ не дает оснований устанавливать тождество, если оно выражается в тождестве монад. Но он способен показать, что

тождество не может заключаться в тождестве монад. Монада является плодом концептуального анализа, с помощью него она и может быть демонтирована.

В предложенной гипотезе, однако, отсутствует еще одна альтернатива, психическая. Личность представляет собой совокупность не только физических, биологических, но и психических свойств: у нее есть память, намерения, желания и т. п. Психические свойства, на мой взгляд, являются наиболее вероятным носителем индивидуальности. Конечно, эти свойства не уникальны сами по себе, но их сложная комбинация — может быть. Деннет пытается защищать как раз вариант подобных критериев. Какой вывод мы можем сделать из этого? Очевидно, что философия не может и не должна разбираться, кто есть кто в каждом конкретном случае. Это дело эмпирических исследований. Но она совершенно законно должна участвовать в выборе из числа возможных критериев. Этот выбор и есть философское занятие. Так что вопрос о тождестве личности, на мой взгляд, не спор о словах, но подлинная философская проблема. Думаю, теперь мы с чистой совестью можем приняться за обобщение исследования и собрать из понятий и аргументов паззл — концепцию личности как Центра нарративной гравитации. Теперь эта концепция не должна казаться столь же невероятной, как это могло быть в начале нашего пути. Нетрудно догадаться, какая у нее структура. Ее составляют три ключевых вопроса: (1) как и почему возник феномен личности; (2) чем личность отличается от существ, личностью не являющихся; (3) каким образом можно провести индивидуацию личности, т. е. установить ее тождество единовременно и в различные моменты времени. Итак, вот реконструкция рассуждений Деннета на этот счет.

Виртуальная машина мемов, установленная в нашем мозге, формирует наброски. Часть из них «публикуется» в речи. И с течением времени из них складывается повествование. Повествование имеет то же назначение, что и примитивные саморепрезентации у других видов. Это повествование — адаптационный механизм, который дает нам как биологическим организмам эволюционные преимущества: защиту и контроль. Оно расширяет границы биологического существа

и составляет расширенный фенотип, как плотина у бобров или ракушка у рака-отшельника. Но конструкция человеческого расширенного фенотипа значительно сложнее. Появление такой конструкции, конечно, обусловлено способностью говорить. Речь — ключевое отличие человека от других видов. Она позволяет интерпретировать поведение других и собственное поведение. Интерпретация и определение собственных состояний дает возможность оценивать и корректировать их. А это и есть необходимое и достаточное условие для реализации свободы воли. С появлением свободы воли возникает и ответственность. Но кто же за все должен отвечать? Организм? Повествование?

Ответственность несет личность. Но личность — не организм и не само повествование. Личность — это вымышленный герой, центр повествования. Ему приписываются качества, которые не присущи человеку как сложной модульной механистической системе. Герой повествования образует цельность, он — простая и неделимая сущность, он рационален, является единым источником решений и управляет поведением всего организма. История о нем формируется из интенциональных состояний, видимых с помощью Интенциональной установки (тоже своеобразных фикций), и объективных фактов поведения. Мозг (и мозги других людей) продуцирует историю, а история — вымышленного героя, о котором эта история. Этот герой и есть *собственное Я*.

Личность не тождественна конкретной реализации, биологическому организму, потому что она возникает позже и может быть перенесена в другой и поскольку в одном биологическом организме со временем может оказаться несколько и даже меньше одной личности. Поэтому личность — абстракция, невидимая и неразличимая в мозге. Но личность — это не выведенная (как атом, электрон, молекула), а вымышленная абстракция. Она такова потому, что наделена только теми свойствами, которые есть в повествовании о ней. Некоторые факты о ней, как факты о вымышленных персонажах, не могут быть четко установлены: когда и какие убеждения и желания у нее появились, были ли они осознанными или нет, какие мотивы для поведения у нее действительно были. Личность —

вымышленный герой, но вымысел удобный, и только поэтому он может быть вписан в научную картину мира. Он успешно позволяет предсказывать поведение системы.

Существование личности поддерживается повествованием. Если повествование последовательно, непротиворечиво, личность сохраняется. Если оно нестабильно, фрагментарно, личность не может возникнуть. Фрагментарна и непоследовательна история правого полушария мозга после комиссуротомии, как и история людей, находящихся в вегетативном состоянии. Поэтому они не способны произвести самостоятельной личности. Критерий синхронного и диахронного тождества личности — единство и последовательность повествования о ней.

Эта концепция Деннета вполне удовлетворительно объясняет неуловимую природу *Я*, и почему поиск личности в мозге — пустое занятие. Ведь если личность — это абстракция, вымышленная сущность, ее поиск предполагает совершение категориальной ошибки, как поиск центра тяжести среди физических частей предмета. Она также позволяет объяснить наши интуиции о простоте, неделимости, целостности *Я* и несоответствие этих свойств с реальной механикой мозга. Статус выдуманного объекта дает нам такую возможность, как и возможность гипотетически нарушать принцип «одно тело — одна личность». Из исследования должно быть понятно, что это не недостаток, а преимущество теории.

Концепция личности как Центра нарративной гравитации элегантно связывает теорию ментальных содержаний и теорию сознания и позволяет в полной мере оценить проект Деннета. На этой концепции я считаю возможным завершить исследование и предоставляю дальше читателю возможность размышлять над собственными выводами относительно ее успешности.

Заключение

Попытка решить психофизическую проблему подобна путешествию по ленте Мёбиуса. Оно начинается с глубоко укоренившихся представлений о Я, о содержании сознания, о внутренних состояниях. Но должна завершиться на другой, противоположной стороне. В объяснении должен произойти переход из плоскости ментального в плоскость механических систем и физических явлений. Если переход на другую сторону состоялся, и в ходе этого движения не было разрывов и лакун, проект философа удался. Тогда у него получилось объединить психологию и область естественных наук, натурализовать психологию и объяснить сознание. Деннет предпринимает попытку такого перехода, но осуществляет его, как вы уже заметили, не совсем обычными для философа методами, с помощью метафор, аналогий, примеров. За это его часто обвиняют в уклончивости. И даже могут называть его теорию неуклюжей, разрозненной конструкцией, мешаниной из несвязанных элементов²⁴³. Деннет и правда в объяснениях вместо определений и аргументов часто приводит примеры. И, как замечают его коллеги, оставляет слушателям и читателям самим делать выводы²⁴⁴. Аудитория жаждет знать, какие общие принципы и метафизические следствия происходят от этих примеров, но вместо прояснения слышит от Деннета еще больше примеров и историй. Он мастер рассказывать истории, в историях большая часть его философии. Ему задают прямой вопрос, пытаясь прояснить что-то в его концепции, а он, ненадолго задумавшись, погладит седую бороду и начинает: «Представьте, что антропологи нашли племя, члены которого верят в лесное божество Финомана. У них есть выбор, как изучать этот феномен: они могут исследовать его

как часть культуры дикарей, или чистосердечно принять веру в божество и изучать историю Финомана как реальность. Если принять существование Финомана как элемент религиозного культа, как логический конструкт, нет необходимости снимать все возможные противоречия и разыскивать недостающие элементы в его истории. В конце концов, вымысел есть вымысел».

Но, отправившись в путешествие с Деннетом по этим примерам и историям, никто не должен вернуться туда же, откуда начинался путь. Точнее, не должен вернуться с прежним мировоззрением. Если философские выводы принимать вполне серьезно, а не как игру для интеллекта, если напрягать силы воображения, чтобы попытаться вместить новые метафоры, путешествие с Деннетом приведет к значительным переменам во взглядах. Изменятся представления о принципиальном внутреннем единстве личности, о том, что знание о феноменальном мире полно и безошибочно и что субъект имеет непосредственный доступ к значениям и смыслам. Все эти убеждения, объединенные Деннетом в метафоре Картезианского театра, после исследований американского философа должны представляться иллюзией. Правда, сама иллюзия не пропадет, она просто потеряет доверие.

Картезианский театр, а вместе с ним и другие ложные интуиции, стоящие за аргументами Зомби и Мэри, с появлением более совершенных способов помыслить сознание не исчезнут совсем. Как не исчезают многие оптические иллюзии, даже когда вы убедились в их иллюзорности. Как не исчезло ощущение, что именно Солнце движется вокруг Земли, даже после переворота Коперника. Картезианский театр остается, но без него теперь можно будет обойтись. Просто станет возможным другое, более правдоподобное объяснение. «Исчезнет ли интуиция возможности зомби? Я думаю, нет. Но исчезнет его нынешняя, ядовитая форма. Интуиция сохранит свою психологическую силу, но лишится рационального доверия», — предполагает сам Деннет²⁴⁵. Такая устойчивость картезианских интуиций связана, скорее всего, с фиксацией точки наблюдения.

Почему фокусникам удается произвести впечатление на публику? Маги и фокусники в основном могут рассчитывать, что публика будет смотреть за их действиями с одной какой-то стороны, из зрительного зала на сцену. Публику проще обмануть, когда она занята пассивным наблюдением, а не экспериментирует с загадочным явлением. На этом строится реалистичность снов. Так строятся и иллюзии в кино. Когда готовятся декорации, заведомо известно, с какой точки будет снимать камера, где пройдут актеры и как будет устроено освещение. Иначе декораторы разорили бы кинематограф. Конструировать псевдореальность практически возможно, только если положение зрителя известно и он не испытывает декорации на прочность. Из этого должно стать понятным, почему так крепко держатся дуалистические картезианские декорации. Ведь, по мнению большинства дилетантов и даже некоторых экспертов, сознание видимо только с позиции первого лица, с одной фиксированной точки зрения.

В своей теории Деннет пытается последовательно опровергнуть «субъективную онтологию» сознания. Он показывает, что мнение субъекта о его феноменальных состояниях не окончательно. Его порой может дополнить или даже скорректировать сторонний экспериментатор. К тому же среди содержаний сознания нельзя полностью изолировать чистые восприятия от интерпретаций. Поэтому лучший метод не аутофеноменология, а гетерофеноменология.

Все философские построения Деннета тесно связаны между собой. Его примеры, метафоры и истории легко укладываются в одну цельную картину. Поэтому обвинения в непоследовательности или незелегантности безосновательны. На протяжении всего философского пути Деннет придерживается принципа объективности. В свою онтологию он не допускает сущностей, неспособных проявиться в научном исследовании. На этом основании он отвергает, в частности, существование квалиа. Опорой для множества его концепций служит идея об эволюционном алгоритме. Это общий организующий принцип, который позволяет философу из хаоса выводить порядок и смыслы, из самых простых элементов получать сложнейшие системы. Этот алгоритм в работах Деннета превра-

щается в универсальную кислоту, фантастическую жидкость, разъедающую любую поверхность, с которой она оказывается в контакте. «Он разъедает любое традиционное понятие и оставляет после себя перевернутое мировоззрение, в котором все еще остаются старые элементы ландшафта, но они изменены фундаментальным образом»²⁴⁶. Изолировать эволюционный алгоритм в одной только биологии невозможно. Он распространяется на любые смежные научные области. И Деннет с его помощью преобразует понятия о психике, интенциональности, рациональности, личности, культуре и даже религии. Так, рациональность, по мнению Деннета, это не внутренняя характеристика живых организмов, а схема их поведения, некоторая нормативная модель, заметная с позиции Интенциональной установки. Личность не источник смыслов и волевых актов, а адаптационный механизм, вымышленный персонаж, созданный рассказами, которые «плетут себя сами». А культура — не столько результат деятельности людей, сколько арена соревнования мемов, действующих в собственных интересах.

Другим общим местом для Деннета является «обратная инженерия» как универсальный подход к исследованию. Вопрос о том, что это такое, он часто трансформирует в вопросы, как оно работает и как можно было бы это сделать. Исследуя различные способности человека, он пытается выяснить, а как могла бы быть устроена машина, имеющая подобные способности. И надеется спроектировать механизм (а иногда даже построить его) с аналогичной функциональностью. Таким способом Деннет находит объяснение пи-феномену, способности к цветовым восприятиям, диссоциативному расстройству идентичности и т. д. Таким же образом Деннету приходит в голову аналогия между разумом и программным обеспечением, развернутом на «железе» мозга. С размышлениями об общностях между машинами и функционирующим мозгом связано и его представление о невозможности семантики. Впрочем, здесь согласуются идеи из современной когнитивистики и концептуальные изыскания наставника Деннета, Куайна.

В целом Деннет признает: «...некогда я думал, что мною движут... разногласия с наставниками в философии, Куай-

ном и Райлом; оглядываясь назад, я с очевидностью вижу, что глубоко разделял с ними ключевые представления о природе философии, так глубоко, что иногда это не высказывал в явном виде, и, тем не менее, именно это согласие было источником стабильности моей интеллектуальной позиции»²⁴⁷. Что происходит если творчески совместить идеи двух выдающихся аналитических философов Райла и Куайна в одной теории и добавить к ним немного когнитивизма и дарвинизма? Результат такого алхимического проекта, разумеется, нам теперь известен: получается философская теория Дэниела Деннета, теория знаменитого Бостонского зомби.

Список литературы

Тексты Д. Деннета

Монографии и статьи Деннета на русском языке

- Деннет Д. Виды психики: на пути к пониманию сознания. М., 2004.
- Деннет Д. Почему каждый из нас является новеллистом / Пер. с англ. Н. С. Юлиной // Вопросы философии. 2003. № 2. С. 121–130.
- Глаз разума. Фантазии и размышления о самосознании и о душе / Под ред. Д. Хофштадтера, Д. Деннетта. Самара, 2003.
- Деннет Д. Почему нам важно понимать это правильно. Постмодернизм и истина / Пер. с англ. Н. С. Юлиной // Вопросы философии. 2001. № 8. С. 93–100.
- Деннет Д. Условия личностного / Пер. с англ. Н. С. Юлиной // История философии: Ежегодник. М., 2000. Т. 5. С. 199–223.
- Деннет Д. Онтологическая проблема сознания / Пер. с англ. А. Л. Блинова // Аналитическая философия: становление и развитие. М., 1998. С. 361–375.

Монографии Деннета на английском языке

- Dennett D. C. Breaking the spell: Religion as a natural phenomenon. N. Y., 2006.
- Dennett D. C. Sweet dreams. Cambridge, 2005.
- Dennett D. C. Freedom evolves. N. Y., 2003.

- *Dennett D. C. Brainchildren: Essays on designing minds.* Cambridge, 1998.
- *Dennett D. C. Darwin's dangerous idea: Evolution and the meaning of life.* N. Y., 1995.
- *Dennett D. C. Consciousness explained.* Boston, 1991.
- *Dennett D. C. The intentional stance.* Cambridge, 1996 (First edition — 1987).
- *Dennett D. C. Elbow room: The varieties of free will worth wanting.* Cambridge, 1984.
- *Dennett D. C. Brainstorms: Philosophical essays on mind and psychology.* Cambridge, 1998 (First edition — 1978).
- *Dennett D. C. Content and consciousness.* N. Y., 1999 (First edition — 1969).

**Статьи, рецензии,
интервью Деннета на английском языке**

- *Dennett D. C. Intentional systems theory // Oxford Handbook in Philosophy of Mind.* Oxford, 2009. P. 339–350.
- *Dennett D. C., Akins K. Multiple drafts model // Scholarpedia.* 2008. Vol. 3. № 4. P. 4321.
- *Dennett D. C. Autobiographical essay, part 1 // Philosophy now.* 2008. № 68 (July/August). P. 22–26.
- *Dennett D. C. Autobiographical essay, part 2 // Philosophy now.* 2008. № 69 (September/October). P. 21–25.
- *Dennett D. C. Autobiographical essay, part 3 // Philosophy now.* 2008. № 70 (November/December). P. 24–25.
- *Dennett D. C. Two steps closer on consciousness // Paul Churchland / B. Keeley (ed.).* N. Y., 2006. P. 193–209.
- *Dennett D. C. What RoboMary knows // Final draft for: «Knowledge Argument» / T. Alter (ed.).* 2003. URL: <http://ase.tufts.edu/cogstud/papers/RoboMaryfinal.htm>.
- *Dennett D. C. Who's on first? Heterophenomenology explained // Journal of consciousness studies.* 2003. Vol. 10. № 9–10. P. 10–30.
- *Dennett D. C. Forestalling a food fight over color. Commentary on Byrne and Hilbert, «Color Realism and Color Science» // Behavioral and brain sciences.* 2003. Vol. 26. P. 788–789.

- *Dennett D. C.* Look out for the dirty baby. Review on B. Baars, «The Double Life of B. F. Skinner...» // *Journal of consciousness studies*. 2003. Vol. 10. № 1. P. 31–33.
- *Dennett D. C.* Does your brain use the images in it, and if so, how? Commentary on Pylyshyn // *Behavioural and brain sciences*. 2002. Vol. 25. P. 189–190.
- *Dennett D. C.* How could I be wrong? How wrong could I be? // *Journal of consciousness studies*. 2002. Vol. 5. № 6. P. 13–16.
- *Dennett D. C.* Higher Order Truths About Chmess. 2006. (<http://ase.tufts.edu/cogstud/papers/chmess.pdf>).
- *Dennett D. C.* Re-introducing the concept of mind // Ryle G., Dennett D. *The concept of Mind*. Chicago, 2002. P. vii–xviii.
- *Dennett D. C.* The fantasy of first-person science // A written version of a debate with David Chalmers, held at Northwestern University, Evanston, IL, (2001) (<http://ase.tufts.edu/cogstud/papers/chalmersdeb3dft.htm>).
- *Dennett D. C.* Consciousness: How much is that in real money? // *Oxford Companion to the Mind* / R. L. Gregory (ed.). Oxford, 2001. P. 209–211.
- *Dennett D. C.* From Typo to Thinko: When evolution graduated to semantic norms // *Evolution and culture. A Fyssen Foundation symposium* / S. Levinson, P. Jaisson (eds.). Cambridge, 2006. P. 133–45.
- *Dennett D. C.* Are we explaining consciousness yet? // *Cognition*. 2001. Vol. 79. P. 221–237.
- *Dennett D. C.* The case for Rorts // *Rorty and His Critics* / R. B. Brandom (ed.). Oxford, 2000. P. 91–101.
- *Dennett D. C.* A intrinsic changes in experience: Swift and enormous // *Behavioural and Brain Sciences*. 1999. Vol. 22. № 6. P. 951.
- *Dennett D. C., Densmore Sh.* The virtues of virtual machines // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1999. Vol. 59. № 3. P. 747–767.
- *Dennett D. C.* The zombie hunch: Extinction of an intuition? // Final draft for the Royal Institute of Philosophy,

- Millennial Lecture. Oct. 1999 (<http://ase.tufts.edu/cogstud/papers/zombic.htm>).
- *Dennett D. C., Westbury C. F.* Mining the past to construct the future: Memory and belief as forms of knowledge // *Memory, Brain, and Belief* / D. Schacter, E. Scarry (eds.). Cambridge, 2000. P. 11–32.
 - *Dennett D. C.* Memes: Myths, misunderstandings and misgivings // Draft for Chapel Hill Lecture. Oct. 1998 (<http://ase.tufts.edu/cogstud/papers/MEMEMYTH.FIN.htm>).
 - *Dennett D. C.* Facing backwards on the problem of consciousness. Commentary on D. Chalmers // *Journal of consciousness studies*. 1996. Vol. 3. № 1. P. 4–6.
 - *Dennett D. C.* Producing future by telling stories // *The robot's dilemma revisited* / K. Ford and Z. Pylyshyn (eds.). Norwood, NJ, 1996. P. 1–7.
 - *Dennett D. C.* Review of Thomas Nagel's «Other Minds: Critical Essays, 1969–1994», OUP, 1995 // *Journal of philosophy*. 1996. Vol. 93. № 8. P. 425–28.
 - *Dennett D. C.* The myth of double transduction. Final Draft // For TUCSON II volume, Stuart Hameroff, ed. Sept. 30, 1996 (<http://www.tufts.edu/~ddennett/transduc.htm>).
 - *Dennett D. C.* Reflections on language and mind // For Sheffield Conference volume, October 7, 1996. URL: <http://ase.tufts.edu/cogstud/papers/sheffield.htm>.
 - *Dennett D. C.* Is perception the «leading edge» of memory? // *Iride: Luoghi della memoria e dell'oblio* / A. Spadafora (ed.). 1995. Anno. 8. № 14. P. 59–78.
 - *Dennett D. C.* Animal consciousness: What matters and why // *Social research*. 1995. Vol. 62. № 3. P. 691–710.
 - *Dennett D. C.* Seeing is believing — or is it? // *Perception* / K. Akins (ed.). Vancouver Studies in Cognitive Science. Oxford, 1996. Vol. 5. P. 158–172.
 - *Dennett D. C.* Do animals have beliefs? // *Comparative approaches to cognitive sciences* / H. Roitblat, J.-A. Meyer (eds.). Cambridge MA, 1995. P. 111–118.

- *Dennett D. C.* The unimagined preposterousness of zombies. Commentary on T. Moody, O. Flanagan and T. Polger // *Journal of consciousness studies*. 1995. Vol. 2. № 4. P. 322–326.
- *Dennett D. C.* Intuition pumps // *The third culture: Beyond the scientific revolution* / J. Brockman (ed.). N. Y., 1995. (<http://www.edge.org/documents/ThirdCulture/r-Ch.10.html>).
- *Dennett D. C., Kinsbourne M.* Multiple drafts: An eternal golden braid. Response to Glicksohn and Salter // *Behavioral and brain sciences*. 1995. Vol. 18. № 4. P. 810–811.
- *Dennett D. C.* Instead of qualia // *Consciousness in philosophy and neuroscience* / A. Revonsuo, M. Kamppinen (eds.). Hillsdale, NJ, 1994. P. 129–139.
- *Dennett D. C.* Artificial life as philosophy // *Artificial life*. 1994. Vol. 1. № 1. P. 291–292.
- *Dennett D. C.* Cognitive science as reverse engineering: Several meanings of «top down» and «bottom up» // *Logic, methodology and philosophy of science* / D. Prawitz, B. Skyrms, D. Westerstehl (eds.). Amsterdam, 1994. Vol. 9. P. 679–689.
- *Dennett D. C.* Self-Portrait // *A companion to the philosophy of mind* / S. Guttenplan (ed.). Oxford, 1994. P. 236–244.
- *Dennett D. C.* Real consciousness // *Consciousness in philosophy and cognitive neuroscience* / A. Revonsuo, M. Kamppinen. Hillsdale, NJ, 1994. P. 55–63.
- *Dennett D. C.* Instead of qualia // *Consciousness in philosophy and cognitive neuroscience* / A. Revonsuo, M. Kamppinen. Hillsdale, NJ, 1994. P. 129–139.
- *Dennett D. C., Kinsbourne M.* Counting consciousnesses: None, one, two, or none of the above? Commentary on «Time and the Observer» // *Behavioral and brain sciences*. 1994. Vol. 17. № 1. P. 178–180.
- *Dennett D. C.* The practical requirements for making a conscious robot // *Philosophical transactions of the Royal Society*. 1994. Vol. 349. P. 133–146.
- *Dennett D. C.* Interview with Daniel Dennett // *Journal of cognitive neuroscience*. 1995. Vol. 7. № 3. P. 408–414.
- *Dennett D. C.* Get real. Reply to my critics // *Philosophical topics*. 1994. Vol. 22. № 1/2. P. 505–568.

- *Dennett D. C.* Consciousness in human and robot minds // *Cognition, computation and consciousness* / M. Itō; Y. Miyashita; E. T. Rolls (eds.). OUP, Kyoto, 1997. P. 17–29.
- *Dennett D. C.* Review on Searle J. R. «The Rediscovery of Consciousness», Cambridge, 1992 // *Journal of philosophy*. 1993. Vol. 90. № 4. P. 193–205.
- *Dennett D. C.* Living on the edge. Symposium on Daniel Dennett's «Consciousness explained» // *Inquiry*. 1993. Vol. 36. № 1/2. P. 135–160.
- *Dennett D. C.* Confusion over evolution: An exchange (with S. J. Gould) // *The New York review of books*. 1993. Vol. 50. № 1/2. P. 43–44.
- *Dennett D. C.* Review of Varela et al, «The Embodied Mind» // *American journal of psychiatry*. 1993. Vol. 106. № 1. P. 121–125.
- *Dennett D. C.* Back from the drawing board: Reply to my critics // *Dennett and His Critics: Demystifying Mind* / B. Dahlbom (ed.). Oxford, 1993. P. 203–235.
- *Dennett D. C.* The message is: There is no medium. Reply to Jackson, Rosenthal, Shoemaker and Tye // *Philosophy and phenomenological research*. 1993. Vol. 53. № 4. P. 889–931.
- *Dennett D. C.* Caveat Eeptor. Reply to essays on «Consciousness Explained» (reply to Mangan, Toribio, Baars and McGovern) // *Consciousness and cognition*. 1993. Vol. 2. P. 48–57.
- *Dennett D. C.* The self as a center of narrative gravity // *Self and consciousness: Multiple perspectives* / F. Kessel, P. Cole, D. Johnson (eds.). Hillsdale, NJ, 1992 (<http://ase.tufts.edu/cogstud/papers/selfctr.htm>).
- *Dennett D. C., Kinsbourne M.* Time and observer: The where and when of consciousness in the brain // *Behavioral and brain science*. 1992. Vol. 15. P. 183–241 (<http://ase.tufts.edu/cogstud/papers/time&obs.htm>).
- *Dennett D. C.* Escape from the Cartesian theater // Reply to Commentaries on «Time and the observer: The where and when of consciousness in the brain», 1992 (<http://ase.tufts.edu/cogstud/papers/escape.htm>).

- *Dennett D. C.* Temporal anomalies of consciousness: Implications for the uncentered brain // *Neurophilosophy and alzheimer's disease* / Y. Christen and P. S. Churchland. (eds.). Berlin, 1992. P. 5–17.
- *Dennett D. C.* Filling in versus finding out: A ubiquitous Confusion in cognitive science // *Cognition, conceptual and methodological issue* / H. Pick, P. Van den Broek, D. Knill (eds.). Washington, 1992. P. 33–49.
- *Dennett D. C.* Two contrasts: Folk craft versus folk science and belief versus opinion // *The future of folk psychology* / J. D. Greenwood (ed.). Cambridge, 1991. P. 135–148.
- *Dennett D. C.* Real patterns // *Journal of philosophy*. 1991. Vol. 88. № 1. P. 27–51.
- *Dennett D. C.* Lovely and suspect qualities // *Consciousness* / E. Villanueva (ed.). Atascadero, CA, 1991. P. 37–43.
- *Dennett D. C.* Memes and the exploitation of imagination // *The journal of aesthetics and art criticism*. 1990. Vol. 48. P. 127–135.
- *Dennett D. C., Humphrey N.* Speaking for our selves: An assessment of multiple personality disorder // *Raritan: A quarterly review*. 1989. Vol. 9. P. 68–98.
- *Dennett D. C.* The origins of selves // *Cogito*. 1989. Vol. 3. P. 163–173.
- *Dennett D. C.* Cognitive ethology: Hunting for bargains or a wild goose chase? // *Goals, no-Goals and own goals: A debate on goal-directed and intentional behavior* / A. Montefiore, D. Noble (eds.). London, 1989. P. 101–116.
- *Dennett D. C.* Memes and the exploitation of imagination (The David and Miriam Mandel lecture) // *American society for aesthetics*. 1989. October 27.
URL: <http://ase.tufts.edu/cogstud/papers/memeimag.htm>.
- *Dennett D. C.* Why everyone is a novelist // *Times literary supplement*. 1988. September 16–22. P. 96–98.
- *Dennett D. C.* When philosophers encounter AI // *Daedalus*. 1988. Vol. 117. P. 283–296.

- *Dennett D. C.* The intentional stance in theory and practice // *Machiavellian intelligence* / A. Whiten, R. W. Byrne (eds.). Oxford, 1988. P. 180–202.
- *Dennett D. C.* Quining qualia // *Consciousness in modern science* / A. Marcel, E. Bisiach (eds.). Oxford, 1988. P. 42–47.
- *Dennett D. C.* Why creative intelligence is hard to find. Commentary on Whiten and Byrne // *Behavioral and brain sciences*. 1988. Vol. 11. P. 253.
- *Dennett D. C.* Out of the armchair and into the field // *Poetics today*. 1988. Vol. 9. P. 205–21.
- *Dennett D. C.* Evolution, error and intentionality // *Sourcebook on the foundations of artificial intelligence* / Y. Wilks, D. Partridge (eds.). Albuquerque, NM, 1988. P. 190–211.
- *Dennett D. C.* The logical geography of computational approaches: A view from the East Pole // *Problems in the representation of knowledge* / M. Harnish, M. Brand (eds.). Tucson, 1987. P. 59–79.
- *Dennett D. C., Haugeland J.* Consciousness // *The Oxford companion to the mind* / R. L. Gregory (ed.). Oxford, 1987. P. 160–164.
- *Dennett D. C., Haugeland J.* Intentionality // *The Oxford companion to the mind* / R. L. Gregory (ed.). Oxford, 1987. P. 383–386.
- *Dennett D. C.* Thinking about thinking: The mind as virtual machine // *The human mind — the human brain and beyond*. American Broadcasting Companies Inc., 1984. P. 9–12.
- *Dennett D. C.* Julian Jaynes's software archeology // *Canadian Psychology*. 1986. Vol. 27. P. 149–154.
- *Dennett D. C.* Can machine think? // *How we know* / M. Shafto (ed.). San Francisco, 1985. P. 121–145.
- *Dennett D. C.* Intentional systems in cognitive ethology: The «panglossian paradigm» defended // *The behavioral and brain science*. 1983. Vol. 6. P. 343–390.
- *Dennett D. C.* How to study human consciousness empirically or nothing comes to mind // *Synthese*. 1982. Vol. 53. № 2. P. 159–180.

- *Dennett D. C.* The myth of the computer: An exchange (reply to John Searle's review of «The mind's I») // *New York Review of Books*. 1982. Vol. 29. P. 56–57.
- *Dennett D. C.* Why we think what we do about why we think what we do: Discussion on Goodman's «On thought without words» // *Cognition*. 1982. Vol. 12. P. 219–227.
- *Dennett D. C.* Wandering where the yellow went. Commentary on Sellars's Carus lecture // *The monist*. 1981. Vol. 64. P. 102–108.
- *Dennett D. C.* Three kinds of intentional psychology // *Reduction, time and reality* / R. Healey (ed.). Cambridge, 1981. P. 37–61.
- *Dennett D. C.* True believers: The intentional strategy and why it works // *Scientific explanation* / A. F. Heath (ed.). London, 1981. P. 57–79.
- *Dennett D. C.* True believers: The intentional strategy and why it works // *Scientific explanation* / A. F. Heath (ed.). London, 1981. P. 53–75.
- *Dennett D. C.* Making sense of ourselves // *Philosophical topics*. 1981. Vol. 12. № 1. P. 63–81.
- *Dennett D. C.* The milk of human intentionality // *Behavioral and brain sciences*. 1980. Vol. 3. № 3. P. 428–430.
- *Dennett D. C.* On the absence of phenomenology // *Body, mind and method* / D. Gustafson, B. Tapscott (eds.). Dordrecht, 1979. P. 93–113.
- *Dennett D. C.* Current issues in the philosophy of mind // *American philosophical quarterly*. 1978. Vol. 15. № 4. P. 249–261.
- *Dennett D. C.* Toward a cognitive theory of consciousness // *Perception and cognition. Minnesota Studies in the Philosophy of Science* / C. W. Savage (ed.). 1978. Vol. 9. P. 201–208.
- *Dennett D. C.* Why you can't make computer that feels pain // *Synthese*. 1978. Vol. 38. P. 415–456.
- *Dennett D. C.* Are dreams experiences? // *Philosophical review*. 1976. Vol. 85. P. 151–171.
- *Dennett D. C.* Conditions of personhood // *The identity of persons* / A. Rorty (eds.). Berkeley, 1976.

- *Dennett D. C.* Why the law of effect will not go away // *Journal for the theory of social behavior*. 1975. Vol. 5. P. 169–187.
- *Dennett D. C.* Brain writing and mind reading // *Language, mind and knowledge*. Minnesota Studies in the Philosophy of Science / K. Gunderson (ed.). 1975. Vol. 8. P. 403–416.
- *Dennett D. C.* Mechanism and responsibility // *Essays on freedom and action* / T. Honderich (ed.). London, 1973.
- *Dennett D. C.* Intentional systems // *Journal of philosophy*. 1971. Vol. 68. P. 87–106.

Литература о философии Деннета

Статьи и монографии на русском языке (в хронологическом порядке)

- *Васильев В. В., Волков Д. Б., Деннет Д.* Интервью с Дэниелом Деннетом, 2010 (<http://hardproblem.ru/interview/interviewdennett/#more-338>).
- *Юлина Н. С.* Философский натурализм: О книге Дэниела Деннета «Свобода эволюционирует». М., 2007.
- *Васильев В. В.* Деннет // *История философии*. М., 2005.
- *Юлина Н. С.* Головоломки проблемы сознания: концепция Дэниела Деннета. М., 2004.
- *Дубровский Д. И.* «В театре» Дэниела Деннета (по поводу одной популярной концепции сознания) // *Вопросы философии*. 2003. № 7. С. 92–111.
- *Деннет Д.* Самость как «центр нарративной гравитации» или почему возможны самостные компьютеры // *Вопросы философии*. 2003. № 2. С. 104–121.
- *Юлина Н. С. Д.* Деннет о проблеме ответственности в свете механицистского объяснения человека // *История философии*. М., 2002. Вып. 8. С. 58–77.
- *Юлина Н. С.* Деннет versus Рорти // *Системные исследования. Методологические проблемы*. М., 2001. С. 100–122.
- *Юлина Н. С.* Деннет о вирусе постмодернизма. Polemica с Р. Рорти о сознании и реализме // *Вопросы философии*. 2001. № 8. С. 78–92.

- Дэниел Деннет // Новая философская энциклопедия. М., 2000. С. 623–624.
- Юлина Н. С. Дэниел Деннет: концепция сознания и личностного // История философии: Ежегодник. М., 1999. Вып. 5. С. 192–198.

**Монографии и сборники на английском языке
(в хронологическом порядке)**

- *Zawidski T. Dennett.* Oxford, 2007.
- *Elton M. Daniel Dennett: Reconciling science and our self-conception.* Cambridge, 2003.
- *Symons J. On Dennett.* Belmont, 2002.
- Daniel Dennett / A. Brook, D. Ross (eds.). Cambridge, 2002.
- Dennett's philosophy: A comprehensive assessment / D. Ross, A. Brook, D. Thomson (eds.). Cambridge, 2000.
- Dennett and his critics: Demystifying mind / Bo Dahlbom (ed.). Oxford, Cambridge MA, 1993.

**Статьи о философии Деннета на английском языке
(в алфавитном порядке)**

- *Akins K. Lost the plot? Reconstructing Dennett's multiple drafts theory of consciousness // Mind and Language.* 1996. Vol. 11. № 1. P. 1–43.
- *Blackmore S. Destroying the zombic hunch. Review of «Sweet Dreams» by Daniel Dennett // Nature.* 2005. № 5. P. 21–23 (<http://www.susanblackmore.co.uk/reviews/Dennett05.htm>).
- *Block N. On Daniel Dennett's «Consciousness explained» // Journal of philosophy.* 1993. Vol. 90. № 4. P. 193–205.
- *Brown A. The semantic engineer // The Guardian Digital Edition.* 2004. April 17 (<http://www.guardian.co.uk/books/2004/apr/17/peopleinscience.philosophy>).
- *Churchland P.M. Catching consciousness in recurrent net // Daniel Dennett / A. Brook, D. Ross.* Cambridge, 2002. P. 64–82.
- *Churchland P.M. Densmore and Dennett on virtual machines and consciousness // Philosophy and phenomenological research.* 1999. Vol. 59. № 3. P. 747–767.

- *Clark A.* That special something: Dennett on making of minds and selves // *Dennett's philosophy: A comprehensive assessment* / D. Ross, A. Brook. Cambridge, 2002. P. 187–205.
- *Fodor J., Leplore E.* Dennett: Meaning holism and the normativity of international ascription (and a little more about Davidson) // *Fodor J., Leplore E. Holism. A shopper's guide.* Cambridge, 1992.
- *Foss J.* On evolution of intentionality as seen from the intentional stance // *Inquiry.* 1994. Vol. 37. № 3. P. 287–310.
- *Haugeland J.* Pattern and being // *Dennett and his critics: Demistifying mind* / B. Dahlbom (ed.). Oxford; Cambridge, 1993. P. 51–69.
- *Schneider S.* Daniel Dennett on the nature of consciousness // *The Blackwell companion to Consciousness* / M. Velmans, S. Schneider (eds.). Oxford, 2007. P. 313–324.
- *Voorhees B.* Dennett and the deep blue sea // *Journal of conscious studies.* 2000. № 7. P. 53–69.
- *Wilson D. C.* Functionalism and moral personhood: One view considered // *Philosophy and phenomenological research.* 1984. V. 44. № 4. P. 521–529.
- *Wilkes K. V.* Functionalism, psychology and philosophy of mind // *Philosophical topics.* 1981. V. 12. № 1. 147–167.
- *Yu P., Fuller G.* A critique of Dennett // *Synthese.* 1986. Vol. 66. № 3. P. 453–476.

Общая литература о сознании и другая используемая литература

На русском языке (в алфавитном порядке)

- *Аналитическая философия: становление и развитие* / Под ред. А. Ф. Грязнова. М., 1998.
- *Брентано Ф.* Психологии с эмпирической точки зрения. Т. 2, раздел 7. Представления и суждения как два различных класса психических феноменов // *Вопросы философии.* 1995. № 2. С. 148–171.

- *Васильев В. В.* Трудная проблема сознания. М., 2009.
- *Васильев В. В.* Кока-кола и секрет Китайской комнаты // *Философия сознания: классика и современность.* М., 2007. С. 86–94.
- *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат / Пер. с англ. Г. Н. Добронравова. М., 1958.
- *Витгенштейн Л.* Философские исследования / Пер. с нем. М. С. Козловой, Ю. А. Асеева. М., 1996.
- *Гоббс Т.* Сочинения в 2-х томах. М., 1965. Т. 2.
- *Гуссерль Э.* Феноменология. Статья в Британской энциклопедии // *Логос.* 1991. № 1. С. 12–21.
- *Декарт Р.* Размышления о первой философии, в коих доказывается существование бога и различие между человеческой душой и телом. М., 1994.
- *Дрейфус Х.* Чего не могут вычислительные машины. М., 1978.
- *Дубровский Д. И.* Проблема идеального. Субъективная реальность. 2-е изд. М., 2002.
- *Иванов Д.* Чего же все-таки не знает Мэри? О чем говорит аргумент знания // *Логос.* 2009. № 2. С. 122–135.
- *Куайн У. О.* Слово и объект / Пер. с англ. А. З. Черняка, Т. А. Дмитриева. М., 2000.
- *Ламетри Ж. О.* Сочинения. М., 1983.
- *Лейбниц Г. В.* Сочинения в четырех томах. М., 1982. Т. 1.
- *Локк Дж.* Сочинения в 3-х т. М., 1985. Т. 1. Опыт о человеческом разумении.
- *Молчанов В.* Две лекции о Brentano (http://www.ruthenia.ru/logos/number/2002_01/04.htm).
- *Патнэм Х.* Философия сознания / Пер. с англ. Л. Б. Макеевой, О. А. Назаровой, А. Л. Никифорова. М., 1998.
- *Сёрл Дж.* Открывая сознание заново / Пер. с англ. А. Ф. Грязнова. М., 2002.
- *Юм Д.* Сочинения в двух томах. М., 1996. Т. 1.

На английском языке (в алфавитном порядке)

- *Armstrong D. M.* A materialist theory of mind. London, 1968.
- *Baars B.* In the theatre on consciousness: The workspace of the mind. Oxford, 1998.
- *Baars B.* Cognitive theory on consciousness. Cambridge, 2000.
- *Blackmore S.* The meme machine. Oxford, 1999.
- *Blackmore S.* Consciousness. An introduction. N. Y., 2004.
- *Blackmore S.* Conversations on consciousness. Oxford, 2006.
- *Blakesle S.* Arizona conference grapples with mysteries of human consciousness // New York Times. 1996. April 16 (http://www.consciousness.arizona.edu/CenterforConsciousnessCenter.Tucson.Arizona_000.htm).
- Blackwell companion to consciousness, The / M. Velmans, S. Schneider (eds.). Oxford, 2007.
- *Block N.* What is functionalism? // Readings in philosophy of psychology. Cambridge, 1980. Vol. 1.
- *Block N.* Troubles with functionalism // Perception and cognition: Issues in the foundations of psychology. Minnesota studies in philosophy of science. Minneapolis, 1978. Vol. 11.
- *Block N., Fodor J.* What a psychological states are not // Philosophical review. 1972. Vol. 81. P. 159–181.
- *Block N.* Wittgenstein and qualia // Philosophical perspectives. 2007. Vol. 21. № 1. P. 73–115.
- *Brockman J.* The third culture. N. Y., 1996.
- *Brown A.* The semantic engineer // The Guardian. 2004. April 17 (<http://www.guardian.co.uk/books/2004/apr/17/peopleinscience.philosophy>).
- *Byrne A.* Inverted qualia // Stanford encyclopedia of philosophy (<http://plato.stanford.edu/entries/qualia-inverted/>).
- *Byrne A., Hilbert D.* Color realism and color science // Behavioral and brain sciences. 2003. Vol. 26. P. 3–21.
- *Chalmers D.* The conscious mind: In search of a fundamental theory. Oxford, 1996.
- *Chalmers D.* Facing up to the problem of consciousness // Journal of consciousness studies. 1995. Vol. 2. P. 200–219.

- *Chalmers D.* First-person methods in the science of consciousness // *Consciousness bulletin*. 1999. P. 8–11.
- *Conscious experience* / T. Metzinger (ed.). Paderborn, 1995.
- *Churchland P.M.* Matter and consciousness. Cambridge; London, 1984.
- *Churchland P.M.* The engine of reason. The seat of the soul. Cambridge, 1995.
- *Dawkins R.* The selfish gene. Oxford, 1989.
- *Dehaene S., Naccache L.* Toward a cognitive neuroscience of consciousness: basic evidence and a workspace framework // *Cognition*. 2001. Vol. 79. № 1/2. P. 1–37.
- *Dimensions of personhood* / A. Laitinen, H. Ikaheimo (eds.). Exeter, 2007.
- *Dreyfus H., Dreyfus S.* Mind over machine. N. Y., 1986.
- *Duncan S.* Hobbes's materialism in the early 1640s // *British journal for the history of philosophy*. 2005. Vol. 13. P. 437–48.
- *Explaining consciousness. The «Hard Problem»* / J. Shear (ed.). Cambridge, 1997.
- *Flanagan O.* Consciousness reconsidered. Cambridge, 1992.
- *Feuer A.* A Dead Spy, a Daughter's Questions and the C. I. A. // *New York Times*. 2007. October 23 (<http://www.nytimes.com/2007/10/23/nyregion/23spydad.html?pagewanted=1&r=1>).
- *Gallagher S.* Moral agency, self-consciousness, and practical wisdom // *Dimensions of personhood* / A. Laitinen, H. Ikaheimo (eds.). Exeter, 2007. P. 199–223.
- *Gazzaniga M.* Brain modules and belief formation // *Self and consciousness. Multiple perspectives* / F. S. Kessel, P. M. Cole, D. L. Johnson (eds.). Hillsdale, 1992. P. 88–101.
- *Gazzaniga M.* The fictional self // *Personal identity and fractured selves: Perspectives from philosophy, ethics, and neuroscience* / D. J. H. Mathews, H. Bok, P. V. Rabins. Baltimore, 2009.
- *Hardin C.* Color for philosophers: Unweaving the rainbow. Indianapolis, 1993.
- *Huxley T.* Collected essays. London, 2005. Vol. 1.

- *Hofstadter D.* I am a strange loop. N. Y., 2007.
- *Jackson F.* Epiphenomenal qualia // Philosophical quarterly. 1982. Vol. 32. P. 127–136.
- *James W.* The principles of psychology. N. Y., 2007. Vol. 1.
- *Johnson G.* What really goes on in there // New York Times. 1991. November 10.
- *Kirk R.* Raw feeling: A philosophical account of the essence of consciousness. Oxford, 1994.
- *Kirk R.* Sentience and behavior // Mind, New Series. 1974. Vol. 83. № 329. 43–60.
- *Levine J.* Materialism and qualia: The explanatory gap // Pacific philosophical quaterly. 1983. Vol. 64. P. 354–361.
- *Locke J.* Of identity and diversity // Personal identity / J. Pery (ed.). Berkley, 2008.
- *Lockwood M.* Mind, brain and the quantum: The compound I. Oxford, 1991.
- *McGinn C.* The character of mind. Oxford; N. Y., 1982.
- *McGinn C.* Can we solve the mind-body problem // Philosophy of mind: Classical and contemporary readings / D. Chalmers (ed.). Oxford, 2002.
- *Miller G. A.* The cognitive revolution: A historical perspective // Trends in cognitive science. 2003. Vol. 7. P. 141–145.
- *Nagel T.* What is it like to be a bat // Philosophical review. 1974. Vol. 83. P. 435–445.
- Nature of consciousness, The. Philosophical debates / N. Block (ed.). Cambridge, 1997.
- *Parfit D.* Personal identity // Philosophical review. 1971. Vol. 80. P. 3–27.
- *Penrose R.* The emperors new mind: Concerning computers, minds and the laws of physics. Oxford, 1985 (есть перевод: Пенроуз Р. Новый ум короля: О компьютерах, мышлении и законах физики. Изд. 4. М.: URSS, 2011).
- Personal identity and fractured selves: Perspectives from philosophy, ethics, and neuroscience / D. J. H. Mathews, H. Bok, P. V. Rabins (eds.). Baltimore, 2009.

- *Perry J.* A dialogue on personal identity and immortality. Indianapolis, 1978.
- *Philosophy of mind: Classical and contemporary readings / D. Chalmers (ed.).* Oxford, 2002.
- *Quine W. V.* Quintessence: Basic readings from the philosophy of W. V. Quine / R. Gibson (ed.). London, 2004.
- *Quine W. V.* Quine in dialogue / D. Follesdal, B. D. Quine. Cambridge, 2008.
- *Quine W. V.* On the reasons for indeterminacy of translation // *Journal of philosophy.* 1970. Vol. 67. P. 178–83.
- *Quine W. V.* Word and object. Cambridge, 1964.
- *Robinson W.* Epiphenomenalism // *Stanford Encyclopedia of Philosophy* (<http://plato.stanford.edu/entries/epiphenomenalism/>).
- *Rorty R.* Philosophy and the mirror of nature. Princeton, 1980.
- *Ryle G.* The concept of mind. Chicago, 2002.
- *Ryle G.* Collected papers: Collected essays, 1929–1968. N. Y., 2009 (First edition — 1971). Vol. 2.
- *Searle J. R.* The rediscovery of consciousness. Cambridge, 1992.
- *Searle J. R.* Mystery of consciousness. N. Y., 1998 (First edition — 1997).
- *Searle J. R.* The Myth of the computer // *The New York Review of Books.* 1982. Vol. 29. № 11. P. 56–57.
- *Shoemaker S.* The inverted spectrum // *The nature of consciousness. Philosophical debates / N. Block (ed.).* Cambridge, 1997.
- *Soames S.* Philosophical analysis in the twentieth century. Princeton, 2003. Vol. 2.
- *Swinburne R., Shoemaker S.* Personal identity. Oxford, 1984.
- *Tanney J.* Rethinking Ryle. A critical discussion of the concept of mind // *Ryle. The Concept of Mind.* N. Y., 2009. P. ix–lviii.
- *Toward a Science of Consciousness.* Tucson, Arizona, April 4–8, 2006. (Материалы конференции, проходившей 4–8 апреля 2006 г.)

- *Tye M.* Consciousness and persons: Unity and identity. Cambridge, 2005.
- *Turing A.* Computing machinery and intelligence // *Mind*. 1950. Vol. 59. P. 433–60.
- *Velleman D.* The self as narrator.
URL: <https://pantherfile.uwm.edu/hinchman/www/Velleman-Dennett.pdf>
- *Watson J.* Psychology as the behaviorist views it // *Psychological review*. 1913. Vol. 20. P. 158–177
(<http://psychclassics.yorku.ca/Watson/views.htm>).
- *Weiskrantz A.* Blindsight: A case study and its Implications. Oxford, 1986.
- *Wittgenstein L.* Remarks on colour. Berkeley, 2007.

Примечания

1. Согласно некоторым историко-философским интерпретациям, Декарт сам понимал бесперспективность такого разделения, но, тем не менее, проводил его из политических соображений, поскольку осознавал возможности Церкви препятствовать развитию астрономии, физики, биологии в случае, если эти исследования могут поколебать уверенность в существовании «души».
2. Законы тяготения все-таки можно сравнивать с симпатией. Лейбниц и Гюйгенс обвиняли Ньютона в отступлении от механистических принципов естественной философии из-за того, что он допускал действие одних вещей на другие на расстоянии. Они сравнивали открытое им тяготение с мистической силой, как «симпатии и антипатии» между вещами.
3. *Лейбниц Г. В.* Сочинения в четырех томах. М., 1982. Т. 1. С. 277.
4. В статье «Материализм Гоббса в начале 1640-х» исследователь С. Дункан показывает, что в период подготовки возражений на «Размышления» (1641) Декарта Гоббс не занимал однозначно материалистическую позицию. Приход к материализму, скорее, выражен в «Левиафане» (1651) и трактате «О теле» (1655). См.: *Duncan S. Hobbes's materialism in the early 1640s // British journal for the history of philosophy.* 2005. Vol. 13. P. 437–48.
5. *Гоббс Т.* Сочинения в 2-х томах. М., 1965. Т. 2. С. 398.
6. *Ламетри Ж. О.* Сочинения. М., 1983. С. 210.
7. Там же. С. 212.
8. Любопытно, что Ламетри не всегда соглашался в этом пункте с Декартом. В более раннем произведении, в «Трактате о душе», он даже иронизировал по этому поводу. «Чтобы выйти из непреодолимых затруднений, они [картезианцы. — Д. В.] бросились в лабиринт, из которого думали найти выход посредством нелепой теории, что „животные — простые машины“. Это мнение настолько смехотворно, что философы всегда допускали

его только как шутку или философское развлечение». См.: Ламетри Ж. О. Сочинения. С. 66. Но позже понял, что вместо того чтобы спорить, лучше принять это утверждение как для животных, так и для людей. «Итак, предоставим мнимому господину Черпу посмеиваться над философами, считающими животных машинами. Я же смотрю на этот вопрос иначе» (Там же. С. 220). Наверное, неясно, кто такой господин Черп, о котором говорит Ламетри. Ответ прост. Это псевдоним самого господина Машины, под которым был издан «Трактат о душе». Мистификации были свойственны для Ламетри, и даже крайне уместны в его ситуации.

9. Там же.
10. Г. Райл, философ-бихевиорист, о котором речь пойдет дальше, специально посвятил текст описанию занятия «Мыслителя» Родена. По его мнению, в основе этого занятия — мышления — внутренняя речь, тихое или почти беззвучное проговаривание фраз. Райл считает, что «Мыслитель» подбирает одну фразу за другой, пробует их как гипотезы, тестирует их на применимость. Как политик, подписывая договор о перемирии, пишет только свое имя, и в то же время этим действием прекращает войну; так мыслитель, проговаривая и подбирая фразы, открывает тем временем истину. См.: Ryle G. *Collected papers: Collected essays, 1929–1968*. N. Y., 2009 (First edition — 1971). Vol. 2. P. 494–511.
11. Другими лидерами бихевиоризма в США были Кларк Халл (Clark Hull) и Кеннет Спенс (Kenneth Spence). Они отстаивали вариант бихевиоризма, который назывался психологией стимулов и реакций (SR behaviorism), в отличие от скиннеровского «радикального» (функционального) бихевиоризма.
12. О сохранении популярности Скиннера, в том числе после когнитивной революции, пишет Г. Миллер. См.: Miller G. A. *The cognitive revolution: A historical perspective* // *Trends in cognitive science*. 2003. Vol. 7. P. 141–145.
13. Кстати, одним из ее организаторов является соавтор Пенроуза, анестезиолог С. Хамерофф. На одной из Туссанских конференций (2006) мне удалось побывать. Там я первый раз увидел Дж. Сёрла. Сёрл говорил очень резко и образно. Его манера выступать показалась какой-то почти хулиганской, но по расшифровке выступления такого не скажешь. Наверное, это было в его интонациях. В отличие от других докладчиков Сёрл по старинке отказался использовать слайды. На конференции

присутствовал Д. Чалмерс. Но в качестве гостя, а не организатора, как обычно. Он периодически забегал на сцену и что-то комментировал. Порадовала встреча с С. Блэкмор — последовательницей идей Деннета. Мы с ней познакомились ранее: на теплоходе, который плыл в Мексику, и во время круиза несколько раз беседовали. Но при встрече в Туссане (она сидела в кафе и потребляла фаст-фуд), на мое *bon appétit*, она почему-то вдруг заговорила со мной по-французски. Наверное, спустила с каким-то французом. Ее выступление на конференции было очень любопытным. Сюзан говорила об эксперименте, который должен был подтверждать Модель множественных набросков Деннета. Но эксперимент теорию не подтвердил. Жаль, что Деннет так и не услышал про этот эксперимент. В переписке я ему про него говорил, но он так и не отреагировал. Ярче всего было выступление Хофштадтера про большие и малые души. Кажется, он говорил об основных идеях своей новой книги «*I'm a strange loop*». Но не менее полезными были беседы с российским философом В. Васильевым. Он, собственно, и пригласил меня приехать в Туссан. Конференция закончилась поездками участников в местные музеи. А для меня — Большим Каньоном. Приехала моя жена, Юлия, и мы с удовольствием посмотрели на гигантский древний разлом в толще известняков и сланцев с вертолета.

14. *Blakesle S.* Arizona conference grapples with mysteries of human consciousness // New York Times. 1996. April 16 (http://www.consciousness.arizona.edu/CenterforConsciousnessCenter.Tucson.Arizona_000.htm).
15. Правда, есть и исключения. Л. Витгенштейн считал, что аргументы разрушают эстетику философского текста, и предпочитал выражаться заклинаниями. Любопытно, что именно он признан самым влиятельным философом XX в., согласно рейтингу Лейтера (см.: <http://leiterreportstypepadcom/blog/2009/03/sowho-isthe-most-importantphilosopherofthepast-200-years.html>). Как это объяснить? Пожалуй, недостаток ясности аргументов Витгенштейн компенсирует чрезвычайной изобретательностью и воображением.
16. Такая позиция близка мнению Куайна и Селларса, но ей не симпатизируют Райл и Витгенштейн. Райл, например, считает, что философия должна ограничиться концептуальным анализом, анализом языковых выражений и не имеет отношения к эмпирическим исследованиям. Но мнение о необходимости состо-

ковки научных и философских исследований разделяет большинство философов. И это мнение доминировало в истории мысли. Многие из знаменитых философов прошлого совмещали занятия наукой и философией. Специализация и разделение возникли за последние 100 лет. Но — это временное явление. Так считает и Деннет.

17. Методы нейровизуализации: 1970-е гг. КТ — компьютерная томография (CAT — CT scanning — computerized axial tomography); 1980-е гг. ОФЭКТ — однофотонная эмиссионная компьютерная томография (SPECT — single photon emission computed tomography); ПЭТ — позитронно-эмиссионная томография (PET — positron emission tomography); 1980-е гг. МРТ — магнитно-резонансная томография (MRI — magnetic resonance imaging); 1990-е гг. фМРТ — функциональная магнитно-резонансная томография или ЯМР — ядерный магнитный резонанс (fMRI — Functional magnetic resonance imaging).
18. Более подробно об этом феномене можно прочесть в книге: Weiskrantz A. Blindsight: A case study and its Implications. Oxford, 1986.
19. Еще один феномен, который близок по характеру уже описанным, свойственен для полностью здоровых людей: мертвая точка в поле зрения. Строение нашего глаза таково, что необходимо существование «слепой зоны», области, в которой мы не видим объекты. Эта область находится практически в центре нашего поля зрения, но мы ее не замечаем. Обнаружить ее можно только специально: нужно закрыть один глаз, сфокусировать взгляд на каком-то предмете прямо перед собой и передвигать какой-то небольшой предмет из периферии зрения к центру. В какой-то момент предмет исчезнет — он попадет в «мертвую точку». Любопытно, что в обычной жизни мы не замечаем пустых пятен в нашей зрительной области. Это значит, что не видеть нечто, и знать, что ты нечто не видишь — не одно и то же. Для того чтобы обнаружить мертвую зону, нужно иметь возможность направить на нее внимание. В обычных условиях с мертвой точкой это не возможно. Сравнение феноменов «слепое зрение», «мертвая точка» и «пространственная агнозия» приведено в статье *Dehaene S., Naccache L. Toward a cognitive neuroscience of consciousness: basic evidence and a workspace framework // Cognition. 2001. Vol. 79. № 1/2. P. 17*
20. Р. Рорти, выдающийся американский философ, критик аналитической традиции, автор книги «Философия и зеркало приро-

ды». См.: Rorty R. *Philosophy and the mirror of nature*. Princeton, 1980.

21. М. Мински, математик и исследователь компьютерных технологий, профессор MIT, лауреат национальной премии Японии (1990), самой высокой награды за достижения в науке и технологии этой страны, автор восьми книг, включая «Общество разума» (1986). Далее отзывы о Деннете цитируются по книге: Brockman J. *The third culture*. N. Y., 1996. P. 188–197.
22. Р. Шенк, известный когнитивный психолог, директор Института исследований способности обучения при университете North-western University, профессор, исследователь искусственного интеллекта.
23. Р. Доукинз, известный эволюционист и биолог, преподаватель факультета зоологии в Оксфордском университете, автор «Эгоистичного гена» (1976), «Расширенного фенотипа» (1982) и других работ, друг Деннета и один из «четырех всадников Апокалипсиса» (Деннет, Доукинз, Харрис, Хитченс — активные защитники атеизма с позиций науки).
24. Такую остроумную характеристику ему дал ученый-зоолог, журналист и популяризатор науки М. Ридлей.
25. Наше личное знакомство началось на лайнере «Holland America», который выполнял круиз из Сан-Диего по Мексиканкой ривьере. Дипломная работа по философии Деннета близилась к завершению, и мне хотелось во что бы то ни стало познакомиться с главным героем исследований (хорошо, что я не писал работу по Платону). И тут подвернулся этот круиз. Я узнал, что Деннет будет выступать с лекциями для любознательных атеистов. Был шанс с ним познакомиться и обсудить его теорию. Поэтому, не раздумывая, я забронировал каюту. Буквально в первый день, даже первый час на борту мы встретились, кажется, на 11-й палубе. Удивительно, ведь это был огромный корабль, и на нем путешествовало множество туристов. Деннет был в компании супруги, своей последовательницы Сюзан Блэкмор и ее друга. Я представился, сказал, что попал сюда именно в связи с его лекциями. После этого короткого представления мы не раз встречались, ужинали вместе. И у нас состоялось несколько очень интересных философских бесед.

Второй раз мы встречались в Бостоне, спустя несколько лет. Мы (проф. Васильев и я) специально приехали в гости. Как раз тогда мы попытались активно полемизировать с Деннетом. В частности, мы хотели направить разговор на кажущиеся несо-

стыковки между его старой теорией (Моделью множественных набросков) и гипотезой «славы в мозге». Но не успели очнуться, как «под обстрелом» оказались наши позиции. А потом Деннет и вовсе сбил нас с толку. Он вынудил решать какую-то математическую головоломку. Учитывая, что до встречи с Деннетом мы проделали достаточно длинный путь из Нью Йорка в Бостон в автомобиле, нам пришлось нелегко. Ответ на головоломку удалось найти, только вернувшись в Россию.

26. Творчество Деннета, с моей точки зрения, можно было бы назвать современной философской системой. Она решает множество самых различных вопросов. Решения соединены между собой несколькими исходными принципами: эволюционный принцип, принцип научной объективности и верификации. Но сам Деннет отказывается использовать такую характеристику для своей работы — слишком трудно сравнивать универсальные всеобъемлющие философские системы прошлого с трудами современных философов.
27. По поводу места рождения Деннета в исследовательской литературе вышла путаница. Некоторые историки философии указывают, что Деннет родился не в Бостоне, а в Бейруте. Эта ошибка присутствует и в биографической статье о Деннете в журнале «Гардиан». Обнаружив этот источник, я и сам посчитал, что Деннет родился в Ливане. На ошибку мне указал В. В. Васильев. Оказывается, журналист, который написал эту статью, сделал не только эту, но и множество других ошибок. И после публикации статьи были изданы корректировки. Статью с корректировками см.: *Brown A. The semantic engineer // The Guardian. 2004. April 17.*
URL: <http://www.guardian.co.uk/books/2004/apr/17/peopleinsciencephilosophy>.
28. Детали гибели Деннета-старшего неизвестны. Существует предположение, что это был саботаж. Попытки разобраться в ситуации предпринимает младшая сестра Дэниела Деннета, журналистка Шарлотта Деннет. См.: *Feuer A. A Dead Spy, a Daughter's Questions and the C. I. A. // New York Times. 2007. October 23* (<http://www.nytimes.com/2007/10/23/nyregion/23spydad.html?pagewanted=1&r=1>).
29. *Brown A. The semantic engineer // The Guardian. 2004. April 17*
URL: <http://www.guardian.co.uk/books/2004/apr/17/peopleinsciencephilosophy>.
30. Ibid.

31. Здесь и далее я умышленно оставляю слово «контент» без перевода. В этом я следую традиции Н. С. Юлиной и В. В. Васильева. Наиболее близким русским синонимом было бы «содержание» или «смысл». К примеру, фраза «вот здесь находится зеленое яблоко» обладает содержанием, контентом, которое как-то соотносится с находящимся здесь передо мной предметом, зеленым яблоком. В современной англоязычной философии «контент» часто используется как эквивалент «смысла» (*sinn*) у Фреге: напр., смысл определяет значение (референт) (<http://plato.stanford.edu/entries/meaning/>); но слово «контент» обладает меньшей технической нагруженностью, поэтому я его оставляю как есть.
32. Dennett and his critics: Demystifying mind / Bo Dahlbom (ed.). Oxford, Cambridge, 1993. P. 3.
33. Монография «Объясненное сознание» является одной из самых известных сегодня философских работ. Так, в списке, созданном на основании каталога MindPapers (глав. редактор Д. Чалмерс) по количеству цитат она занимает второе место, следом за книгой Д. Фодора «Модулярность сознания» и перед книгой Г. Райла «Понятие сознания» (http://consc.net/mindpapers/sreq/most_cited_phil.html). Однако, как замечает в своей работе В. Васильев, отношение к книге Деннета неоднозначное. Сам Чалмерс, например, считает, что это не лучшая работа Деннета, так как она недостаточно внимания уделяет феноменальному сознанию, игнорирует трудную проблему. Мне кажется, эта оценка несправедлива. Третья часть книги как раз и посвящена квалиа и защищающим ее мысленным экспериментам Зомби и Мэри. Другое дело, что решения, которые представляет Деннет, могут казаться неудовлетворительными для Чалмерса и других сторонников дуализма. Но знакомство с теорией американского философа лучше начинать не с «Объясненного сознания». В одном из интервью в качестве вступления к собственной философии Деннет рекомендует другую книгу — «Виды психики». К счастью, эта работа переведена на русский язык.
34. Это такие ботинки с прикрепленными к подошвам пружинами. Позволяют передвигаться прыжками. Нужны тем, кто хочет понять, как сознание может быть мозгом.
35. Blackmore S. Destroying the zombic hunch. Review of «Sweet Dreams» by Daniel Dennett // Nature. 2005. № 5. P. 21–23 (<http://www.susanblackmore.co.uk/reviews/Dennett05.htm>).

36. У Деннета был еще один вариант названия для собственной теории «Fantasy echo». В переводе «фантазийное эхо». Что за странное название? Мне кажется, оно подходит по следующим причинам. Во-первых, оно наталкивает на мысль о том, что сознание иллюзорно. Во-вторых, что эффект сознания связан с эффектами отражения одних нейронных процессов среди других. С точки зрения Деннета, именно такие нейрофизиологические эффекты лежат в основе сознания. И, наконец, в-третьих, само выражение «Fantasy echo» является результатом ошибочного восприятия. Оно выдает себя не за то, чем оно является. Об этимологии этого выражения автор рассказывает так. Много лет назад один профессор литературы, знакомый Деннета, читая эссе своего студента, был сильно удивлен. Студент писал эссе о поэзии «Fantasy echo». Что это за поэзия, и откуда про нее узнал студент? На экзамене студент все объяснил: «Конечно, из ваших лекций!» Это озадачило профессора еще больше. Ни о чем подобном он, конечно, не говорил. Только потом ему удалось во всем разобраться. «Fantasy echo» — это ошибочная интерпретация студентом выражения «поэзия fin de siècle» (фр. конца века). См.: *Dennett D. C. Sweet dreams. Cambridge, 2005. P. 159.*
37. Подтверждение тому, что Деннет готовит новую работу на эту тему, можно найти в третьей, финальной части его автобиографии. Рассказывая об истории создания «Разрушая чары», Деннет говорит, что разрывался между этим проектом и «своей первой любовью», «поэтому сейчас он отчаянно пытается наверстать упущенное за два года» и учесть все те работы, которые появились за последнее время. См.: *Dennett D. C. Autobiographical essay, part 3 // Philosophy now. 2008. № 70 (November/December). P. 24–25.*
38. И коммерческий успех (говорят, Деннет получил миллион долларов от издательства в качестве аванса за эту книгу), и публичный резонанс от книги был, однако, действительно значительный. После издания он стал воистину легендарной фигурой, знаменитостью. Книга сопровождалась публичными дебатами, множеством выступлений. Так что Деннет вошел в число наиболее опасных борцов за атеистический гуманизм — «четырех всадников Апокалипсиса».
39. Почему эволюционизм становится опасной идеей? Потому что в руках Деннета он превращается в «универсальную кислоту». Она «разъедает» ключевые тайны, позволяет производить деконструкцию интеллекта и рациональности к алгоритмам. Этот

принцип Деннет использует в отношении культуры (в частности, в объяснении развития религии) как принцип обучения, как принцип преобразования бессознательных информационных процессов в сознательные.

40. *Брентано Ф.* Психология с эмпирической точки зрения. Т. 2, раздел 7. Представления и суждения как два различных класса психических феноменов // *Вопросы философии.* 1995. № 2. С. 148–171.
41. Это понятие встречается в работах Ф. Аквинского, Д. Скотта, У. Оккама. Но также присутствует в логике Аристотеля.
42. *Молчанов В.* Две лекции о Брентано.
URL: [http:// www.ruthenia.ru/logos/number/2002_01/04.htm](http://www.ruthenia.ru/logos/number/2002_01/04.htm).
43. *Гуссерль Э.* Феноменология. Статья в Британской энциклопедии // *Логос.* М., 1991. № 1. С. 12–21.
44. *Watson J.* Psychology, as the behaviorist views it // *Psychological review.* 1913. Vol. 20. P. 158–177 (<http://psychclassics.yorku.ca/Watson/views.htm>).
45. Ibid.
46. Ibid.
47. *Dennett D. C.* Brainstorms: Philosophical essays on mind and psychology. Cambridge, 1998 (First edition — 1978). P. 63.
48. Ibid.
49. Конечно, кроме аналитических высказываний, которые выражают априорные истины, истины, выводимые из понимания самих выражений.
50. Любопытна оценка этой книги самим Деннетом. По его мнению, она стала «началом новой эры философии сознания». «В течение десятилетия после появления „Понятия сознания“ теории сознания были настолько не в моде, что они почти не создавались...». Позиция Райла о том, что проблема сознания — тело, и все разногласия по этому поводу основаны на категориальной ошибке, доминировала в философской среде. См.: *Dennett D. C.* Current issues in the philosophy of mind // *American philosophical quarterly.* 1978. Vol. 15. № 4. P. 249–261.
51. В своей книге В. В. Васильев предлагает аналогичный эксперимент. Правда, у него вместо зебры зеленая корова. Возможно, она тоже подошла бы, но зебра гораздо лучше иллюстрирует мою позицию. См.: *Васильев В. В.* Трудная проблема сознания. М., 2009. С. 107.

52. Мне кажется, что свойство периферического зрения предоставлять информацию «с пробелами» позволяет, скорее, уподоблять его набору убеждений, а не графических образов. И тем самым сближает его с воображением, а не со зрением. Этот вопрос, однако, находится далеко за пределами обсуждаемых Райлом тем.
53. Пожалуй, не менее значимым вкладом Куайна в историю философии служит его атака на различие между синтетическими и аналитическими предложениями в статье «Две догмы эмпирицизма». См.: Куайн У.О. Две догмы эмпирицизма // Куайн У.О. Слово и объект. М., 2000.
54. Примером таких теорий может быть объяснение нашего восприятия. Можно сказать, что восприятие внешнего мира обусловлено воздействием внешних объектов на наши органы чувств. Можно предположить, что наше восприятие является результатом сна, а можно, что оно является мошенничеством злого декартовского демона. Современный мысленный эксперимент Мозг в чане тоже представляет альтернативную теорию, способную объяснить все тот же начальный набор фактов, наше восприятие.
55. Мне кажется, проиллюстрировать «неопределенность перевода» можно еще и таким образом. Возьмем такое изображение.

Это многозначная фигура: в ней равным образом можно увидеть и зайца (повернутого вправо), и утенка (повернутого влево). Можно ли определить, кого рисовал автор? По одному только изображению определить этого нельзя. Даже если бы мы смогли видеть процесс создания рисунка, это не дало бы нам подсказки. Тогда, может быть, просто спросить автора? Предположим, он сказал бы: «Зайца». Но, к сожалению, и здесь мы не получили бы окончательного подтверждения. Ведь под словом «заяц» художник мог бы иметь в виду «утенок». Согласно тезису неопределенного перевода, сколько бы мы ни задавали вопросов, ответа на то, кого рисовал художник, мы получить никогда не сможем.

56. Quine W. V. Quintessence: Basic readings from the philosophy of W. V. Quine / R. Gibson (ed.). London, 2004. P. 168.
57. Quine W. V. Word and object. Cambridge, 1964. P. 221.
58. Ibid.
59. Ibid.
60. Dennett D. C. Content and consciousness. N. Y., 1999 (First edition — 1969). P. 39.
61. Dennett D. C. Brainstorms: Philosophical Essays on Mind and Psychology. P. 6.
62. Dennett D. C. Intentional systems theory // Oxford Handbook in Philosophy of Mind. Oxford, 2009. P. 339–350.
63. Dennett D. C. The intentional stance. Cambridge, 1996 (First edition — 1987). P. 49.
64. Dennett D. C. Brainstorms: Philosophical Essays on Mind and Psychology. P. 9.
65. Цит. по: Dennett D. C. Darwin's Dangerous Idea: Evolution and the meaning of Life. N. Y., 1995. P. 375.
66. Dennett D. C. Brainstorms: Philosophical Essays on Mind and Psychology. Cambridge, 1998. P. 19.
67. Пообщаться с Элизой можно на веб-странице (см.: <http://nlp-addiction.com/eliza/>).
68. Аргумент действительно настолько знаменит, что всю когнитивистскую традицию иногда называют исследовательской программой по опровержению аргумента Китайская комната.
69. Сёрл Дж. Открывая сознание заново. М., 2002. С. 187.
70. Читателя могло заинтересовать странное название статьи Деннета. Меня оно тоже удивляло, пока я не обнаружил разгадку в книге «Глаз разума». В «Размышлениях» к 5-й главе Деннет предлагает читателю выбрать, что ближе нашему представлению о сознании: «молоко» или «песня». Молоко является конкретным, материальным объектом, в то время как песня — абстрактным описанием физических процессов. По мнению Деннета, правильной аналогией является песня. Сёрл в своей рецензии на «Глаз разума» с иронией упоминает это сравнение Деннета как своего рода чудачество. А Деннет в рецензии на статью «Разум, мозг, программы» возвращает ему насмешку: по его мнению, Сёрл совершает ошибку, уподобляя интенциональность «молоку». В представлениях Сёрла мозг производит сознание, как корова — молоко.

71. *Dennett D. C. Intuition pumps // The third culture: Beyond the scientific revolution / J. Brockman (ed.). N. Y., 1995*
(<http://www.edge.org/documents/ThirdCulture/r-Ch. 10.html>).
72. Впрочем, можно обозначить и другую точку отсчета. В статье «Вопросы современной философии сознания» (1978) Деннет использует придуманный им самим мысленный эксперимент о человеке, запертом в огромном роботе. На стенах комнаты, где заперт человек, с одной стороны множество лампочек — они обозначают сигналы от «органов чувств» робота, на другой — множество кнопок и рычагов, с их помощью можно управлять действиями робота. Лампочки зажигаются, оповещая узника о каких-то событиях во внешнем мире, но у него нет инструкции, как переводить эти сообщения и как использовать рычаги и кнопки. По мнению Деннета, эта ситуация сходна с задачей, которая успешно решается мозгом человека... В статье «Автопортрет» Деннет называет этот мысленный эксперимент предвестником серловской «китайской комнаты». Сходство ситуации действительно есть. Однако цели описания различны. Сёрл использует ее в качестве аргумента против «сильной версии ИИ», а Деннет — в качестве иллюстрации неразрешенной проблемы.
73. *Searle J. R. The Myth of the computer // The New York Review of Books. 1982. Vol. 29. № 11. P. 56–57.*
74. *Ibid.*
75. *Searle J. R. Mystery of consciousness. N. Y., 1998 (First edition — 1997). P. 116.*
76. *Turing A. Computing machinery and intelligence // Mind. 1950. Vol. 59. P. 433–460.*
77. Кстати, нужно сказать, что Тьюринг ошибался в прогнозах. Он был убежден, что через 50 лет будут созданы компьютеры, которые будут проходить тест с вероятностью не менее 30 % успеха после 5 минут диалога. 50 лет прошло, но компьютеры все еще далеки от таких результатов. См.: *Turing A. Computing machinery and intelligence // Mind. 1950. Vol. 59. P. 433–60.*
78. *Dennett D. C. Content and consciousness. P. 182.*
79. Глаз разума. Фантазии и размышления о самосознании и о душе / Под ред. Д. Хофштадтера, Д. Деннета. Самара, 2003. С. 362–363.
80. *Васильев В. В. Кока-кола и секрет Китайской комнаты // Философия сознания: классика и современность. М., 2007. С. 88.*

81. Подобный вопрос придумал один из аспирантов нашей кафедры И. Солнцев. Он предлагает спросить комнату о содержании предыдущего вопроса. Этот вариант, по моему мнению, можно парировать. Комната теоретически может иметь все комбинации вопросов и ответов. Тогда и на этот у нее будет правильный ответ.
82. Правда, во время беседы у узника, возможно, появится возможность разобраться в китайском. Представьте, что вам задают один и тот же вопрос, но с течением времени вы вынуждены давать на него разные ответы. Учитывая, что ваши ответы истинны, очевидно, что они описывают что-то, что за это время изменилось. А что могло измениться в комнате, где ничего «особенного» не происходит? Подобные соображения могут стать ключом к расшифровке. При наличии знания о лингвистических паттернах (а это знание у узника точно имеется): частоты употребления иероглифов, их совместимости и несовместимости и ключа у нашего почти всемогущего узника (напомню, он движется почти со скоростью света и может запомнить всю библиотеку Конгресса), — может появиться понимание.
83. Таковую гипотезу высказывает В. Васильев в уже упомянутой нами статье. См.: *Васильев В. В.* Кока-кола и секрет Китайской комнаты. С. 89.
84. *Dennett D. C.* The milk of human intentionality // *Behavioral and brain sciences*. 1980. Vol. 3. № 3. P. 428–430.
85. *Dennett D. C.* Brainchildren: Essays on designing minds. Cambridge, 1998. P. 21.
86. Деннет пишет: «Цифровые компьютеры трехмерные, но они почти все фундаментально линейны в одном смысле. Они — машины фон Неймана: последовательные, непараллельные в своей архитектуре и способны делать одну операцию в одну единицу времени». *Dennett D. C.* The Intentional stance. P. 327.
87. *Васильев В. В., Волков Д. Б., Деннет Д.* Интервью с Дэниэлом Деннетом, 2010. URL: <http://hardproblem.ru/interview/interviewdennett/#more-338>.
88. Этот остроумный каламбур принадлежит Чалмерсу. Несмотря на различие в позициях Чалмерса и Деннета насчет природы сознания, оба философа имеют сходную точку зрения в отношении сильной версии ИИ.
89. Важно различать патентование и установление авторских прав. Обычно авторские права регистрируют права на «конкретное выражение идеи», т. е. программный код, в то время как патент

устанавливает права на самую «идею», вне зависимости от того, как она реализована. Разворачивающееся сегодня сражение в федеральных судах США между гигантами-производителями смартфонов (Apple, Nokia, HTC, RIM) представляет иллюстрацию того, как воспринимают вопрос об идентичности программного обеспечения в современном мире разработчики и юристы.

90. Как, впрочем, и остальные сторонники различия между исходной и производной интенциональностью: Дретске, Бердж, Крипке, Фодор.
91. Деннет ссылается, в частности, на работу Доукинза «Эгоистичный ген» (1976). В сокращенном виде суть этих идей изложена в статье Доукинза «Эгоистические гены и эгоистические мемы», попавшей в сборник Деннета и Хофштадтера «Глаз разума».
92. *Dennett D. C. The Intentional stance. P. 61.*
93. *Ibid.*
94. Такую оценку этому высказыванию Деннет дал в статье «Автопортрет» (*Dennett D. C. Brainchildren: Essays on designing minds. P. 357.*). Правда, в этой статье Деннет указывает на сборник «Мозговые штурмы» как на источник. Я так и не нашел в нем этого высказывания. Зато нашел в книге «Интенциональная установка», в статье «Три вида интенциональной психологии». С. 61.
95. Эта новая тактика впервые обсуждается в его президентском обращении к Американской философской ассоциации в 1990 г.
96. *Сёрл Дж. Открывая сознание заново. М., 2002. С. 193.*
97. Там же.
98. *Dennett D. C. The Intentional stance. P. 24.*
99. *Dennett D. C. Brainstorms: Philosophical essays on mind and psychology. P. 7.*
100. *Дубровский Д. И. «В театре» Дэниэла Деннета (по поводу одной популярной концепции сознания) // Вопросы философии. 2003. № 7. С. 92–111.*
101. *Dennett and his critics. P. 70.*
102. *Юлина Н. С. Головоломки проблемы сознания. М., 2004. С. 244.*
103. Там же. С. 282.
104. *Elton M. Daniel Dennett: Reconciling science and our self-conception. Cambridge, 2003. P. 98.*
105. *Dennett and his critics. P. 212.*

106. *Dennett D. C.* The intentional stance. P. 72.
107. Он называет так свою позицию в статье «Реальные паттерны» в сборнике «Мозговые штурмы» (*Dennett D. C.* Brainchildren: Essays on designing minds. P. 98). В целом Деннет отрицательно относится к любым ярлыкам. Даже это собственное название в статье «Обратно к чертежной доске» (это американское выражение обозначает возвращение к чему-то, что сделано, но сделано неудачно) он называет неудачным тактическим решением. *Dennett D. C.* Back from the drawing board: Reply to my critics // *Dennett and His Critics: Demystifying Mind* / B. Dahlbom (ed.). Oxford, 1993. P. 213.
108. *Dennett D. C.* The intentional stance. P. 27.
109. *Nagel T.* What is it like to be a bat // The nature of consciousness. Philosophical debates / N. Block (ed.). Cambridge, 1997. P. 519.
110. *McGinn C.* Can we solve the mind-body problem // Philosophy of mind: Classical and contemporary readings / D. Chalmers (ed.). Oxford, 2002. P. 396.
111. *Ryle G.* The concept of mind. Chicago, 2002. P. 155.
112. *Dennett D. C.* Consciousness explained. Boston, 1991. P. 83.
113. Ibid. P. 72.
114. Ibid. P. 107.
115. *Dennett D. C.* Sweet dreams. Cambridge, 2005. P. 135.
116. *Dennett D. C.* Content and consciousness. P. 87.
117. *Dennett D. C.* Brainstorms: Philosophical essays on mind and psychology. P. 123.
118. *Dennett D. C.* Consciousness explained. P. 135.
119. Ibid. P. 159.
120. Ibid. P. 113.
121. *Dennett D. C.* Content and consciousness. P. 128.
122. *Dennett D. C.* Brainstorms: Philosophical essays on mind and psychology. P. 145.
123. *Dennett D. C., Kinsbourne M.* Time and observer: The where and when of consciousness in the brain // Behavioral and brain science. 1992. Vol. 15. P. 183–241 (<http://ase.tufts.edu/cogstud/papers/time&obs.htm>).
124. *Dennett D. C.* Consciousness explained. P. 365.
125. *Dennett D. C., Kinsbourne M.* Time and observer.
126. *Dennett D. C.* Consciousness explained. P. 207.
127. *Юлина Н. С.* Головоломки проблемы сознания. С. 156.

128. Юлина Н. С. Головоломки проблемы сознания. С. 161.
129. Dennett D. C. Consciousness explained. P. 216.
130. Ibid. P. 281.
131. Blackmore S. Destroying the zombic hunch. Review of «Sweet Dreams» by Daniel Dennett // Nature. 2005. № 5. P. 21–23 (<http://www.susanblackmore.co.uk/reviews/Dennett05.htm>).
132. Dennett D. C. Sweet dreams. P. 136.
133. Ibid. P. 137.
134. Baars B. Cognitive theory on consciousness. Cambridge, 2000. P. 42.
135. Baars B. In the theatre on consciousness: The workspace of the mind. Oxford, 1998. P. 45.
136. Dennett D. C. Consciousness explained. P. 108.
137. Baars B. Cognitive theory on consciousness. P. 132.
138. В «Объясненном сознании» Деннет уже представляет теорию Глобального рабочего пространства как наиболее удачную консенсусную модель работы мозга. И выражает согласие со множеством ее элементов, хотя указывает на то, что в ней есть и недостатки. «Подобного рода [как ГРП. — Д. В.] консенсусную модель я осторожно предлагаю, игнорируя некоторые детали и подчеркивая другие...». Dennett D. C. Consciousness explained. P. 257. Вероятно, эти ранние ссылки в «Объясненном сознании» остались незамеченными С. Блэкмор. Поэтому в своей рецензии на «Сладкие грезы» она указала на союз с ГРП как на признак деградации материалистических позиций Деннета. На симпатию Деннета в отношении ГРП в «Объясненном сознании» мне указал Васильев. И эта симпатия — еще один аргумент в пользу объединения ММН и «славы в мозге». Тем удивительней, что сам Васильев с этим не согласен. И настаивает, что в философии Деннета наступил существенный сдвиг.
139. Dennett D. C. Consciousness explained. P. 126.
140. Васильев В. В. Трудная проблема сознания. С. 131.
141. Там же. С. 131.
142. Dennett D. C. Consciousness explained. P. 138.
143. Results: Out of 255 responses, Light-Driving 74, Light-Music=54, Buzz-Driving=70, Buzz-Music=57. См.: Материалы конференции «Toward a Science of Consciousness». Tucson, Arizona, April 4–8 2006. P. 112.
144. Dennett D. C. Consciousness explained. P. 195.

145. *Akins K.* Lost the plot? Reconstructing Dennett's multiple drafts theory of consciousness // *Mind and Language*. 1996. Vol. 11. № 1. P. 29.
146. *Dennett D. C.* Sweet dreams. P. 171.
147. *Schneider S.* Daniel Dennett on the nature of consciousness // *The Blackwell companion to Consciousness* / M. Velmans, S. Schneider (eds.). Oxford, 2007. P. 319.
148. *Dennett D. C.* Consciousness explained. P. 180.
149. *Dennett D. C.* Consciousness explained. P. 196.
150. *Dennett D. C.* Sweet dreams. P. 172.
151. В одной из таких разъяснительных статей Деннет пишет: «Мы поняли, что о вопросах, которые мы рассмотрели, трудно мыслить ясно, и те [объяснения. — Д. В.], что работают для одного философа, не работают для другого и приводят к заблуждению третьего». *Dennett D. C., Kinsbourne M.* Multiple drafts: An eternal golden braid. Response to Glicksohn and Salter // *Behavioral and brain sciences*. 1995. Vol. 18. № 4. P. 810–811.
152. *Churchland P. M.* Catching consciousness in recurrent net // *Daniel Dennett* / A. Brook, D. Ross. Cambridge, 2002. P. 79.
153. *Churchland P. M.* The engine of reason. The seat of the soul. Cambridge, 1995. P. 264.
154. *Dennett D. C.* Two steps closer on consciousness // *Paul Churchland* / B. Keeley (ed.). N. Y., 2006. P. 193–209.
155. Ibid.
156. Ibid.
157. *Dennett D. C.* Brainstorms: Philosophical essays on mind and psychology. P. 136.
158. Ibid. P. 142.
159. Ibid. P. 144.
160. Ibid. P. 145.
161. *Dennett D. C.* Quining qualia // *Philosophy of mind: Classical and contemporary readings* / D. Chalmers (ed.). Oxford, 2002. P. 226.
162. *Chalmers D.* Facing up to the problem of consciousness // *Explaining consciousness. The «Hard Problem»* / J. Shear (ed.). Cambridge, 1997. P. 19.
163. *Wittgenstein L.* Remarks on colour. Berkeley, 2007. P. 9e par. 53.
164. Не только длина волны влияет на цвет. Помимо прочего, контекст оказывает существенное влияние на восприятие.

165. Кока-кола и одежда Санта-Клауса совпадают по цвету. Но это не случайное совпадение. Оказывается, устойчивому образу Санта-Клауса, который сложился по всему миру, мы обязаны именно «Кока-Коле». До некоторых пор Санта изображался художниками совсем по-разному: как высокий или маленький, толстый или худой, как эльф или человек. Конечно, изменялся и его наряд. Но с 1931 г. его изображение стало стандартным. «Кока-Кола» начала кампанию по ассоциации напитка с зимними развлечениями. И решила использовать Санту в качестве своего представителя. Тогда художник Хаддон Сандблом начал его изображать упитанным, доброжелательным человеком в красной шубе цвета Кока-колы. Так образ и отложился в представлениях большинства. Это был великолепный маркетинговый ход. Шутка ли, самого известного положительного героя заставить продавать свой напиток? Впрочем, связь кока-колы с флагом США, хотя и неумышленная, тоже не менее устойчивая. Кока-кола — воистину национальный американский напиток, олицетворяющий демократию, свободу и США (http://www.thecoca-colacompany.com/heritage/cokelore_santa.html).
166. *Dennett D. C. Consciousness explained. P. 378.*
167. *Dennett D. C. Lovely and suspect qualities // Consciousness / E. Villanueva (ed.). Atascadero, CA, 1991. P. 37–43* (<http://ase.tufts.edu/cogstud/papers/lovely&s.htm>).
168. *Dennett D. C. Consciousness explained. P. 375.*
169. *Byrne A., Hilbert D. Color realism and color science // Behavioral and brain sciences. 2003. Vol. 26. P. 3–21.*
170. *Локк Дж. Сочинения в 3-х т. М., 1985. Т. 1. Опыт о человеческом разумении. С. 444.*
171. В статье «Куайнирование квалиа» Деннет использует не только Инвертированный спектр, но и свою вариацию на ту же тему — размышления по поводу «вкуса цветной капусты»: «Я ненавижу вкус цветной капусты. Один лишь ее запах заставляет меня чувствовать дурноту. Как ты можешь ее есть? Тут мне приходит мысль, что вкус цветной капусты для тебя совсем не то же самое, что вкус цветной капусты для меня».
172. *Dennett D. C. Consciousness explained. P. 389.*
173. *Витгенштейн Л. Философские исследования. § 293; Dennett D. C. Consciousness explained. P. 390; Dennett D. C. Quining qualia. P. 230.*

174. Block N. Wittgenstein and qualia // Philosophical perspectives. 2007. Vol. 21. № 1. P. 83.
175. Dennett D. C. Consciousness explained. P. 390.
176. Munsell color system. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Munsell_color_system#CITEREFMunsell1905.
177. Byrne A. Inverted qualia // Stanford encyclopedia of philosophy. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/qualia-inverted/>.
178. Dennett D. C. Consciousness explained. P. 391.
179. Shoemaker S. The inverted spectrum // The nature of consciousness. Philosophical debates / N. Block (ed.). Cambridge, 1997. P. 643.
180. Целесообразно проводить различие между интуицией о недостаточности объективных характеристик (объективного знания) для описания реальности и аргументом Знания. В аргументе интуиция используется в качестве посылки, а выводом служит отрицание физикализма. Аргументы такого типа существовали и до статьи Джексона. Например, подобные аргументы встречаются у К. Бродуа в книге «Сознание и его место в природе» (1925), у Б. Фарелла в эссе «Опыт» и у Г. Фейгла в работе «Ментальное и физическое. Эссе и постскрипт».
181. Dennett D. C. Consciousness explained. P. 400.
182. Kirk R. Sentience and behavior // Mind, New Series. 1974. Vol. 83. № 329. P. 43.
183. Chalmers D. The conscious mind: In search of a fundamental theory. Oxford, 1996. P. 123.
184. Ibid. P. 131.
185. Dennett D. C. Brainchildren: Essays on designing minds. P. 171.
186. Dennett D. C. Sweet dreams. P. 49.
187. Dennett D. C. Consciousness explained. P. 406.
188. Ibid.
189. Ibid. P. 402.
190. James W. The principles of psychology. N. Y., 2007. Vol. 1. P. 129.
191. Huxley T. On the hypothesis that animals are automata, and its history (1874) // Huxley T. Collected essays. London, 2005. Vol. 1. P. 240 (<http://aleph0.clarku.edu/huxley/CE1/AnAuto.html>).
192. Robinson W. Epiphenomenalism // Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/epiphenomenalism/>.
193. В российском варианте игра называется «секретная сказка». Утвердительные ответы даются тогда, когда вопрос заканчивается на гласную, а отрицательные — когда на согласную.

194. Лейбниц Г. В. Сочинения в четырех томах. М., 1982. Т. 1. С. 415.
195. Юм Д. Сочинения в двух томах. М., 1996. Т. 1. С. 345.
196. Там же. С. 379.
197. Подобные аргументы приводит Р. Свинбурн в статье «Субстанциональный дуализм». Из сборника конференции в Baylor University. (Type Script, рукопись.)
198. Подобные аргументы развернуты в увлекательном диалоге: Perry J. A dialogue on personal identity and immortality. Indianapolis, 1978.
199. Локк Дж. Сочинения в 3-х т. Т. 1. Опыт о человеческом разуме. С. 393.
200. «Self» я перевожу как «собственное я», или «я», «person» — личность, «agent» — агент.
201. Подобную формулировку можно найти в размышлениях Деннета к истории Р. Ракера «Программы» в сборнике: Глаз разума. Фантазии и размышления о самосознании и о душе. С. 238.
202. Dennett D. C. Consciousness explained. P. 418.
203. Ibid.
204. Локк Дж. Сочинения в 3-х т. Т. 1. Опыт о человеческом разуме. С. 400.
205. В статье «Moral Agency, Selfconsciousness and Practical Reason» американский философ Шон Гелленджер предлагает альтернативный подход к критериям личности, основанный на представлении об аристотелевском *phronesis*, практической мудрости. С точки зрения Гелленджера, этот подход обладает некоторыми преимуществами, по отношению к подходу Деннета. Однако, критикуя шесть критериев Деннета, он допускает неточности в интерпретации. Так, третий и четвертый критерии Деннета он интерпретирует как эмоциональное отношение: быть объектом эмоционального отношения и способность испытывать эмоциональное отношение к другим. Gallagher S. Moral agency, self-consciousness, and practical wisdom // Dimensions of personhood / A. Laitinen, H. Ikaheimo (eds.). Exeter, 2007. P. 216. С моей точки зрения, Деннет не имеет в виду эмоциональное отношение ни в первом, ни во втором случае. Речь идет о прогнозируемости, возможности быть интерпретированным с помощью Интенциональной установки.
206. Однако не все «цепные реакции» предсказуемы. На одном из соревнований в Голландии (2005 г.), где должен был состояться мировой рекорд по падающим домино, в зал неожиданно влетел воробей. Он успел смахнуть около 23 000 костяшек

из более чем 4 миллионов и был застрелен охранником. После возникшего скандала на следующей демонстрации падающих цепочек домино память воробья была почтена.

207. Ход мысли Деннета основан на построениях Э. Анскомб и Г. Франкфурта. Рассуждения о связи ответственности с доступностью описаний можно почерпнуть из главной работы Анскомб «Интенция». Прекрасный анализ появления желаний второго порядка даны в статье Г. Франкфурта «Свобода воли и концепция личности». Франкфурт среди разумных существ специально выделяет тех, кто способен желать, но не способен критически относиться к собственным желаниям. Он называет их «желателями» (*wantons*).
208. Критерии, которые выдвигает Деннет в качестве условий личности, не уникальны. Подобные условия считают существенными также М. Шечтман, Дж. Перри, К. Ровэн. Они упоминают три основных: (1) способность действовать в соответствии с разумными причинами; (2) способность объяснять эти причины; (3) требования последовательности объяснений. Однако эти авторы не подчеркивают принципиальную недостижимость критериев для каждого агента. Акцент Деннета делает его представление, с моей точки зрения, более предпочтительным.
209. В вопросах о тождестве личности фантастические мысленные эксперименты — обычное дело. Традицию можно возводить к Локку. Он был автором одного из первых мысленных экспериментов, показывающих независимость личности от тела. Эксперимент Деннета «Где Я?» — это подобный аргумент «нового поколения».
210. Глаз разума. С. 26.
211. В статье «Молоко человеческой интенциональности», в которой Деннет критикует Китайскую комнату, указывается на то, что одной из целей истории «Где Я?» было внушить интуиции, что мозг можно «протезировать» с помощью компьютерных программ. *Dennett D. C. The milk of human intentionality // Behavioral and brain sciences. 1980. Vol. 3. № 3. P. 428–430.*
212. Глаз разума. С. 192.
213. Там же. С. 193.
214. Там же.
215. Глаз разума. С. 198.
216. Исходно аналогия была использована Деннетом в 1983 г. в Хьюстоне на симпозиуме, посвященном природе личности и сознания.
217. Глаз разума. С. 198.

218. Глаз разума. С. 199.
219. Там же. С. 202.
220. Там же. С. 200.
221. Там же. С. 202.
222. *Elton M. Daniel Dennett: Reconciling science and our self-conception.* P. 200.
223. *Gallagher S. Moral agency, self-consciousness, and practical wisdom.* P. 200.
224. В. В. Васильев справедливо обратил мое внимание на наличие двух этих названий. Появление второго — неслучайно. Существует вероятность, что это заболевание индуцировано психотерапевтами.
225. Любопытно, что многие «страдающие» подобным расстройством не считают, однако, что это расстройство. И тех, кто не верит в их состояния, обвиняют в синдроме «расстройства единственной личности». Подобные мнения высказываются обладателями множественной личности на сайте <http://www.astraeasweb.net/plural/>.
226. Этот феномен становится поводом для различных художественных интерпретаций. Так, в 1908 г. Г. Эверс публикует рассказ «Смерть барона фон Фридель». В рассказе речь идет о расщеплении личности барона на мужскую и женскую личности. Обе личности поочередно завладевают бароном, в конце концов он кончает жизнь самоубийством. Точнее, убийством: «Разумеется, о самоубийстве здесь не может быть и речи. Скорее так: он, барон Езус Мария фон Фридель, застрелил баронессу Езус Мария фон Фридель; или же наоборот — она убила его. Этого я не знаю. Кто-то кого-то хотел убить — она или он, — но отнюдь не самого себя, один хотел убить другого. И так это и было».
227. Эта сцена прямо стоит перед моими глазами после фильма «Три лица Евы». Ее прекрасно сыграла Джоэнн Вудворд. Фильм основан на романе Корбетта Тигпена и Харвей Клекли по мотивам истории психотерапии с участием Крис Костнер-Сайзмор — пациентки со множественной личностью.
228. *Dennett D. C. Brainchildren: Essays on designing minds.* P. 42.
229. *Ibid.* P. 43.
230. Например, *Dennett D. C. Brainstorms: Philosophical essays on mind and psychology.* P. 303; *Dennett D. C. The intentional stance.* P. 113; *Dennett D. C. Consciousness explained.* P. 245.
231. *Dennett D. C. The intentional stance.* P. 91.

232. *Gazzaniga M.* Brain modules and belief formation // Self and consciousness. Multiple perspectives / F. S. Kessel, P. M. Cole, D. L. Johnson (eds.). Hillsdale, 1992. P. 91.
233. «Человеческий мозг правильней рассматривать как социологическую сущность, нежели единую простую психологическую сущность; правильней считать, что мозг состоит из отдельных модулей, каждый из которых предназначен для выполнения независимых вычислений, которые в основном оказываются недоступными для других модулей». *Gazzaniga M.* Brain modules and belief formation. P. 89.
234. *Dennett D. C.* The self as a center of narrative gravity // Self and consciousness: Multiple perspectives / F. Kessel, P. Cole, D. Johnson (eds.). Hillsdale, NJ, 1992. P. 111.
(<http://ase.tufts.edu/cogstud/papers/selfctr.htm>)
235. *Velleman D.* The self as narrator. P. 11. URL:
<https://pantherfile.uwm.edu/hinchman/www/Velleman-Dennett.pdf>
236. *Dennett D. C.* Brainchildren: Essays on designing minds. P. 112.
237. *Velleman D.* The self as narrator. P. 7.
238. *Dennett D. C.* The self as a center of narrative gravity. P. 111.
239. Они даже были влюблены в одного мужчину.
240. *Dennett D. C.* Consciousness explained. P. 429.
241. *Dennett D. C.* Brainchildren: Essays on designing minds. P. 43.
242. *Hofstadter D.* I am a strange loop. N. Y., 2007. P. 255.
243. *Dennett D. C.* Brainchildren: Essays on designing minds. P. XIV.
244. Dennett and his critics. P. 212.
245. *Dennett D. C.* Sweet dreams. P. 23.
246. *Dennett D. C.* Darwin's dangerous idea: Evolution and the meaning of life. N. Y., 1995. P. 63.
247. *Dennett D. C.* Brainchildren: Essays on designing minds. P. 356–357.

Кандидат философских наук. В 1998 г. окончил исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, затем — аспирантуру ИМЭМО по специальности «Международные отношения». В 2006 г. с отличием окончил философский факультет МГУ. В течение нескольких лет ведет работу по изучению теории сознания, одним из результатов которой стала кандидатская диссертация на тему «Теория сознания Д. Деннета» (2008). В сферу научных интересов входит исследование проблемы тождества личности, свободы воли, а также психофизической проблемы. Д. Б. Волков является учредителем и содиректором Московского центра исследований сознания, в рамках деятельности которого он участвовал во встречах и интервью с такими учеными-философами, как Дэниел Деннет, Хилари Патнэм, Ричард Суинберн, Тимоти Уильямсон, Скотт Сомерс. Генеральный директор компании IT ONLINE GROUP; занимается разработкой стратегических направлений деятельности компании и руководит международными проектами, взаимодействуя с партнерами в России, США и Европе. Автор публикаций в профессиональной сфере.

Дмитрий Борисович ВОЛКОВ

Наше издательство предлагает следующие книги:

10451 ID 124076

Отзывы о настоящем издании, а также обнаруженные опечатки присылайте по адресу URSS@URSS.ru. Ваши замечания и предложения будут учтены и отражены на веб-странице этой книги в нашем интернет-магазине <http://URSS.ru>

URSS

E-mail:
URSS@URSS.ru

Каталог изданий
в Интернете:
<http://URSS.ru>

URSS НАШИ НОВЫЕ
КООРДИНАТЫ

ТЕЛЕФОН / ФАКС +7 (499) 724-25-45
(многоканальный)
117335, Москва, Нахимовский пр-т, 56